КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка [1]).

VI.

Взглядъ князя В. П. Кочубея по вопросу о малороссійскихъ козакахъ; его письмо къ князю Н. Г. Репнину и отвѣтное письмо князя Н. Г. Репнина.—Освобожденіе козаковъ отъ рекрутскаго набора въ 1833 г.—Перепись козаковъ; переселеніе въ Кавказскую область.—Князь Н. Г. Репнинъ настаиваетъ на необходимости реформы административнаго строя малороссійскихъ козаковъ.

Князь В. П. Кочубей [2]) въ конфиденціальномъ письмѣ къ князю Н. Г. Репнину отъ 7 октября 1832 г. высказываетъ свои характерные принципіальные взгляды на управленіе Малороссіей.

„Хотя я по рожденію и хохолъ—пишетъ Кочубей—но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ мелкихъ соображеній; я смотрю на дѣла Вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло. Не изъ мелкихъ соображеній, но чтобы опровергнуть мнѣніе Канкрина, постарайтесь взыскать, насколько это возможно, налоги въ Вашихъ губерніяхъ".

Кочубею хотѣлось возможно скорѣе ассимилировать малороссійскихъ козаковъ съ прочими податными сословіями въ государствѣ, уничтожить даже намеки на ихъ давнія традиціи. Сознавая, что козаки обнищены распоряженіями князя Я. И. Ло-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 10.

[2]) Род. 1768 г. † 1834 г.

банова-Ростовскаго о сформированіи ополченія въ 1812 г., что вполнѣ согласовалось съ личными наблюденіями императора Николая Павловича, въ бытность его великимъ княземъ въ 1816 г., о чемъ упоминалось выше,—Кочубей стремился тѣмъ не менѣе къ тому, чтобы немедленно, почеркомъ пера, извлечь изъ козаковъ, какъ изъ безправной податной единицы возможно большій доходъ въ казну, наперекоръ всякой возможности, что хорошо понималъ даже тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ, менѣе знакомый съ вопросомъ о малороссійскихъ козакахъ, но смотрѣвшій безъ предвзятыхъ мыслей. Всѣми проводимыми имъ по отношенію къ козакамъ взглядами и принимаемыми имъ мѣропріятіями, Кочубей хотѣлъ показаться въ глазахъ высшаго правительства, говоря почти его словами, „болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе".

Приведемъ здѣсь цѣликомъ письмо Кочубея къ Репнину, въ переводѣ съ французскаго подлинника, въ высшей степени важное для характеристики Кочубея и его взглядовъ вообще, и въ частности, по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ.

„С.-Петербургъ, 7 октября 1832 г.—Вашъ адъютантъ уѣхалъ такъ внезапно, мой милый князь, что я не имѣлъ времени поручить ему передать Вамъ даже нѣсколько строкъ. Онъ пріѣхалъ, какъ нельзя болѣе кстати, и Вы можете быть вполнѣ довольны отсрочкой, дарованной козакамъ по набору. Быть можетъ, Вы не будете настолько же довольны распоряженіями, которыя долженъ былъ Вамъ послать на послѣднихъ дняхъ графъ Чернышевъ, по предмету другихъ Вашихъ представленій; они не согласуются вполнѣ съ этими послѣдними. Хотѣли избѣжать отдѣльной переписи козаковъ, такъ какъ втеченіе предстоящаго лѣта должна быть произведена генеральная ревизія; думали, что слѣдовало избѣгать всякаго мѣропріятія, которое могло бы возбудить малѣйшее подозрѣніе у козаковъ и увеличить ихъ недовольство, о чемъ здѣсь говорили; боялись, чтобы большое количество мелкихъ чиновниковъ или дворянъ, которымъ было бы поручено составленіе кадастра (поземельныхъ списковъ), не увеличили ни на чемъ неоснованнаго безпокойства козаковъ, не злоупотребили своими полномочіями и довѣріемъ къ нимъ

правительства. Исходя изъ этого, мы подумали, что Вы могли-бы достичь нѣкоторыхъ результатовъ при помощи мѣропріятій, которыя я назову временными, и я думаю, что Вы можете достичь того, чтобы опредѣлить (конечно, не вполнѣ точно) количество земли, которымъ владѣетъ каждый козакъ въ волости, подъ благовиднымъ предлогомъ, что это свѣдѣніе необходимо для раскладки налоговъ. Когда бы этотъ первый шагъ былъ сдѣланъ, при ревизіи была бы произведена провѣрка uti possidetis, а позднѣе можно было бы приступить къ подробному межеванію—дѣло очень трудное, конечно, но за которое прійдется рано или поздно взяться.

Я не буду Вамъ говорить о проектѣ Вашего воззванія къ козакамъ, оно составлено не по обычной формѣ оффиціальныхъ бумагъ въ провинціи. Постарайтесь избѣгать этого и держитесь установленныхъ формъ [1]).

По поводу этого дѣла Государь говорилъ мнѣ съ недѣлю тому назадъ о рапортахъ и многочисленныхъ разъясненіяхъ, которыя представилъ одинъ жандармскій полковникъ (если не ошибаюсь, Пановъ). Будучи уполномоченъ объѣхать различные уѣзды, въ которыхъ живутъ козаки, онъ рисуетъ печальную картину ихъ бѣдности и притѣсненій. Онъ представилъ Вамъ отчетъ о своей поѣздкѣ. Вы отдали приказы, чтобы устранить нѣкоторыя изъ послѣднихъ (притѣсненій) настолько, насколько это зависѣло отъ Васъ, но есть еще много вещей, которыя требуютъ исправленій и т. п. Его Величество, говоря мнѣ приблизительно то, что Вы только что прочли, прибавилъ, что онъ не имѣлъ времени просмотрѣть всѣ рапорты полковника, показавъ мнѣ примѣрно, какого объема дѣло, которое должно было бы лежать у него на столѣ. Болѣе я ничего не знаю объ этомъ. Нищета козаковъ должна быть велика, но можно ли скоро устранить вкоренившееся зло и кто главнымъ образомъ виновенъ въ немъ? По моему мнѣнію, князь Яковъ Лобановъ нанесъ ударъ козакамъ въ 1812 г. Онъ совершенно ихъ разорилъ сформированіемъ большого ополченія безъ всякой помощи со стороны правительства. Но какъ-

[1]) Мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина воззванія, о которомъ идетъ рѣчь.

бы ни было въ прошломъ, нужно мудро заботиться о будущемъ. Министръ финансовъ продолжаетъ утверждать, что онъ согласился уменьшить налоги потому только, что онъ вполнѣ убѣжденъ, что козаки ничего не будутъ платить. Нужно бы постараться выбить ему изъ головы эту мысль, основанную не знаю на какомъ соображеніи.

Впрочемъ, нужно сказать правду, что имъ очень трудно платить, когда они не имѣютъ ни земли, ни промышленности, ни сбыта. Мой Клеберъ прислалъ мнѣ недавно счетъ, изъ котораго видно, что крестьяне Диканьки должны мнѣ болѣе 5000 рублей за казенные налоги, которые мною за нихъ внесены. Мнѣ кажется, что, по отношенію къ козакамъ прійдется примѣнить великорусскій поземельный налогъ. Нужно будетъ устроить, чтобы тотъ, кто имѣетъ болѣе земли, болѣе и платилъ. Не знаю, не могли ли бы Вы включить въ эту категорію тѣхъ головъ и писарей, которые пріобрѣли земли отъ козаковъ, хотя они и получили кое-какіе маленькіе чины; я знаю такихъ въ Диканькѣ, которые притѣсняли козаковъ и купили у нихъ земли за безцѣнокъ.

Я разсуждаю обо всѣхъ этихъ предметахъ съ Вами, мой дорогой князь, съ полнымъ довѣріемъ и совершенной откровенностью. Я надѣюсь, что все это останется, конечно, между нами. Хотя я по рожденію и хохолъ, но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ мелкихъ соображеній; я смотрю на дѣла Вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло. Не изъ мелкихъ соображеній, но чтобы опровергнуть мнѣніе Канкрина, постарайтесь взыскать, насколько это возможно, налоги въ Вашихъ губерніяхъ.

Кузина подаетъ мнѣ надежду, что Вы скоро пріѣдете сюда. Я думаю, что послѣ того, какъ Вы сдѣлаете распоряженія о козакахъ, ничто не воспрепятствуетъ Вамъ исполнить Ваше предположеніе. Можетъ быть, Вы могли бы привезти съ собою, какъ имѣли намѣреніе, предварительныя соображенія о возможности

введенія поземельнаго налога? Вы имѣли намѣреніе произвесть по этому предмету изслѣдованія частнымъ образомъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ вблизи Вашей обычной резиденціи. Хотя бы это было произведено всего въ нѣсколькихъ уѣздахъ, все-таки это дало бы нѣсколько полезныхъ данныхъ. Я не хочу начинать новаго листка. Кончаю увѣреніемъ въ моей искренней привязанности. Кочубей.

PS. Я ожидаю сегодня утромъ Наталію. Она пріѣдетъ изъ Варшавы, чтобы провести мѣсяцъ съ нами [1]).

Въ отвѣтъ на эту, такъ сказать, политическую исповѣдь князя В. П. Кочубея, князь Н. Г. Репнинъ отвѣчалъ также исповѣдью во французскомъ письмѣ отъ 27 января 1833 года, которое мы и приведемъ здѣсь въ переводѣ для сопоставленія съ письмомъ Кочубея:

„Полтава, 27 января 1833 г.—Я долженъ былъ бы уже давно отвѣтить на Ваше конфиденціальное письмо отъ 7 прошлаго октября, но до сихъ поръ не было удобнаго случая для пересылки отвѣта, теперь же я спѣшу воспользоваться отъѣздомъ полковника Дмитрія Степановича Селецкаго, ближайшаго моего сосѣда по Яготину [2]), честнаго человѣка, храбраго офицера, котораго я провелъ въ гвардію, человѣка, на котораго я могу положиться и который, вслѣдствіе крайне разстроеннаго усердной службой здоровья, прожилъ около пяти лѣтъ въ Малороссіи; я поручаю его, князь, Вашему благосклонному вниманію, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ сообщить Вамъ много подробностей о состояніи нашего края и въ особенности обо всемъ томъ, что касается козаковъ.

Такъ какъ наконецъ-то уже рѣшено произвесть новую ревизію въ теченіе нынѣшняго года, то совершенно естественно отло-

---

[1]) Наталія Викторовна, дочь Виктора Павловича, бывшая замужемъ за графомъ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, бывшимъ послѣ графа А. Д. Гурьева и графа В. В. Левашева черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ ген.-губернаторомъ, съ 12 ноября 1836 г. по 1840 г.

[2]) Впослѣдствіи генералъ—маіоръ, владѣлецъ имѣнія при с. Малютинцахъ Пирятинскаго уѣзда, верстахъ въ 30-ти отъ м. Яготина, отецъ бывшаго кіевскаго губернскаго предводителя дворянства П. Д. Селецкаго, записки котораго помѣщались на страницахъ „Кіевской Старины".

жить до этого времени и вопросъ о переписи козаковъ; это гораздо предпочтительнѣе, чѣмъ производить послѣднюю теперь; въ этомъ я совершенно согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ, но позвольте мнѣ поспорить съ Вами съ моей обычной откровенностью относительно другихъ пунктовъ Вашего письма.

Въ Петербургѣ очень ошибаются, предполагая, что среди козаковъ существуетъ духъ недовольства; напротивъ того, видя строгія мѣры, которыя принимаются для взысканія налоговъ, и принимая во вниманіе, что казенные крестьяне платятъ почти вдвое противъ нихъ, козаки начали чувствовать благодѣтельное значеніе указа 25-іюня; *скажите это съ полной увѣренностью, когда представится случай.*

Волненіе въ Полтавѣ не имѣетъ никакого значенія; все было успокоено при одномъ моемъ появленіи и строгомъ тонѣ, къ которому мои подчиненные не привыкли. Полковникъ Селецкій былъ свидѣтелемъ въ Лубнахъ набора болѣе двухъ тысячъ козаковъ въ линейные полки [1]); разспросите у него подробности этого. Ради Бога, будьте совершенно спокойны относительно нашихъ козаковъ,—это прекрасный народъ, у нихъ много общаго съ ихъ пріятелями—*волами*: имъ скажутъ *цобъ*—и они пойдутъ налѣво, *цабе*—пойдутъ направо, и Вы знаете, что волы только тогда становятся упрямы, когда ихъ заставляютъ тащить свыше ихъ силъ.

Вернемся къ вопросу о ревизіи. Порядокъ, какимъ теперь она производится въ Россіи, нелѣпость, такъ какъ при одинаковомъ количествѣ земли человѣкъ 40 лѣтъ самъ по себѣ гораздо богаче, чѣмъ другой 30 лѣтъ, имѣющій четырехъ малолѣтнихъ сыновей и дѣда 70 лѣтъ, которыхъ долженъ кормить, и однако послѣдній будетъ обложенъ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ первый, и всегда такъ будетъ, если не возьмутъ за основаніе раскладки подушнаго очередныхъ списковъ, которыми пользуются при наборѣ рекрутовъ; тогда подушное будутъ платить только работники (§ 100 новаго устава), и казна никогда на этомъ не

---

[1]) Срв. разсказъ объ этомъ очевидца г. М. Номиса. „Кіев. Стар.“ 1897 г. апрѣль, стр. 158—161.

потеряетъ, такъ какъ, согласно даннымъ политической экономіи, количество достигающихъ 18-лѣтняго возраста гораздо большее, чѣмъ количество умирающихъ между 18 и 60 годами, какъ Вы увидите, князь, въ приложеніи къ сему подъ лит. А [1]); только тогда мы перестанемъ слышать справедливыя жалобы или скорѣе вопли: „за что мы платимъ за солдатъ и умершихъ".

Мѣропріятія, которыя Вы называете временными, были предприняты мною въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ не по отношенію къ одной волости, но по отношенію къ двумъ уѣздамъ, полтавскому и черниговскому; въ полтавскомъ уѣздѣ эта задача была выполнена шестью чиновниками, въ черниговскомъ—четырьмя; все было исполнено въ обоихъ уѣздахъ менѣе чѣмъ въ три недѣли и не вызвало ни волненій, ни жалобъ. Мы имѣемъ по этимъ двумъ уѣздамъ статистическія данныя о числѣ козаковъ, если не безусловно точныя, то близкія къ дѣйствительности, а это все, что нужно. По моему мнѣнію, даже не нужно, чтобы правительство дѣлало точныя провѣрки, такъ какъ такого рода мѣра взволновала бы обывателей; достаточно лишь обложить податью волость по числу работниковъ и по количеству объявленной земли, и если даже и откроется впослѣдствіи большее количество, то не увеличивать подати впродолженіе десяти лѣтъ, но предоставить самимъ волостямъ сдѣлать новое распредѣленіе той-же подати, тогда можно быть увѣреннымъ, что Иванъ обнаружитъ то, что скрылъ Петръ, а этотъ послѣдній то, чего не объявилъ Григорій, ихъ собственный интересъ будетъ ихъ побуждать давать точныя свѣдѣнія о владѣніи каждаго изъ нихъ, ибо чѣмъ болѣе будетъ раздѣлена подать, тѣмъ легче будетъ платить. Втеченіе десяти лѣтъ, усердіемъ нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса военныхъ топографовъ, очень подвинуто дѣло кадастра (поземельныхъ списковъ) или земельнаго межеванія, которое одно можетъ дать правительству точныя данныя и средство наложить подати съ большею справедливостью, чѣмъ онѣ распредѣлены нынѣ.

---

[1]) Этого приложенія мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина.

Разсмотримъ механическую сторону ревизіи. Какъ она производилась понынѣ? Каждое казенное поселеніе, а часто также и принадлежащія помѣщикамъ, въ особенности, если владѣлецъ отсутствуетъ, обращается къ писцу нижняго земскаго суда, или къ пономарю, или къ чиновнику, прогнанному со службы, чтобы составить ревизіонные списки. Обыкновенно медлятъ съ исполненіемъ до послѣднихъ дней назначеннаго срока, и тогда всѣ второпяхъ дѣлаютъ пропуски, а иногда по два раза вписываютъ; но наиболѣе часто случается первое, ибо писаря получаютъ денежныя благодарности за пропускъ именъ нѣсколькихъ стариковъ, въ разсчетѣ на ихъ близкую кончину, или нѣсколькихъ новорожденныхъ. Имѣются примѣры, что новорожденные мальчики записывались дѣвочками; послѣ этого администрація принуждена провѣрять, такъ что производится двойная работа, и первая исполняется, по крайней мѣрѣ, 200 лицами въ уѣздѣ, да вдобавокъ отребьемъ общества. Не лучше ли поручить это, какъ я думаю, пяти или шести чиновникамъ, уполномоченнымъ дѣйствовать во имя правительства и отвѣтственнымъ передъ закономъ, тогда какъ при теперешнемъ способѣ, въ случаяхъ неточности, наказуемыми являются не тѣ, которые составляютъ ревизіонные списки, но тѣ, которые заказываютъ ихъ составить, не будучи въ состояніи зачастую ихъ прочесть. Я осмѣливаюсь утверждать, что способъ, который я предлагаю, менѣе обременителенъ и будетъ гораздо болѣе точнымъ.

Вы оканчиваете, князь, параграфъ о переписи козаковъ нѣсколькими словами объ изложеніи моего воззванія, говоря, что оно не отвѣчаетъ принятымъ формамъ и что нужно держаться существующаго порядка; я же скажу на это, что нужно говорить народу языкомъ, который ему понятенъ, и что бумага, подписанная генералъ-губернаторомъ, произведетъ болѣе впечатлѣнія на мужиковъ, чѣмъ указъ, согласно принятымъ формамъ, подписанный совѣтникомъ Волдыревымъ, секретаремъ Выдринымъ и повытчикомъ Докукинымъ (имена дѣйствительно существующія въ одномъ судѣ, а не вымышленныя). Чтобы пояснить то, что я высказываю, я спрошу: какъ козаки поняли указъ 25 іюня, который является между тѣмъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ?

Только, когда я объяснилъ имъ его приказомъ, мною подписаннымъ, и велѣлъ прочесть въ церквяхъ, начали они понимать его значеніе.

Если правительство довѣряетъ своимъ сановникамъ, то нужно, чтобы оно предоставляло имъ болѣе свободы дѣйствій, если же нѣтъ, то отзовите ихъ возможно скорѣе.

Безъ сомнѣнія, напряженіе всѣхъ силъ, которое вызвалъ у козаковъ князь Яковъ въ 1812 году, окончательно подорвало ихъ благосостояніе, но не этимъ нанесъ онъ имъ ударъ, а увеличеніемъ подушной подати въ самые бѣдственные годы, увеличеніемъ акциза на крымскую соль и несоразмѣрными наборами, производившимися послѣдніе годы. Умными распоряженіями въ ближайшемъ будущемъ можно скоро исцѣлить зло, но для этого—повторяю то, что я уже сто разъ говорилъ—нужно дать козакамъ новый административный строй, дать имъ защитниковъ, болѣе или менѣе доступныхъ, и поставить ихъ совершенно внѣ подчиненія казеннымъ палатамъ, учредивъ для нихъ особую контору, на подобіе департамента удѣловъ,—это единственный способъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія нижнихъ земскихъ судовъ и дѣйствующихъ заодно съ ними „пановъ“. Успокойте, пожалуйста, министра финансовъ, что козаки полтавской губерніи заплатили втеченіе 1832 года солидную сумму въ 2,313, 374 р. 30 к., т. е. почти вдвое противъ того, что они заплатили въ 1831 году. Я ожидаю еще дополнительныхъ объясненій изъ черниговской губерніи, но я могу сказать съ увѣренностью, что общая сумма налоговъ съ козаковъ превыситъ $3^1/_2$ милліона; въ общей суммѣ поступило въ полтавской губерніи подушной подати 4,854,168 р. $74^3/_4$ к., т. е. на 2,063,065 р. $47^1/_2$ к. болѣе, чѣмъ въ 1831 г. Итакъ, вы видите, князь, что предположеніе графа Канкрина не основательно.

По поводу налоговъ я Вамъ скажу, что, хорошо разсмотрѣвши статистическія данныя о полтавскомъ и черниговскомъ уѣздахъ, столь различныхъ по ихъ мѣстоположенію и по развитію промышленности, я убѣдился, что невозможно будетъ распредѣлить налогъ исключительно на земли,—было бы слишкомъ много пролетаріевъ, которые были бы освобождены; слѣдовало

бы обложить всѣхъ, признанныхъ работниками по очереднымъ спискамъ, и землю, какъ Вы увидите въ приложеніи подъ литерой В. [1]).

Я совершенно съ Вами согласенъ, что нужно повести серьезную аттаку противъ головъ и писарей, сдѣлавшихся коллежскими регистраторами и губернскими секретарями, и мнѣ казалось бы удобнымъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, основываясь на § 2 гражданской части указа 25 іюня, потому что отнынѣ тѣ, которые выходятъ изъ козачьяго сословія, должны платить оброкъ, который на нихъ налагаетъ унаслѣдованная ими земля; мнѣ кажется, что было-бы справедливо предписать, чтобы „*дворяне въ подушномъ окладѣ*“ и тѣ, которые изъ козаковъ сдѣлались *личными дворянами* по землѣ ихъ потомственной или отъ козаковъ пріобрѣтенной, были обложены козачьей повинностію“.

Вы видите, князь, что мое довѣріе къ Вамъ безгранично, ибо если бы мысль подобная этой сдѣлалась извѣстной здѣсь, то я нажилъ бы себѣ враговъ, но я ставлю себя выше всѣхъ этихъ мелкихъ соображеній и, защищая интересы владѣльцевъ и малороссійскихъ козаковъ, быть можетъ, слишкомъ горячо, по мнѣнію столичныхъ обывателей, я не ихъ единственно имѣю въ виду, но общее благосостояніе имперіи.

Я получилъ хорошее наслѣдіе благородства, вѣрности Государю и преданности отечеству и, конечно, показалъ первое и далъ неопровержимыя доказательства послѣднихъ.

Вотъ полный отвѣтъ на Ваше письмо, но однако я добавлю нѣсколько словъ къ моему письму о предметѣ очень важномъ, по моему мнѣнію, о которомъ я написалъ подробно министру внутреннихъ дѣлъ съ этой же окказіей: трудно представить себѣ безобразія, свидѣтелями которыхъ мы являемся ежедневно, вслѣдствіе продажи рекрутовъ въ Казенной Палатѣ; есть владѣльцы, которые продали по десяти и по двѣнадцати человѣкъ; вчера одна женщина, которая имѣетъ всего трехъ мужиковъ, представила одного, другая помѣщица—изъ двѣнадцати трехъ. Это положительно

[1]) И этого приложенія мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина.

гнусность, которую настоятельно необходимо прекратить возможно скорѣе.

Нужно однако прекратить и мое маранье, но, по крайней мѣрѣ, оно будетъ неопровержимымъ доказательствомъ моего безграничнаго довѣрія и искренней преданности, которыя я питаю къ Вамъ на всю жизнь. Князь Репнинъ."

Хотя выше приведенное письмо князя Н. Г. Репнина и не относится въ значительной своей части къ интересующему насъ вопросу о соціальной судьбѣ малороссійскихъ козаковъ въ первой половинѣ XIX вѣка, но мы привели его здѣсь во всемъ объемѣ, въ виду того, что въ немъ рельефно обрисовывается нравственный обликъ гуманнаго, благороднаго, просвѣщеннаго и прямодушнаго государственнаго дѣятеля, отдававшаго свои силы и способности и не щадившаго даже своихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ на пользу края, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ волею своего Государя, въ силу чего онъ и старался облегчить съ той или иной стороны тяжкое положеніе небольшой сословной единицы, безусловно безопасной для цѣлостности такого могучаго государства, какъ Россія, въ отношеніи политическомъ, но имѣвшей всѣ данныя по своимъ воинственнымъ традиціямъ, чтобы принести, быть можетъ, существенную пользу въ дѣлѣ охраны общаго отечества какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ, въ чемъ въ тѣ времена ощущалась еще настоятельная потребность.

Но, несмотря на всю настойчивость князя Репнина, съ высказываемыми имъ мнѣніями по отношенію къ козакамъ въ Петербургѣ не соглашались, и дѣлаемыя правительствомъ распоряженія, по словамъ Кочубея, не согласовались съ его представленіями.

Единственная льгота, которая, по мнѣнію Кочубея, могла быть оказана козакамъ, въ виду ихъ тяжкаго матеріальнаго положенія, это освобожденіе отъ рекрутскаго набора въ 1833 году; и дѣйствительно, 8 ноября 1832 г. послѣдовалъ указъ сенату, которымъ повелѣвалось отложить предполагавшійся, согласно указу отъ 25 іюня 1832 г., въ 1833 г. рекрутскій наборъ съ козаковъ для укомплектованія армейскихъ кавалерійскихъ пол-

ковъ до слѣдующаго 1834 года. Въ указѣ говорилось между прочимъ: „въ постоянномъ попеченіи Нашемъ о доставленіи вѣрно-любезному Намъ малороссійскому козачьему сословію, наравнѣ со всѣми прочими вѣрноподданными Нашими, выгодъ и облегченій, Мы признали возможнымъ обратить въ семъ году на укомплектованіе кавалеріи большую часть людей изъ состава сформированныхъ въ 1831 г. восьми малороссійскихъ козачьихъ полковъ, предоставивъ малороссійскому военному губернатору замѣнить нѣкоторое ихъ число очередными козаками, по неспособности ихъ къ службѣ и по другимъ особенно уважительнымъ причинамъ“ [1]).

Объ исполненіи этого распоряженія упоминаетъ въ своемъ письмѣ князь Репнинъ и подробно разсказываетъ М. Номисъ въ вышеупомянутыхъ уже нами своихъ „замѣткахъ“. Въ сущности говоря, указъ 8 ноября 1832 г. только лишь нѣсколько видоизмѣнялъ указъ 25 іюня 1832 г., но не измѣнялъ его по существу, такъ какъ козачье сословіе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ терпѣло ущербъ, измѣнялся лишь составъ жертвъ: вмѣсто набора новыхъ людей, зачислялись на службу вступившіе въ комплектъ ранѣе сформированныхъ восьми полковъ и разсчитывавшіе вернуться по окончаніи польской кампаніи по домамъ. Князь Репнинъ, производя описываемое М. Номисомъ распредѣленіе козаковъ по кавалерійскимъ полкамъ, выполнялъ одновременно оба упомянутыхъ указа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы извлечь изъ козачьяго сословія возможно болѣе дохода въ казну; такъ, 18 января 1833 г. состоялся сенатскій указъ объ обложеніи козаковъ, уволенныхъ изъ военной службы въ отставку и „поступившихъ въ первобытное состояніе“, пошлиною за право продажи вина [2]).

Чтобы точнѣе опредѣлить платежную способность всѣхъ податныхъ сословій въ имперіи, а въ частности и малороссійскихъ козаковъ, предполагалось произвести лѣтомъ 1833 г. гене-

---

[1]) П. С. З. № 5730.

[2]) П. С. З. № 5916.

ральную ревизію, о чемъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Кочубей. И дѣйствительно 16 іюня 1833 г, воспослѣдовалъ манифестъ о производствѣ во всей имперіи новой народной переписи [1]).

Хотя Кочубею не хотѣлось, повидимому подъ видомъ того, чтобы не волновать козаковъ, какъ либо выдѣлять ихъ изъ состава прочихъ податныхъ сословій, но, очевидно, восторжествовало иное мнѣніе, и князь Репнинъ получилъ нижеслѣдующій рескриптъ отъ 21 іюня 1833 г. о произведеніи новой переписи малороссійскихъ козаковъ на особыхъ правилахъ:

„Господину Малороссійскому Военному Губернатору Генералъ-адъютанту Князю Репнину.

Разсмотрѣвъ представленіе ваше о порядкѣ произведенія новой переписи малороссійскихъ козаковъ и о приведеніи при томъ въ извѣстность земель и имущества ихъ, я уполномачиваю васъ, какъ на исполненіе сихъ предположеній *чрезъ особыхъ чиновниковъ*, которые имѣютъ быть вами командированы по селеніямъ козаковъ въ то время, когда изданъ будетъ манифестъ о произведеніи общей по государству переписи, такъ и на опредѣленіе по сей новой переписи, немедленно по окончаніи оной, сбора податей и наряда козаковъ въ военную службу на основаніи Указа Моего отъ 25 іюня 1832 года. Николай. Царское Село, 21 іюня 1833 года“ [2]).

Такъ какъ производство переписи, предпринятой для точнаго исчисленія налоговъ и податей и урегулированія выполненія воинской повинности, не могло быть сочувственно встрѣчено вольнолюбивыми козаками, чего опасались, какъ мы видѣли изъ письма Кочубея, и въ Петербургѣ, то, для удаленія изъ Малороссіи безпокойныхъ элементовъ, разрѣшалось указомъ отъ 12 октября 1833 года [3]), подобно тому какъ и раньше, отставнымъ солдатамъ изъ малороссійскихъ козаковъ переселяться съ семействами въ Кавказскую область, при чемъ, чтобы побудить ихъ къ этому, имъ обѣщана была слѣдующая льгота:

---

[1]) П. С. З. № 6265.
[2]) П. С. З. № 6277.
[3]) П. С. З. № 6484.

„Изъ числа сыновей сихъ отставныхъ солдатъ, причислять къ козачьему сословію всѣхъ тѣхъ, кои рождены по водвореніи ихъ на участкахъ земли, рожденные же до водворенія ихъ должны оставаться въ званіи военныхъ кантонистовъ".

Несмотря на то, что ходатайства князя Репнина въ отношеніи малороссійскихъ козаковъ, не согласуясь со взглядами центральнаго правительства, не были имъ удовлетворяемы, онъ продолжалъ настойчиво отстаивать интересы этой небольшой сословной группы, желая сохранить ее, реорганизовавши ее на новыхъ, но сродныхъ ей по духу началахъ.

Въ 1834 году представленные княземъ Репнинымъ проекты отчасти получили законодательное примѣненіе.

Н. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXVII.

Тихо ѣхалъ Богданъ на своемъ Бѣлашѣ; невеселыя думы роемъ гнались за нимъ и склоняли на грудь его буйную голову.— Отчего это такимъ сумрачнымъ разстался Богунъ?—думалъ онъ.— Неужели и у него въ груди зашевелилось недовѣріе ко мнѣ? Такія неоспоримыя доказательства моей правоты передъ родиной, передъ братствомъ, и все таки лучшій мой другъ, беззавѣтно-преданное мнѣ сердце, уѣзжаетъ съ отуманеннымъ окомъ, со скрытою тоской!... Что-же тогда остальные? Эхъ... тяжело гнуться и личину носить, а еще тяжелѣе, когда дорогіе люди не вѣрятъ, что это личина! Неужели-же и ты, „ненько“ моя, Украина, не повѣришь своему злополучному сыну и усумнишься въ его любви? Такъ вотъ! загляни сюда, въ самое сердце!—и Богданъ машинально рванулъ за бортъ своего жупана и растегнулъ сорочку. Пронзительный вѣтеръ прорвался съ злорадствомъ въ прорѣху и началъ охватывать рѣзкимъ холодомъ и спину, и грудь, но Богданъ этого не чувствовалъ; его согрѣвалъ внутренній жаръ, бурлившій отъ обиды кровь... Никто ему не нанесъ ее явно, но онъ ощущалъ въ себѣ ея остріе, которое, съ новымъ наплывомъ сомнѣній и думъ, вонзалось своимъ жаломъ все глубже и больнѣе. „Эхъ, а какъ это довѣріе нужно теперь, не для меня только, а и для дѣла! Все отъ него зависитъ: повѣрятъ,—притаятся, притихнутъ и помогутъ мнѣ до славной, желанной минуты усыпить враговъ и накинуть на нихъ, сонныхъ узду, не повѣрятъ,—прорвутся въ удалыхъ выходкахъ, разбудятъ собакъ и уничтожатъ въ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 10.

одинъ мигъ такъ долго и съ такими мученіями тканные мною сѣти! Вотъ хоть бы Кривоносъ... Не стерпѣлъ! Пошелъ вѣдь въ дебри, да болота, разбивать свою тугу-тоску, тѣшить хотя чѣмъ-ничѣмъ свою месть, свою волю... А удержишь-ли его? Наврядъ-ли! Лютъ-то онъ на ляховъ очень, да и терпѣніе за это время ожиданій, пустыхъ и безплодныхъ, давно лопнуло, и не только у него, а почитай и во всѣхъ, оттого-то и трудно будетъ поднять снова въ нихъ вѣру и вооружить ихъ терпѣніе уже явной надеждой".

— Однако, что-же это мы, молоко или яйца на базаръ веземъ?—отозвался, наконецъ, къ Олексѣ громко Богданъ, трогая „острогами" коня.

Бѣлашъ вскинулся на дыбы и полетѣлъ ураганомъ, подымая облако пыли и закрывая ею едва поспѣвавшаго за нимъ юнаго запорожца.

Къ полуночи они достигли Днѣпра и, переправившись черезъ него ниже Крылова, заночевали въ селѣ Власовкѣ. Здѣсь Богданъ поразспросилъ у мѣстныхъ поселянъ, гдѣ находятся „жабовыны", и получилъ довольно неопредѣленный отвѣтъ, что многія непролазныя мѣста въ „плавняхъ", окруженныя топью, называются „жабовыною" и „жабовыннямъ" и „жабынымъ сидаломъ".

— Вотъ теперь и ищи его между плавнями,—почесалъ себѣ затылокъ Богданъ.—а ихъ ажъ до самыхъ пороговъ! За десять лѣтъ всѣхъ не обшаришь, хоть возвращайся домой!

Послѣ многихъ досадливыхъ и произвольныхъ рѣшеній, куда направить путь,—вверхъ ли по Днѣпру, или внизъ,—Богданъ остановился на послѣднемъ.

Его подвинуло на это такое соображеніе; Кривоносъ очевидно засѣлъ гдѣ-либо поближе къ гнѣзду своего врага Іереміи Вишневецкаго, но засѣлъ вѣроятно въ совершенно недоступномъ и безопасномъ мѣстѣ; вверхъ по рѣкѣ—„плавни" неважные и сухіе, а ниже Власовки начинаются топи... Значитъ, онъ въ первой такой трущобѣ и сидитъ, значитъ, туда, т. е. внизъ по Днѣпру, и путь имъ держать.

Поѣхали внизъ по Днѣпру и свернули вправо на „плавни". Къ вечеру заѣхали въ такія трущобы, что не было возможности двинуться дальше безъ провожатаго: тропинки, проложенныя въ густыхъ зарослях человѣкомъ и звѣремъ пересѣкались, вились, спутывались и приводили, то къ озеру, то къ болоту, то къ ужасной трясинѣ...

— Тутъ и заблудиться удобно,—замѣтилъ Богданъ,—особенно подъ вечеръ. Держи-ка, Олексо, лѣвѣе къ степи, авось на сухое выберемся...

— Да и налѣво топко,—пробовалъ прорваться прямо черезъ камыши Олекса.

Богданъ приподнялся на стременахъ и окинулъ взоремъ темнѣющую окрестность: кругомъ моремъ желтѣлъ и волновался высокій камышъ; между верхушками его, украшенными золотыми метелочками, торчали на тонкихъ стебляхъ бархатныя темно-коричневыя головки; подъ напоромъ вѣтра все это колыхалось, гнулось и ходило широкими волнами; только вдали направо замѣтилъ Богданъ между „очеретомъ“ и зарослями верболозъ.

— За мною!—крикнулъ онъ и, промучившись достаточно, доѣхалъ таки уже почти въ сумерки къ верболозу, между которымъ неожиданно оказалась, на счастье, корчма не корчма, а скорѣе землянка, запрятанная совершенно въ густыхъ вѣтвяхъ, переплетенныхъ съ торчащими гривами камыша.

— Вотъ и добрались таки до жилья!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а стой, Олексо,—остановилъ онъ рукой козака,—да подержи-ка моего коня, а я загляну въ эту „халупку“, а можетъ, и передохнуть будетъ можно, и пронюхать кой-что, а то вѣдь дальше ни тпру, ни ну!

— Не опасно-ли одному, батько?—возразилъ съ тревогой Олекса.

— Э, сынку, козаку не нужно бѣгать опасностей, а нужно лѣзть на нихъ самому, тогда сатанинское порожденіе и хвостъ подожметъ.

Осторожно, то изгибаясь, то приподнимая нависшія вѣтви, Богданъ пробрался, наконецъ, по узкой и топкой тропинкѣ, къ этой хаткѣ на курьихъ ножкахъ и, заглянувъ въ окно, приложилъ ухо къ дверямъ.

Вечеръ уже наступалъ темный, мглистый, вѣтеръ ворчливо шелестѣлъ камышами; но Богданъ и при этомъ шумѣ уловилъ звуки какого-то разговора, происходившаго между двумя-тремя лицами—не больше, и замѣтилъ черезъ щель слабое мерцаніе потухающаго огня.

Постоявши немного и не дождавшись чего-либо опредѣленнаго, Богданъ съ нетерпѣніемъ толкнулъ ногою дверь и, согнувшись почти вдвое, вошелъ въ какую-то полутемную конуру. Сначала глаза его почти ничего не замѣтили, кромѣ красноватаго свѣтового пятна, мигавшаго на низенькомъ очагѣ, а потомъ, привикнувъ къ темнотѣ, различили въ углу двѣ фигуры, занѣмѣвшія при появленіи козака въ хаткѣ. Одна сидѣла у окна, совершенно заслонивши его спиною, а другая,—у стола, по ближе къ нему; третья же, которую онъ замѣтилъ послѣ, лежала навзничъ, раскинувшись передъ очагомъ, и, слегка тронутая красноватыми отблесками огня, напоминала распростертый окровавленный трупъ.

— Помогай Богъ!—приподнялъ шапку Богданъ и, не замѣтивши нигдѣ образовъ, насунулъ ее снова на брови.

Фигуры какъ будто бы пошевелились немного, но не отвѣтили ничего на привѣтствіе.

— „Съ понедилкомъ“!—повторилъ Богданъ и получилъ въ отвѣтъ такое-же молчаніе.

— Эге,—подумалъ онъ,—что-то не ладно, коли и на привѣтствіе не отвѣчаютъ... А можетъ быть, это татаре?—мелькнуло у него въ головѣ.—Только вотъ этотъ, что лежитъ у ногъ, навѣрное козакъ,—развѣ... ужъ не зарѣзанъ-ли онъ? Богданъ ощупалъ рукою пистолеты и произнесъ привѣтствіе по татарски: „гошъ-гелды“!

Но и на это привѣтствіе, вмѣсто отвѣта, дальняя фигура лишь слегка свистнула. Это взорвало Богдана.

— У насъ, коли здороваются, то добрые люди благодарятъ и здороваются въ свою очередь,—произнесъ онъ вѣско,—а свистятъ только болотяники. Ну, а на свистъ и мы можемъ свиснуть... и Богданъ, дѣйствительно, свистнулъ, да такъ пронзительно, что ближайшій изъ молчаливыхъ обитателей заткнулъ себѣ уши, а Морозенко, услыхавъ этотъ свистъ, опрометью бросился къ хаткѣ и оторопѣлъ у дверей, соображая, откуда бы могло такъ свистнуть?

Во время разговора Богдана сидѣвшій у окна внимательно прислушивался къ его голосу, стараясь разглядѣть и лицо, и фигуру его; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ полутьма въ землянкѣ на столько сгустилась, что совершенно скрыла Богдана; когда же роздался его пронзительный свистъ, молчаливый наблюдатель не выдержалъ.

— Ну, тебя къ бѣсу, прохрипѣлъ онъ,—даже „лящитъ“ и звенитъ въ ушахъ.

— А было бы не затыкать ихъ клейтухомъ на доброе слово,—отвѣтилъ Богданъ.—Вотъ ты теперь,—лысый тебя знаетъ, какъ величать,—хоть и помянулъ своихъ родичей, а все-же заговорилъ по-людски.

Опять наступило неловкое молчаніе.

— „Что-жъ,—подумалъ Богданъ,—не хотите говорить,—наплевать. А я погрѣюсь немного, перекушу съ Олексой, а то и подночую, пока не взойдетъ мѣсяцъ,—козачье солнце; въ темень-то можно угодить въ такое „багнище“, что и дна не достанешь! Только гдѣ-бы? Вотъ этотъ развернулся на весь полъ и мѣсто занялъ. Мертвый онъ, или пьяный?“—тронулъ его слегка ногою Богданъ.

Лежавшій захрапѣлъ.

— Э, посунься-ка, брате, немного!—отбросилъ тогда Богданъ въ сторону ноги лежавшаго козака и, сѣвши по-турецки передъ очагомъ, началъ набивать себѣ „люльку“.

— Вотъ это тоже по-людски,—замѣтилъ дальній.—Забрался въ чужую хату и выпихаетъ хозяевъ, точно свинья въ чужемъ хлѣву „порается".

— А вотъ что я тебѣ на это, добрый человѣкъ, скажу,—чмокнулъ Богданъ „люлькой" и выпустилъ клубы удушливаго, ѣдкаго дыма, какого даже и черти боятся, наравнѣ съ ладаномъ.—Не люблю я, когда мнѣ не отвѣчаютъ, но еще больше не люблю, когда языкомъ „ляпаютъ",—такъ вотъ у меня и чешутся руки укоротить языкъ.

— Овва!—протянулъ ближайшій.

— Не дуже то и овва! А коли хочешь, такъ можно испробовать, потому, что со псами нужно по-песьи.

— А съ волками какъ?

— Такъ само: добрая собака и волка повалитъ.

— А ты уже, знать, доброю собакою сталъ, что и на людей лаешь? Ой, хвостъ подожмутъ!

— Не родился еще на свѣтъ такой сатана, чтобы мнѣ на хвостъ наступилъ!—сплюнулъ на сторону Богданъ и прижалъ пальцемъ золу въ „люлькѣ".

— Не изъ тѣхъ-ли ты, что покамышамъ бѣглецовъ-„втикачей" ищутъ, чтобы въ плуги запрягать?—замѣтилъ дальній съ сарказмомъ.

— Эхъ, вы, идолы съ бабскими „прычандалами",—мотнулъ головою Богданъ.—Въ камышахъ сидятъ, а нюху „чортъ-ма!" Козака до такой, прости Господи, погани равняютъ!

— Что-жъ ты, коли козакомъ назвался, козачьихъ обычаевъ не знаешь?—оживился сосѣдъ.

— Ага! вотъ оно что!—усмѣхнулся въ душѣ сотникъ и вдругъ крикнулъ пугачемъ: „пугу"!

— Пугу!—отвѣтили и собесѣдники.—А кто?

— Козакъ съ Лугу!

— А куда путь держишь?—началъ допрашивать дальній.

— Въ болота, въ очерета, да въ непролазныя кущи!

— Зачѣмъ?

— Комаровъ кормить бѣлымъ тѣломъ козацкимъ, да искать темною ночью товарища.

— Не похоже,—буркнулъ себѣ подъ носъ дальній.

— Такъ здоровъ будь, коли такъ!—крикнулъ ближній, и оба незнакомца сняли шапки.

— Будьте и вы здоровы!—поклонился Богданъ.

— А кого ищешь? Не безносаго-ли бѣса?—спросилъ ближайшій.

— Не безносаго, а двуносаго.

— Э, значитъ, до нашего батька?—обрадовался видимо собесѣдникъ.

— Молчи!—толкнулъ его сердито дальній.

Богданъ не замѣтилъ этого движенія.

— Можетъ, и до вашего батька,—отвѣтилъ онъ,—а до моего пріятеля.

— А коня можешь поднять подъ брюхо?—смѣрилъ сидящаго Богдана пристальнымъ взглядомъ дальній.

— Какіе кони, иныхъ можно и двухъ!—крикнулъ Богданъ и однимъ движеніемъ головы сдвинулъ на бекрень черную баранью шапку съ краснымъ донышкомъ и золотой кистью.

— Гм, гм!—протянулъ дальній.

— Ладно,—похвалилъ ближній.—Знать, дѣйствительно пріятель... только знаешь-ли, на какой „купинѣ“ онъ сидитъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что не знаю! Можетъ, проведешь?

— Провести-то можно,—отвѣтилъ тотъ какъ-то угрюмо и неопредѣленно,—только хлопца твоего мы тутъ оставимъ, не взыщи: такой уже у насъ законъ.—Богданъ промолчалъ: видимое дѣло—ему не довѣряли. Но, какъ они не довѣряли,—вотъ что смутило Богдана: недовѣряли-ль они ему, какъ вообще всякому незнакомцу, или они узнали его, Богдана Хмельницкаго и все таки не довѣряютъ ему? Однако какъ не обидно было для Богдана подобное отношеніе козаковъ, но въ виду слуховъ, переданныхъ ему Богуномъ, онъ рѣшилъ не открывать своего имени, а потому, помолчавши немного, Богданъ снова обратился къ незнакомцу, мѣняя тему разговора.

— А что, паны-браты, подѣлываетъ тутъ мой товарищъ?

— Охотится!—отвѣтилъ ближайшій сосѣдъ, рубя огонь и осѣкая себя искрами. Богданъ ловилъ мгновенія, когда отъ огнива освѣщалось лицо сосѣда, но козакъ,—въ этомъ уже нельзя было сомнѣваться,—былъ остороженъ и, отворотившись къ стѣнѣ, закрылъ себя еще „видлогою“, изъ-за которой только и вырѣзывались при блескѣ искръ торчащими концами усы.

— А на что? На какого звѣря?

— На жидовъ,—сопѣлъ и пыхтѣлъ, раскуривая „люльку“ сосѣдъ,—на пановъ, да на экономовъ, особенно на перевертней... а попадется и его мосць ксендзъ—за красную дичь станетъ.

„Эхъ, не выдержалъ!—подумалъ Богданъ и ударилъ себя кулакомъ по колѣну,—и вотъ черезъ такого „палыводу“ встрепенутся паны и накроютъ насъ до поры, до времени!“ Но, чтобы скрыть

свое внутреннее раздраженіе и развѣдать побольше, онъ воскликнулъ весело:

— Важно, добрая охота! Только это все игрушки! А чего-нибудь поважнѣй не затѣваетъ?

— О томъ ему знать!—отозвался сидѣвшій у окна, зажигая свой трутъ изъ люльки сосѣда.

— Само собой,—затянулся Богданъ,—его дѣло... Мнѣ только досадно-бы было, коли-бъ безъ меня прошло важное что-либо, а то давай Богъ!

— Ну, а ты самъ будешь кто?—спросилъ насмѣшливо дальній.

— Да я тоже... изъ одной степи!—замялся Богданъ.

Собесѣдники многозначительно замолчали и только пыхтѣли „люльками", да по временамъ плевали подъ ноги.

Олекса вышелъ къ конямъ.

— Ну, а что тутъ слыхать вообще? Лютуютъ паны?—началъ снова Богданъ.

— А вотъ пойди, козаче, куда-либо въ мѣстечко, или на ярмарку, такъ увидишь,—отвѣтилъ, послѣ большой паузы, сидѣвшій у окна козакъ.

— А что?

— А то, что всюду ходятъ на костыляхъ, или ползаютъ калѣки,—замѣтилъ ближайшій.—У всѣхъ у нихъ отсѣчены правая рука и лѣвая нога; это паны „майструютъ" такъ непокорныхъ... Развѣ не знаешь?

— Дьяволы!—прошипѣлъ Богданъ.

— То-то! И они, и ихъ потатчики!—буркнулъ дальній.

— А туда, къ Жукамъ...—вставилъ ближайшій козакъ,—всѣ церкви на костелы поперестроили, а благочестивымъ людямъ отводятъ для службы Божьей хлѣвы.

— Господи! Да что же это?—всплеснулъ даже руками Богданъ.—И люди имъ, каторжнымъ, не свернутъ шеи?

— Ждутъ батька... видишь!

Богданъ въ это мгновеніе, забывши о своемъ намѣреніи, готовъ былъ, казалось, броситься съ этими удальцами на мучителей: но, вспомнивъ цѣль своей поѣздки, затревожился еще болѣе, сознавая, что при такихъ обстоятельствахъ Кривоносъ не ограничится легкимъ полеваньемъ, а бросится въ самое пекло и надѣлаетъ бѣдъ.

— Эхъ, не сидится мнѣ!—всталъ онъ и размялъ свои члены.—Такъ бы и летѣлъ къ „побратыму!" Что-жъ, проводите меня, друзи?

— Чего не провести,—отозвался дальній угрюмо,—провести можно, мнѣ и самому туда путь; только еще глухая ночь, темно,—можно потрафить и къ дидьку въ гости... Тутъ вѣдь надо проби-

раться не конно, а пѣше, а въ иныхъ мѣстахъ и на брюхѣ; такъ оно ловче будетъ при мѣсяцѣ.

— Такъ я прилягу возлѣ коней,—покорился со вздохомъ Богданъ.—А когда посвѣтлѣетъ, то разбужу тебя, товарищъ,—не сердись.

Было уже за полночь, когда Богдана разбудилъ голосъ его страннаго знакомаго:—а что, козаче, пора и въ дорогу рушать!

Богданъ быстро схватился на ноги и съ изумленіемъ осмотрѣлъ своего провожатаго: одѣтъ онъ былъ болѣе, чѣмъ легко, на немъ были всего—закоченные по колѣни штаны, сорочка и легкіе постолы. Проводникъ приказалъ Богдану также снять лишнюю одежду и оружіе, и слѣдовать за нимъ. Это приказаніе не понравилось сотнику, тѣмъ болѣе, что проводникъ старался все-таки не поворачиваться къ нему лицомъ; но, замѣтивши, что и онъ не имѣетъ на себѣ никакого оружія, Богданъ рѣшился исполнить его требованіе. Такимъ образомъ, сбросивши все лишнее и передавши его Олексѣ, Богданъ отправился за своимъ проводникомъ. На дворѣ царствовалъ какой-то сѣрый полусвѣтъ; хотя луна уже было взошла, но сплошныя облака заволакивали все небо; при этомъ смутномъ свѣтѣ трудно было различать окрестные предметы, но проводникъ видимо зналъ отлично дорогу. Богданъ старался не отставать отъ него, хотя это оказывалось чрезвычайно труднымъ.

Дорога шла, казалось, нарочно по самымъ непроходимымъ мѣстамъ. Вся почва представляла изъ себя топкое болото: ежеминутно изъ-подъ ногъ Богдана выступала съ тихимъ шипѣньемъ вода; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ болото до того разжижалось, что идти по немъ не было никакой возможности; тогда проводникъ начиналъ прыгать съ кочки на кочку, покрикивая на Богдана: „гей, не отставай, не останавливайся, а то пойдешь къ дидьку!“ Такой способъ передвиженія страшно утомилъ Богдана, однако-же остановиться дѣйствительно не было возможности; болото грозило ежеминутно засосать въ свою тину всякаго, вздумавшаго бы отдохнуть хоть минутку на немъ. Въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, когда Богданъ думалъ, что имъ прійдется уже разстаться съ жизнью, проводникъ вдругъ нырялъ неожиданно въ камыши, Богданъ слѣдовалъ за нимъ и тамъ находилъ къ своему удивленію грубо намощенную изъ камыша и лозы „гатку“. Путешествіе тянулось уже больше часу; Богданъ чувствовалъ, что изнемогаетъ. Иногда ему казалось, что проводникъ умышленно колеситъ и снова возвращается на старое мѣсто: наконецъ, послѣ двухъ часовъ такого ужаснаго пути, имъ удалось достичь небольшого островка.

— Ну, ты подожди здѣсь немножко,—обратился къ Богдану проводникъ, за тобой прійдутъ,—и, не оборачиваясь къ Богдану, онъ скрылся въ густомъ лознякѣ, покрывавшемъ весь островъ.

Богданъ ничего не возразилъ; дотащившись до сухого мѣста, онъ повалился въ изнеможеньи на землю. Усталость превозмогла всѣ его чувства; съ полъ-часа лежалъ онъ такъ безъ мысли, безъ движенія, безъ воли... такъ прошелъ еще часъ,—никто не появлялся. Богданъ приподнялся и осмотрѣлся: кругомъ небыло ни души. Островъ окружало жидкое, топкое болото, терявшееся въ морѣ обступившихъ его со всѣхъ сторонъ камышей. Сердце у Богдана заныло. Что это? Куда завелъ его пвовожатый? Ужъ не обманулъ-ли онъ его, не бросилъ-ли здѣсь на съѣденье мошкѣ и комарамъ?

Вотъ до чего дожился онъ, Богданъ, что и козаки сторонятся его и считаютъ предателемъ!

Богданъ сѣлъ, подперъ голову руками и тяжело задумался. Онъ не замѣчалъ, что разорванныя тучи давно уже сметены были съ лазурнаго неба, что солнце уже стояло въ зенитѣ, осыпая и его, и золотистый камышъ, и сочную зелень травы яркимъ, любовнымъ лучомъ; онъ не обращалъ вниманія, что жизнь вокругъ него проснулась и заиграла стрекотаньемъ, чириканьемъ, крикомъ, что надъ его головой проносились со свистомъ стаи чирковъ, куликовъ и бекасовъ, что высоко плыли ключомъ журавли, а еще выше парилъ широкими кругами орелъ,—все это скользило мимо, не оставляя никакого впечатлѣнія на его мрачной душѣ. Сознаніе, что ему не довѣряютъ товарищи, что отъ него прячутся, считаютъ его, быть можетъ, измѣнникомъ, предателемъ, обрушилось такою тяжестью на Богдана, что онъ согнулся подъ ней и сраженный обидой, тупо, безъ мысли лежалъ: всѣ думы его, всѣ тревоги, всѣ интересы скомкались въ хламъ, и онъ чувствовалъ одну лишь неотвязную боль отъ незаслуженной обиды.

Время уже приближалось къ полудню, когда за спиной Богдана послышались всплески воды и какая-то возня въ тинѣ, сопровождаемая гомономъ людскихъ голосовъ; Богданъ инстинктивно повернулся и увидѣлъ подходящаго къ нему друга Чарноту. За нимъ шло еще два какихъ-то козака. При видѣ Чарноты у Богдана въ груди вспыхнуло огнемъ чувство радости и заставило его сорваться съ мѣста; первое побужденіе его было броситься къ своему другу и обнять его горячо, но это движеніе подрѣзала ѣдкая мысль, что быть можетъ другъ оттолкнетъ его, какъ предателя Іуду... и Богданъ остановился въ мучительной нерѣшительности.

— Не узнаешь, что-ли, меня, друже мой?—радостно отозвался Чарнота, широко раскрывъ свои руки.

— Узнать-то узналъ,—отвѣтилъ Богданъ съ дрожью въ голосѣ,—сердце подсказало, забилось, да на меня наплели враги такихъ подлыхъ напраслинъ, что боялся къ тебѣ подойти. Слушай, у Богуна...

— Стой, друже!—перебилъ его Чарнота,—и твоему сердцу, и твоему слову я, какъ себѣ, вѣрю: скажи прямо,—ты все тотъ-же, какъ былъ?

— Все тотъ-же и сдохну такимъ!—воскликнулъ Богданъ.

— Такъ и начхай на всѣ брехни и кривды, обнялъ его Чарнота,—а кто писнетъ—голову тому размозжу. Нашъ ты—такъ и пропадай все ворожье на свѣтѣ! А вотъ я тебѣ, друже, и горилку и одежу сухую съ собой захватилъ. Гей, Вернигоро! Вовгуро!—оборотился онъ,—захватили-ли все, что нужно съ собою?

— Все есть, батьку,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, подходя и подавая Чарнотѣ сорочку, штаны и жупанъ.

При звукѣ его голоса Богданъ вздрогнулъ и оглянулся: это былъ голосъ его таинственнаго проводника.

— Что это ты смотришь такъ, не признаешь-ли, или вовсе не знаешь? Вотъ это Лысенко Вовгуря, а тотъ вонъ Вернигора.

— Да, если-бы и зналъ ихъ, друже, то трудно было признать; все прятались отъ меня,—отвѣтилъ съ саркастической улыбкой Богданъ: —я ужъ думалъ, не шпиги-ли это Яремовскія? А ужъ какъ оставили меня на этомъ островѣ, такъ и совсѣмъ въ томъ увѣрился.

— Прости, батьку,—отвѣтилъ въ смущеньи Вовгуря:—это, для предосторожности: у насъ каждаго, кто къ батьку Максиму идетъ, сначала здѣсь оставляютъ, чтобъ не удралъ и не сообщилъ гончимъ псамъ про тропу къ намъ, а потомъ уже, поразглѣдѣвши да поразспросивши его и другихъ, однимъ словомъ, увѣрившись въ немъ, пускаютъ къ атаманскому куреню.

— Вы же меня, панове, съ самаго начала видно признали,—отозвался съ горькимъ упрекомъ Богданъ.—А все-таки, значитъ, и я—каждый, и я могъ бы утечь ко псамъ?

— Что ты, батьку-атамане, да развѣ свѣтъ можетъ перевернуться до горы, шутъ знаетъ, чѣмъ?—оправдывался какъ-то взволнованно Вовгуря.—Правда, на тебя плели всякія пакости,—водятся вѣдь и такіе поганные языки, какъ у бабъ, прости Господи... Но главное, тебѣ нельзя было пройти двухъ проходовъ безъ „матокъ", такъ я и замѣшкался, пока вывязали ихъ четыре штуки, ей-Богу!

— Что-жъ, правда!—подавилъ со вздохомъ чувство боли Богданъ.—Въ военномъ дѣлѣ—ни для друга, ни для брата, ни для отца нельзя отступить отъ правила.

— Ну, что тамъ старое, друже, вспоминать,—ударилъ Богдана по плечу Чарнота: —предосторожностей у насъ правда много, да иначе и нельзя, такая наша здѣсь доля: кругомъ ищутъ, рыщутъ вездѣ Яремины слуги, только это болото и защищаетъ насъ, а узнай они здѣсь нашу потайную тропинку—живо-бы накрыли! Потрудились правда братья занадто: видишь они у насъ,—указалъ онъ на Лысенка и Вовгурю,—на сторожевомъ посту тамъ стоятъ. Ну, а въ военномъ дѣлѣ, самъ знаешь, уже лучше пересолить, чѣмъ недосолить.

— Такъ, такъ,—согласился невольно Богданъ.

— Ну, а теперь одѣвайся поскорѣе, друже, да выпей для покрѣпленья силъ немножко вотъ этотъ „цѣлющей“ водицы, да и гайда въ дорогу. Братъ Максимъ уже давно насъ ждетъ.

Богданъ одѣлся, согрѣлся нѣсколькими глотками водки и путники отправились наконецъ въ путь; переправились по „маткамъ“, какъ по понтонамъ, на другую сторону, пошли зарослями, перебрались ползкомъ черезъ „чагары“, еще разъ переправились по „маткамъ“ и выбрались, наконецъ, на тотъ таинственный, затерявшійся между недоступными плавнями „жабиный островъ„, гдѣ усѣлся своимъ вольнымъ кошемъ Кривоносъ.

Весь островъ былъ покрытъ кудрявою зеленью прирѣчныхъ древесныхъ породъ, между которыми преобладала верба; сѣдоватыя, мягкія волны ея отливали серебромъ и придавали картинѣ особенную прелесть. При входѣ въ таборъ, для украшенія и для эмблемы, сидѣли на кольяхъ въ видѣ сфинксовъ, два ксендза; полусгнившіе трупы ихъ смотрѣли глазными ямами другъ на друга, оскаливши обнаженные зубы. На привычныхъ обитателей острова созерцаніе этихъ сфинксовъ не производило уже никакого впечатлѣнія, но каждое новое лицо, при видѣ ихъ, содрагалось и невольно закрывало глаза. Богданъ тоже отвернулся отъ нихъ. Боже, до какого звѣрства могутъ доводить людей насиліе и притѣсненье—пронеслась въ его головѣ грустная мысль.

Дальше, по обѣимъ сторонамъ тропинки, извивавшейся между густымъ, тѣнистымъ „гайкомъ“, висѣли то тамъ, то сямъ на вѣтвяхъ польскіе паны и жиды. При проходѣ съ этихъ придорожныхъ вѣхъ срывались цѣлыя тучи воронья и съ оглушительнымъ карканьемъ укрывали, словно чернымъ сукномъ, верхушки высокихъ ольхъ. У самой землянки атамана, что стояла впереди „начелѣ“, сидѣли на кольяхъ опять-таки два ксендза,—очевидно Кривоносъ оказывалъ имъ наибольшій почетъ.

По пути къ этой землянкѣ Чарнота отдѣлился было куда-то въ сторону и теперь вышелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ на встрѣчу Богдану.

— Слыхомъ слыхать, видомъ видать!—протянулъ Кривоносъ ему еще издали руки,—какимъ тебя вѣтромъ занесло въ эти жабьи трущобы?

— Вѣтромъ добрымъ, хорошимъ,—отвѣтилъ взволнованно Богданъ,—давно жданнымъ и только теперь посланнымъ намъ Господомъ Богомъ.

— О?!..—обнялъ его Кривоносъ,—такъ это что же? Значитъ, и я дожился до такой радости? Только постой, постой, друже, какая вѣсть? Или такая, чтобы, засучивъ рукава, выкупаться по горло во вражьей крови и упиться ею до пьяна, или, можетъ быть, вновь „обицянки-цяценки, а дурневи радость“?...

— Нѣтъ, уже не обицянками пахнетъ,—возразилъ возбужденно Богданъ,—а скоро начнется и пиръ, да такой, что враги наши запляшутъ на немъ до упаду!

— Э, да на такихъ радостяхъ нужно выкупать и душу въ горилкѣ,—вскрикнулъ Кривоносъ.—Гайда-жъ въ мой курень!—Милости прошу: почти и мой уголъ, и мою чарку!

Землянка была вырыта очевидно наскоро и не приспособлена для жилья; она представляла довольно большую и не глубокую яму, прикрытую сверху лозой и дерномъ, а внизу устланную соломой. Черезъ солому просачивалась въ иныхъ мѣстахъ грязная вода, а потому сверхъ соломы набросаны были воловьи да овечьи шкуры, а сверхъ нихъ уже лежали плащи и полушубки. Въ углахъ валялось цѣнное оружіе и разная утварь, между которой блистала и серебряная посуда. Хозяинъ и Богданъ улеглись на шкурахъ, а Чарнота засуетился и черезъ минуту передъ ними появился огромный окорокъ, половина барана, хлѣбъ и сулея доброй горѣлки. Выпили по ковшу, по другому и принялись за ѣду. Утоливши голодъ, Богданъ разсказалъ подробно друзьямъ о рѣчахъ короля, о разговорахъ съ Оссолинскимъ и Радзіевскимъ, о планахъ этой кучки истинно-преданныхъ его величеству и благу отчизны людей, о желаніи ихъ „приборкать“ магнатовъ, поднявши власть короля, о стремленіи привлечь на свою сторону козаковъ, единственныхъ и вѣрнѣйшихъ въ этомъ дѣлѣ помощниковъ, для чего и затѣвается ими война. Кривоносъ слушалъ эти доклады съ мрачнымъ вниманіемъ, опоражнивая ковшъ за ковшомъ и приговаривая себѣ изрѣдка въ усъ: „чулы“, слыхали!..

Когда же Богданъ прервалъ свой разсказъ, потянувшись за сулеей и за кухлемъ, то Кривоносъ глубоко вздохнулъ и произнесъ разочарованнымъ голосомъ:—„стара байка!“

— Да, ничего поваго,—вздохнулъ и Чарнота.

— Постойте, панове,—улыбнулся Богданъ,—дайте промочить глотку!

— А коли такъ, друже, то промочи,—подсунули сулею товарищи.

— Видите-ли, братове,—крякнулъ Богданъ, и замѣтилъ вскользь Чарнотѣ,—добрая у тебя горѣлка, ровно кипитъ... Да, такъ видите ли, обо всемъ этомъ мнѣ намекали и въ письмѣ на Масловомъ Ставу, да лично-то я убѣдился въ правотѣ этихъ сообщеній, только свидѣвшись съ королемъ, послѣ морского похода, когда онъ меня отправилъ за-границу съ порученіями нанимать войска и заключать союзы.

— Все это, друже, журавель въ небѣ,—произнесъ нетерпѣливо Чарнота, закашливаясь отъ сильной затяжки дымомъ.

— Есть и синица въ рукѣ,—поднялъ голосъ Богданъ.—Вотъ сейчасъ получены мною черезъ полковника Радзіевскаго уже прямыя распоряженія готовить „чайки“ къ походу, получены на это и деньги; кромѣ того, присланы намъ бунчукъ, булава и наше старое, повитое славою знамя, увеличено число рейстровиковъ, обѣщано возвратить права.

— Наше знамя,—вскрикнулъ Чарнота, не слушая уже остальныхъ словъ Богдана,—вернулось изъ плѣна? Опять услышимъ шелестъ его!? И булава засверкаетъ передъ войскомъ? А съ нею и боевыя потѣхи... и бури... и грозы... и стоны враговъ, и козацкій покрикъ! Эхъ, други мои, браты родные!—обнялъ онъ порывисто Богдана.—Да вѣдь это такой пиръ, такой праздникъ, что сердце не выдержитъ сидѣть въ этой клѣткѣ,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—а выскочитъ отъ радости! Наливай, наливай полные, Максиме, ковши, чтобы черезъ край лилось, какъ у меня на душѣ!

— Это такъ, это взаправду,—потиралъ себѣ руки и Кривоносъ,—теперь уже держитесь... Насталъ „слушный часъ“, ужъ и задамъ же я моимъ благодѣтелямъ „бенькетъ“, такую пирушку, какой не было и въ пеклѣ на свадьбѣ сатаны съ вѣдьмой! Купаться буду въ крови! Выпьемъ же на погибель ворожью, на ихъ стоны, на крики, на корчи отъ мукъ!

Всѣ чокнулись и осушили переполненные ковши.

— Вы тамъ пускайте на дно „голомозаго“ турка, а я тутъ позаймусь съ мосцивыми ляшками... потѣшу душу свою!

— Нѣтъ, друже мой, рыцарю мой любый,—прервалъ Богданъ, положа на плечо его руку,—такъ не выходитъ; уже коли король на насъ опирается, то нужно его волю чинить и покоряться ей въ „боевой справѣ“.

— Какъ же это? Оставить ляшковъ-панковъ въ покоѣ, чтобы жирѣли здѣсь отъ людской крови?—вытаращилъ налитые кровью глаза хмѣлѣвшій уже Кривоносъ.

— До поры, до времени...—успокоилъ его Богданъ:—сначала королю нужно, чтобы мы нападеніемъ на невѣрныхъ вызвали ихъ на войну съ Польшей, а потомъ уже онъ, для защиты „ойчизны„, поднимаетъ „посполитое рушенье“, значитъ и всѣхъ козаковъ, станетъ во главѣ войска, возьметъ въ руки полную власть, приборкаетъ магнатовъ, поставитъ другіе законы, возстановитъ наши права...

— Стой, стой! Я что-то въ толкъ не возьму...—крикнулъ Кривоносъ,—словно вотъ путается въ башкѣ... Какъ же это? Дастъ права и все этакое... а когда же гнать изъ родныхъ земель лютыхъ ляховъ?

— Да и согласятся-ли еще паны съ королемъ? Они такой гвалтъ поднимутъ на сеймѣ, что и сюда долетитъ ихъ „veto!“ — добавилъ Чарнота.

— Вотъ тогда-то мы глотки имъ и заткнемъ,—закурилъ „люльку“ Богданъ,—для этого-то самаго и будетъ король насъ держать въ полномъ комплектѣ; война ему только и нужна для предлога, чтобъ поднять насъ, а тамъ уже нашею оружною рукою онъ будетъ стричь своихъ королятъ, какъ барановъ...

— А ежели проклятые ляхи не поднимутъ „гвалта“?—приподнялся Кривоносъ на локтѣ, загораясь адскимъ огнемъ.

— Такъ, значитъ, мы спокойно возьмемъ свои предковскія права и „запануемъ“ на родной Украинѣ...—поднялъ торжественно „люльку“ Богданъ.

— И не будемъ гнать и рѣзать ляховъ?

— Да на что-же,—коли дадутъ все намъ безъ боя?

— Нѣтъ! Не бывать этому!—заревѣлъ Кривоносъ и ударилъ кулакомъ съ такой силой о деревянный обрубокъ, что онъ подскочилъ, опрокинулся, разбивъ вдребезги сулею и раскидавъ ковши.

Разбитый „каганецъ“ покатился на землю. Въ палаткѣ водворился мракъ... Молча всталъ Чарнота, вышелъ ощупью изъ землянки, и возвратился съ новымъ „каганцемъ“; онъ установилъ опрокинутый обрубокъ, поставилъ на него новую сулею, „коганецъ“ и зажегъ его. Внутренность землянки снова освѣтилась тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Кривоносъ сидѣлъ, оперши свою голову на руки; у него изъ разбитаго о сукъ кулака текла кровь, ложилась темными пятнами на лбу, на щекѣ, застывала каплями на усахъ... но онъ не замѣчалъ этого... Богданъ и Чарнота мрачно молчали. Давило всѣхъ зловѣщее чувство.

— Слушай, Максиме!—прервалъ наконецъ молчаніе Богданъ.— Не было и не будетъ до вѣку, до суду, чтобы ляхи-паны спокойно намъ уступили права! Кинутся они на насъ, какъ волки!

— Это вѣрно!—кивнулъ головой и Чарнота,—не уступятъ они намъ нашихъ земель, не уступятъ награбленнаго добра; зубами будутъ держаться, пока мы ихъ не выбьемъ до послѣдняго...

Кривоносъ облегченно вздохнулъ, провелъ рукою по лбу, покрытому крупными каплями пота, размазалъ по лицу кровь, поднялъ ковшъ и наполнивъ его оковитой, кинулъ въ ротъ молча.

— Не тревожься, братъ!—ударилъ его дружески по колѣну Богданъ,—будетъ пиръ кровавый и пьяный, только нужно намъ запастись пивомъ, а до того времени поуспокоить гостей: вотъ я и пріѣхалъ просить тебя, отъ имени братьевъ, оставить здѣсь на время „лыцарскія“ потѣхи, а отправиться съ нами на бусурманъ.

— Такъ и зналъ!—ударилъ себя въ грудь Кривоносъ.—Предчувствовало проклятое сердце!

— Друже мой! Усмири его!—промолвилъ съ глубокимъ чувствомъ Богданъ.—Ты свое сердце потѣшишь, а Украйнѣ, матери нашей несчастной, нанесешь ужасный ударъ...

Кривоносъ зарычалъ и заскрежеталъ зубами, какъ ущемленный въ западнѣ левъ.

— Вѣдь пойми,—продолжалъ Богданъ,—что сейчасъ, пока ни у короля, ни у насъ ничего еще не готово; пока мы безоружны, безсильны, то своимъ полеваньемъ ты только раздразнишь пановъ, разбудишь ихъ, всеоружныхъ, усыпленныхъ нашей мнимой покорностью, раньше времени и испортишь на вѣки всю „справу“...

— Проклятье!—вскочилъ Кривоносъ, и выпрямившись, ударился головой о потолокъ землянки; земля посыпалась градомъ, пламя въ „каганцѣ“ заколебалось отъ движенія воздуха удлиненными языками. Окровавленный, освѣщенный красноватыми пятнами мутнаго свѣта, съ сверкающимъ взоромъ, съ надвинутыми косматыми бровями, съ посинѣвшимъ шрамомъ и обнаженной до пояса грудью—Кривоносъ былъ по истинѣ ужасенъ и напоминалъ собою раненаго, разъяреннаго звѣря.

Тянулась нѣмая минута.

— Что же дѣлать, мой любый,—прервалъ ее, наконецъ, потрясенный Богданъ,—больше ждали,—меньше ждать... да и не ждать, а въ другомъ только мѣстѣ начать лыцарскій „герцъ“.

— Эхъ, брате Богдане,—отозвался горячо Чарнота,—да развѣ насъ только лыцарскіе „герцы“ манятъ. Вѣдь не дѣти мы, не безусые хлопьята!

— Въ томъ-то и горе,—продолжалъ онъ,—что надо бросить все на волю этихъ изверговъ пановъ! Что татаре? Съ татарами можно жить по пріятельски, ей-Богу! Да вотъ, посуди: ни они земель у насъ не отнимаютъ, ни на свою вѣру не приневоливаютъ, ни нашихъ правъ не касаются... вотъ что! Позволяютъ даже по-сосѣдски пасть табуны на ихнихъ степяхъ, такъ же, какъ и мы имъ... Правда вѣдь? такъ?

Богданъ молча кивнулъ головою, а Кривоносъ остановилъ дикій, блуждающій взоръ на Чарнотѣ.

— Только-что вотъ...—возражалъ самъ себѣ Чарнота съ паузами,—иногда налетами грабятъ, такъ и мы недаримъ, а тѣшимъ также свою удаль. Да я скажу еще такъ, что и добре, что грабятъ, ей-Богу, добре! Отъ ихъ набѣговъ намъ даже польза... Разъ, — они не даютъ намъ спать, а будятъ... да, будятъ силу козачью, закаляютъ лыцарскую удаль, а два,—что „шарпаютъ“ и даже чаще нашихъ лютыхъ враговъ, заставляютъ ихъ искать у насъ помощи, а, стало быть, и намъ прибавляютъ больше вѣсу!

— Провались я на этомъ мѣстѣ,—захрипѣлъ, наконецъ, Кривоносъ,—коли Чарнота не правду сказалъ! А что станется, панебрате, если мы татаръ совсѣмъ повоюемъ? Вѣдь тогда они Польшѣ не будутъ страшны, а безъ нихъ мы не нужны. Тогда ляхи, мироѣды-мучители, на насъ и опрокинутся всею своею силой и задавятъ... вотъ оно что! Вотъ оно куда карлючка „закандзюбылась!“ Задирать-то татаръ, чтобы они били ляховъ,—добре, любо! А татаръ намъ бить, такъ все равно, что свою голову подъ обухъ подставлять.

Задумался Богданъ надъ этими рѣчами. Такія мысли смущали иногда и его голову: „А что взаправду, если это только интрига, если хотятъ соблазнить насъ шаткими обѣщаніями, поднять всѣхъ на борьбу съ бусурманомъ и, опрокинувши его за Черное море, раздавить безбоязненно все козачество? Какую тогда роль сыграю я для своей Украйны? Положимъ, что этому королю нельзя не вѣрить: онъ не лукавъ и чистъ сердцемъ, но онъ и не долговѣченъ. Не воспользуется-ли тотъ, кто его смѣнитъ, нашею кровью для нашей же погибели?“

— Правду сказали вы,—отозвался, наконецъ, громко Богданъ—и ты, Михайло, и ты, Миксиме, сущую правду: все можетъ статься, и вѣрить ляхамъ нельзя, да опериться намъ безъ этой войны невозможно; въ томъ-то и сила, что намъ нужно воспользоваться ихъ думкой, чтобы „збройно“ сѣсть на коня, а когда „засурмятъ“-затрубятъ наши трубы, да взовьется наше родное „кармазинное“ знамя, да заалѣютъ безконечными рядами алые верхи шапокъ и жупаны,—тогда то, братцы, и подумаемъ крѣпкую думу, на татаръ-ли съ ляхами ударить, или съ татарами на ляховъ?

— Вотъ такъ дѣло!—расправилъ брови Кривоносъ.

— Любо! Оживемъ!... Теперь ужъ и я выпью по самое... некуда!—потянулся Чарнота къ боченку.

— Такъ и помогите же мнѣ, друзья,—убѣждалъ Богданъ,—докончить съ ляхами игру... давно ужъ я ее веду... даже очертѣла.

— Поможемъ, поможемъ,—подхватилъ Чарнота.

— Мнѣ только усыпить нужно пановъ, пока сядемъ на коней, да саблями брякнемъ. Такъ вотъ отъ имени всего козачества бью я челомъ, чтобы вы на малое время бросили ваши камышевскія „жарты".

— А!—застоналъ даже Кривоносъ и такъ сжалъ кулаки, что кости хрустнули.—Все таки за старое! Да вѣдь это сверхъ человѣческой силы! Да знаешь!ли ты, что творятъ здѣсь эти идолы-аспиды?

— Все знаю, брате,—вздохнулъ глубоко Богданъ,—и знаю, что нужно этихъ „вылюдковъ" карать; но для этой самой кары, для избавленія народа отъ египетской неволи, нужно пока воздержаться отъ кровавой мести.

— Да какъ же воздержаться?—вскрикнулъ Кривоносъ, потрясая руками.—Ну, пусть меня считаютъ за простого „камышника"-разбойника... Самъ я за себя и отвѣчу... Поймаютъ—сдерутъ шкуру, на колъ посадятъ, и баста... Эка невидаль!

— Эхъ, Максиме, Максиме!—покачалъ укоризненно головою Богданъ.—Да кто же Кривоноса, лыцаря, равнаго Яремѣ, посчитаетъ за простого „камышника?" Ты своими жестокими карами ожесточишь лишь врага. Клянусь тебѣ Богомъ и нашимъ краемъ безсчастнымъ, что ляхи взбудоражатся, заподозрятъ короля и размечутъ, какъ щепки, всѣ наши хитрые планы.

— Слушай, мой друже,—почти упалъ возлѣ Богдана Максимъ,—если-бъ ты заглянулъ вотъ сюда,—распахнулъ онъ совсѣмъ свою грудь,—и увидѣлъ, какая тамъ рана, окипѣвшая и гноемъ, и черною кровью, то ты бы отскочилъ въ ужасѣ... Я самъ туда боюсь заглянуть и прячу ее отъ людей... Ой, и жжетъ же она меня вѣчнымъ огнемъ, неугасимымъ, пекельнымъ!... Ты говоришь, что я не могу отъ жестокостей отказаться... всѣ меня звѣремъ считаютъ, но былъ же я когда-то не звѣрь! И это побитое сердце умѣло любить и знало ласку... Эхъ!—выпилъ онъ залпомъ ковшъ окованной и прилегъ головой на поднятыя на локтяхъ руки. Въ горлѣ у него что-то кипѣло и клокотало, плечи судорожно вздрагивали отъ страшной внутренней боли.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого страданія, которое повалило могучую силу къ землѣ, и занемѣлъ.

— Что тамъ вспоминать старое, Максиме!— положилъ ему руку на плечо Чарнота,—когда-бъ всякій изъ насъ распахнулъ свое сердце— страшно было бъ и глянуть кругомъ! Много запало туда лядской ласки! Э, да что тамъ!—вскрикнулъ онъ рѣзко, выпивая залпомъ ковшъ водки:—не всѣмъ-же выпадаетъ счастье! Кому любовь, кому тихая радость, а кому горе, да „зрада“,—все равно—неси, только смотри, чтобъ плечи не согнулись? И не согнутся! Не согнутся!—вскрикнулъ онъ, сверкнувши своими синими глазами:—въ землю уйдутъ, а не поклонятся никому и не попросятъ никого тяжесть ихъ раздѣлить!—Чарнота охватилъ голову руками и устремилъ свой взоръ въ мигающее пламя „каганца“... Казалось, передъ нимъ всплывало что-то далекое, прекрасное, незабвенное... По лицу его разлилась глубокая печаль...—Эхъ, все вздоръ, все вздоръ на свѣтѣ!—вскрикнулъ онъ съ невыразимой горечью, словно хотѣлъ этимъ восклицаніемъ оторвать свою мысль отъ мучительныхъ воспоминаній:—одна только горилка и можетъ приголубить козака!—И съ этими словами, Чарнота налилъ себѣ полный ковшъ водки, и выпивши его залпомъ, повалился ничкомъ на землю. Богдану почудились какіе-то подавленные стоны. Но вотъ въ землянкѣ наступила полная тишина.

Упало тяжелое молчаніе. Кбганецъ то вспыхивалъ, то примеркалъ, мигая по мрачной берлогѣ уродливыми тѣнями; черная ночь заглядывала въ ея дверь, а издалека доносился надорванный умирающій стонъ. Богданъ тяжело дышалъ и чувствовалъ, что его гнететъ и давитъ тяжелая „туга“, словно жерновъ; будущее представлялось ему и загадочнымъ, и мало отраднымъ; за туманами и мглою предвидѣлись страшныя грозы; надежда усмирить хоть на время этихъ мощныхъ, но искалѣченыхъ горемъ людей ускользала изъ рукъ,..

— Охъ, тяжело!—простоналъ, наконецъ, Кривоносъ и, проведши руками по лбу, заломилъ ихъ на затылкѣ.—Слушай, Богдане, друже, никому еще не говорилъ, не повѣрялъ я того, что тебѣ повѣрю... а ты выслушай и пойми, какъ я звѣремъ сталъ, выслушай, хватитъ-ли послѣ всего человѣческихъ силъ, чтобы сдержать бушующую въ душѣ лютость... Выслушай и разсуди меня, брате!

— Кого судить? Себя развѣ, а не другого!—махнулъ рукою Богданъ.

— Нѣтъ, разсуди,—опрокинулъ ковшъ горилки Кривоносъ и отеръ рукавомъ сорочки свои окровавленные усы.—Эхъ, не беретъ! Не зальешь ничѣмъ,—ни кипяткомъ, ни горячей смолой... Да, былъ и я человѣкомъ когда-то, не пугаломъ съ перерубленнымъ на двое носомъ, годнымъ лишь на баштаны, не чортомъ, не порожденіемъ пекла, котораго все живое страшится, а былъ козакомъ удалымъ, хорошей „уроды“, знавшимъ и свѣтлыя радости, и тихое семейное счастье!

И незлобливъ былъ сердцемъ. Улыбался не сатанинской оскалиной, а хорошей улыбкой, слезу чужую отзывчивымъ сердцемъ встрѣчалъ, а вотъ теперь сталъ я звѣрь звѣремъ: смѣюсь на чужія муки, упиваюсь стономъ врага, тѣшусь крикомъ смертельнымъ... Да, звѣрь! А кто меня имъ сдѣлалъ, кто? Вотъ эти ляхи, да ксензы, да жиды, да этотъ кровопійца, извергъ человѣческаго рода, этотъ отступникъ отъ вѣры отцовъ, этотъ Іуда-Ярема! Дай мнѣ только его одного, его, найстрашнѣйшаго мучителя народа,—натѣшу я свою переполненную ядомъ печенку, напою свою месть и стану ягненкомъ, овцой!

Онъ всталъ и, изгибаясь конвульсивно отъ боли, прошелся нѣсколько разъ по берлогѣ, потомъ сѣлъ на кожухъ и началъ дико стонать, устремивъ въ черную ночь пылавшіе гнѣвомъ глаза.

— Не помню я ни отца, ни матери,—началъ онъ снова,—убиты, конечно, были или заведены въ плѣнъ, вѣрнѣе, что убиты, а меня взялъ въ „годованцы“ дядько Ткачъ, что осѣлся было въ Жовнахъ, вотъ недалеко отсюда, у рѣчки Сулы. Дядькомъ-то роднымъ онъ мнѣ не былъ, а я только величалъ его дядькомъ, а то и батькомъ. Хорошій былъ человѣкъ, добрая душа, перомъ надъ нимъ земля! Жалѣлъ меня, какъ сына родного, не то что, и на разумъ наставлялъ, добру училъ, не пожалѣлъ даже денегъ дьяку за науку, и радовался отъ души, когда я „апостола“ пискливо выкрикивалъ въ церкви, бублики, пряники дарилъ, охъ!... А у него, у Ткача, еще дочечка своя была Орыся, меньше меня. Славненькая такая, вотъ какъ ангелокъ о шести крылахъ: личико бѣлое, нѣжное, волосики кучерявые, словно свѣтлый ленъ, шелкомъ-серебромъ отдаютъ, бровенята черныя, шнурочкомъ, а глазки, какъ теренъ... Эхъ, что тамъ и толковать!—отвернулся онъ отъ Богдана и долго молчалъ, потомъ вздохнулъ глубоко и заговорилъ измѣнившимся голосомъ:—Ну, и шло мое дѣтство яснымъ, солнечнымъ днемъ. Подружились мы съ Орысей, а потомъ побратались, полюбились, а какъ уже до возраста дошли, такъ и „покохались“. Батько Ткачъ, царство ему небесное, радовался на насъ и благословилъ, только требовалъ, чтобы сначала послужилъ я родной землѣ, добылъ себѣ лыцарской славы, а потомъ бы уже и разсчитывалъ на семейную радость. Святое было слово батька, и я ему покорился. Ужъ какъ я любилъ мою зорьку, Господи!—все сердце, всѣ думки въ ней, и она тоже...—словно захлебнулся чѣмъ Кривоносъ и, протянувши руку къ Богдану, произнесъ хрипло;—налей ковшъ, не могу говорить, давитъ...

Богданъ молча налилъ, Кривоносъ выпилъ „оковитой“, передохнулъ и продолжалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ я и отправился на Запорожье и нырнулъ въ омутъ тамошней жизни, да ее только, Орысю мою, не забылъ, запряталъ ея образъ подъ самое сердце и носилъ, какъ дорогую святыню, а она молилась все Господу Богу, чтобы Онъ хранилъ, крылъ ризою и мою душу, и тѣло отъ бѣдъ. И, должно быть, молитва ея, праведной, была Богу угодна, потому что сколько разъ я и въ когтяхъ, и въ зубахъ у самой смерти бывалъ, а брать меня она не брала! И сталъ я надъ нею издѣваться, и прозвали меня товарищи „характернымъ“. Пять лѣтъ я козаковалъ въ Сичи: и въ походахъ, и въ набѣгахъ участвовалъ, и на чайкахъ „гойдался“ по Черному морю... за все это время два раза таки побывалъ я въ Жовнахъ и видѣлся съ моей любой зарей, гостинцевъ ей привозилъ изъ Синопа и изъ Кафы, а она становилась все краше да милѣй. Эхъ, провались эта земля въ пекло, сгори она до тла въ огнѣ, если было когда на ней такое „любое“ созданье, какъ Орыся! Изверги, сатанинскіе выплодки!— выкрикнулъ съ воплемъ Максимъ и, схватившись своими желѣзными руками за дубовый столбъ, подпиравшій крышу землянки, потрясъ его съ такой силой, что дернъ во многихъ мѣстахъ свалился на земь.

— Годи, Максиме, не надо,—остановилъ его Богданъ,—тяжко тебѣ!

— Тяжко!—простоналъ Кривоносъ.—Но... слушай! Ужъ коли переживать муки, такъ до дна. Она меня любила, „кохала“, чахла по мнѣ, а батько Ткачъ хирѣлъ и дряхлѣлъ... Въ послѣдній мой пріѣздъ,—заговорилъ Кривоносъ торопливо,—подозвалъ онъ меня и говоритъ: „Не долго мнѣ, молъ, сынку, осталось жить: чую, зоветъ меня къ себѣ моя „стара“, такъ хотѣлось бы за мою жизнь обвѣнчать васъ... А то неровенъ часъ, можетъ остаться Орыся, дитя мое дорогое, сироткой, безъ защитника... а времена подходятъ лихія... Выпишись ты изъ коша, да и благословись у меня на тихую радость!“ Я такъ и сдѣлалъ. Кошевое „товарыство“ хотя жалѣло меня, а удержать не удерживало. Пріѣхалъ я „отставленнымъ“ въ Переяславъ и приписался въ реестръ, а оттуда уже домой въ Жовны. Вылетѣла ко мнѣ Орыся, какъ ласточка сизокрылая, да съ плачемъ и припала къ груди. „Что такое? Что случилось?“—„Тато умираетъ!“—залилась она дробными слезами. Я съ нею въ свѣтлицу къ батьку. Смотрю, онъ лежитъ на лавѣ желтый-желтый, какъ воскъ, борода, какъ молоко, бѣлая, и только очи блестятъ. Обрадовался онъ мнѣ страшно, одну руку протягиваетъ, а другою крестится, что Господь услыхалъ его молитву. На другой день насъ и обвѣнчали. Батюшка, спасибо ему, и правило церковное нарушилъ, чтобы угодить умирающему, а и вправду, какъ ни тѣшился нашъ покойный батько, что скрѣпилъ намъ счастье на вѣкъ, а черезъ три дня и

умеръ. Оплакали мы его съ любой „дружиною“ и похоронили возлѣ церкви.

Кривоносъ тяжело дышалъ и судорожно теръ рукою свою могучую, обнаженную грудь; что то жгло и душило его внутри, клокочущіе звуки вырывались труднѣй, рѣчь становилась отрывистѣй.

— Вотъ мы и зажили, какъ голубки, тихо, да любо, да радостно, да счастливо! Ужъ такой рай Господь мнѣ послалъ, какого нѣтъ тамъ, на небѣ, нѣтъ и не было отъ вѣку! Въ хатѣ ли у меня, какъ въ вѣночкѣ—воркотанье, да ласка, да по сердцу „розмова“. Въ церковь ли пойдемъ—душа трепещетъ отъ радости, сама къ Богу просится, не знаетъ, какъ и благодарить Милосерднаго. Нѣтъ, хоть вымети рай, а такого счастья тамъ не найдешь!—вскрикнулъ какъ то болѣзненно Кривоносъ и ухватился руками за горло, а потомъ уже продолжалъ шепотомъ:—Такъ думалось... а Богъ послалъ мнѣ еще большее счастье: „нашлась“ у насъ донечка Олеся, а потомъ, черезъ два года, и сынокъ Стась... Какая же это утѣха! Господи! Посмотришь на „дружину“—солнце красное, взглянешь на дѣтокъ—звѣздочки ясныя... Охъ, не могла выдержать земля такого счастья, не могла!—захлебнулся Кривоносъ и замолчалъ.

Богданъ сидѣлъ все время, склонивъ голову и потупивъ очи въ солому. Разсказъ Кривоноса производилъ на него неотразимое впечатлѣніе, дрожью отзывался на сердцѣ и туманилъ глаза,—каждое его слово падало ему камнемъ на грудь. Вспомнилось Богдану и свое молодое счастье, мелькнувшее дальней зарницей, и въ груди закипѣла жажда отвѣдать радости жизни...

Когда Кривоносъ умолкнулъ, Богданъ взглянулъ на него и ужаснулся: блѣдный, съ сверкающими глазами, устремленными въ темную даль, съ отброшенною назадъ чуприной, съ судорожно-сжатыми на колѣняхъ руками, онъ сидѣлъ камнемъ, словно пораженный какимъ-то видѣньемъ; по его смуглымъ щекамъ катились медленно слезы и свѣшивались крупными каплями съ поникшихъ усовъ...

Богданъ даже отшатнулся при видѣ этого страшнаго горя, что смогло и у такой мощи выдавить слезы, и понялъ, что за каждую эту слезу заплатятъ страшными муками враги.

— Будетъ, будетъ!—сжалъ онъ руку Кривоноса.—Черезъ мѣру тяжело!

— Охъ!—вздохнулъ глубоко Кривоносъ и, обведши землянку мутнымъ взоромъ, произнесъ порывисто:—Нѣтъ, стой, не уходи.., дослушай, дослушай все до конца и тогда осуди... Жили мы, какъ у Христа за пазухой: дѣтки, какъ огурчики, росли, хозяйство отлично велось... жена за всѣмъ присматривала: мнѣ приходилось почасту отлучаться къ сотнѣ. А тѣмъ временемъ всѣми землями по

Сулѣ завладѣлъ князь Ярема... Сначала-то люди этого и не замѣчали: козаки владѣли своими „грунтами“ невозбранно, продавали ихъ, покупали, мѣняли; „подсусѣдки“ жили при нихъ ласково, услуживали за свои участки, а потомъ стали княжескіе „дозорцы“ брать ко двору небольшой „чиншъ“. Погудѣлъ, погудѣлъ народъ, да и рѣшилъ, что о такихъ пустякахъ нечего спорить, что и князь имъ со своею дружиной пригодится, защититъ по крайности отъ татаръ. Зналъ вѣдь народъ, что Вишневецкіе были греческаго закона, значитъ, свои люди; но отступникъ Ярема скоро показалъ имъ себя!...

Кривоносъ продолжалъ, тяжело дыша и давясь словами:

— Появился въ Жовнахъ ляхъ, экономъ отъ него съ надворной командой и началъ заводить новые порядки: озера, ставки, переправы, лѣса и садки,—все отдалъ въ аренду жидамъ, чиншъ удесятерилъ, началъ сѣять на людскихъ поляхъ, нашими руками жать и косить... Людъ, было, взбудоражился, повѣсилъ одного жида, отнялъ этотъ панскій хлѣбъ и прибилъ экономa... Но налетѣлъ тогда измѣнникъ Ярема и произволъ страшное разореніе: заграбилъ скотъ, пасѣки, душъ пятьдесятъ канчуками запоролъ, душъ двадцать посадилъ на колъ и прогуливался съ экономомъ по этой страшной... улицѣ. Я тогда былъ въ Переяславѣ, а какъ вернулся, да услыхалъ по хатамъ этотъ плачъ и стонъ, да увидалъ мученіковъ несчастныхъ, такъ не знаю, какъ и доскакалъ до своей усадьбы; но, слава Богу, у насъ было благополучно: Господь еще пока хранилъ. Но и эта Божья ласка, и поцаженное извергомъ родное гнѣздышко уже не дали душѣ моей покоя. Развѣ онъ былъ возможенъ среди пекла? Развѣ можно было тѣшиться счастьемъ среди общаго стона и слезъ? Да, тогда въ сердцѣ моемъ закипѣла впервые злоба, и я поклялся стать борцомъ за несчастный народъ и отомстить его кровопійцамъ! Пожилъ я дома недолго: какъ на грѣхъ, меня потянула „войсковая потреба“. А экономъ, песъ лютый, послѣ княжьяго разгрома пустился на всѣ неистовства и безчинства. Ни сестра, ни жена, ни малолѣтняя дочь не были защищены отъ „звѣрюки“. И увидь онъ какъ-то разъ въ этотъ годъ мою „квиточку“ Орысю; ударила его въ сердце краса, и загорѣлся онъ звѣриною страстью: сталъ лѣзть съ любовью, оскорблять... Что было дѣлать ей, горлинкѣ, противъ коршуна? Бросилась она къ ксендзу, чтобы усовѣстилъ аспида, такъ тотъ предложилъ ей принять унію или католичество, тогда, молъ, только она можетъ разсчитывать на защиту. „Пусть меня хоть замучатъ на смерть, а вѣрѣ своихъ отцовъ не измѣню!“—закричала жена и стала запираться на замокъ въ хатѣ; но это не помогло: кромѣ экономa, и ксендзъ сталъ къ ней врываться, да съ волчьими ласками приставать еще къ дытинѣ Олесѣ! Аспидъ, изувѣръ! Служитель алтаря!—

рванулъ себя за чуприну Максимъ и бросилъ клоки сѣдыхъ волосъ въ сторону.—А!—заскрежеталъ онъ зубами,—проклятая земля держитъ на себѣ такихъ тварей! Жена хотѣла убѣжать въ лѣсъ, да слегла отъ мукъ и обидъ. Мнѣ дали знать, я прискакалъ и хотѣлъ было сразу прикончить ксенза и эконома, но Орыся начала меня молить, чтобъ себя пощадилъ, чтобы ради ея счастья простилъ ихъ... Я бросился въ Лубны, къ князю Яремѣ, молилъ его, заклиналъ защитить неповинныхъ. А онъ, исчадіе ада, только смѣялся на мои кровавыя слезы и ледянымъ голосомъ объявилъ, что схизматы для него хуже псовъ, и что каждый шляхтичъ можетъ издѣваться надъ ними, какъ надъ быдломъ. Передернуло меня это презрѣніе и сказалъ я, что добрый хозяинъ и „быдло“ жалѣетъ. „Вотъ я тебя и пожалѣю,—отвѣчалъ мнѣ на это Ярема,—вмѣсто головы только шкуру сдеру! Взять его, пса!“ Всыпали мнѣ сотню горячихъ и отпустили... А дома уже панъ экономъ разпорядился взять мою больную жену къ себѣ на потѣху, а дытынку Олесю отдать на воспитанье ксензу... Застоналъ я отъ боли, сердце сжалось въ груди... красные круги стали въ очахъ... Задавилъ я вотъ этими руками эконома, такъ стиснулъ ему горлянку, что глаза его вылѣзли вонъ и вывалился языкъ...

Кривоносъ вскочилъ, глаза его свирѣпо вращались и сверкали бѣлками, на искривленныхъ губахъ бѣлѣла пѣна...

— Слушай, слушай до конца,—сжалъ онъ Богдану до боли плечо,—меня таки схватили... десятки ихъ попадали, какъ груши, но сила одолѣла... Повалили, связали... а черезъ два дня налетѣлъ сюда самъ „катъ“—Ярема творить судъ и расправу... Привели меня, связаннаго на „майданъ“, смотрю, а тамъ и жена моя, и дѣтки... а кругомъ сторожа... а тутъ же и костеръ, и колья... Бросился я къ князю въ ноги, чтобы казнилъ меня, какъ хотѣлъ, а ихъ бы отпустилъ неповинныхъ... Но князь топнулъ ногою и крикнулъ: „Всѣхъ васъ—огнемъ и мечемъ!“ И, выхвативъ саблю, ударилъ меня по лицу и разсѣкъ его пополамъ... кровь залила мнѣ глаза, но дьяволъ приказалъ засыпать мнѣ порохомъ рану и привязать меня къ столбу, чтобъ я полюбовался пытками моей „зироньки“ и дѣтей...

— О!—застоналъ Кривоносъ ужасающимъ стономъ и ударилъ себя кулаками въ грудь съ такой силой, что пошатнулся и упалъ бы самъ, еслибъ не поддержалъ его подскочившій Богданъ.

— Не выдержитъ ни одинъ звѣрь такой муки, соберись все пекло и оно не выдумало бъ ее!—задыхался онъ, давясь подступившими къ его горлу слезами.—Жену сожгли живой... Я видѣлъ, какъ огонь побѣжалъ по волнамъ ея свѣтлыхъ волосъ... какъ они чернѣли и сбѣгались въ комки... какъ лопнули ея чудные глаза. Ой, слушай,

слушай до конца!—почти безумно шепталъ онъ,—сына, дитя малое, раздѣли и посадили на колъ... Какъ оно пронзительно кричало и корчилось отъ муки!... Вотъ тутъ сейчасъ... стоитъ этотъ крикъ... звенитъ въ ушахъ... а ее... ангела Божьяго... моя Олесю... предали звѣрскому поруганію до смерти,—выкрикнулъ съ нечеловѣческимъ усиліемъ Кривоносъ, бросился съ рыданіемъ на землю и долго бился на ней въ конвульсіяхъ.

Богданъ хотѣлъ было утѣшить своего друга, но слова застыли въ его горлѣ, онъ прижалъ только молча къ своей груди козачью несчастную голову.

Кривоносъ осилилъ, наконецъ, муку и поднялся съ хриплымъ дикимъ рычаніемъ:

— Меня собирался особенно замучить Іуда, но я ушелъ... спасъ свою жизнь для того, чтобы мстить за народъ... поклялся страшною клятвой отдать всю эту ненужную, подлую жизнь одной мести и истребленью враговъ... И отдамъ... и поймаю, дастъ Богъ, Ярему съ семьей!—захохоталъ онъ безумно и, вынувъ саблю, подалъ ее Богдану:

— Вотъ, на! Если твоя просьба нужна для Украины-неньки, если она необходима для блага кровнаго люду... такъ возьми этотъ клинокъ и всади его въ мою грудь... иначе у меня не хватитъ силы исполнить ее!...

Богданъ отклонилъ саблю движеніемъ руки и произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Твое горе такъ велико, что передъ нимъ опускаются руки!

Послѣ долгаго рабочаго дня спустился надъ Субботовымъ тихій, мирный вечеръ. Покончены уже всѣ дневныя работы въ панскомъ дворѣ. „Журавель“ у колодца не скрипитъ, а, поднявшись высоко въ воздухѣ, замеръ, словно задремалъ передъ наступающимъ сномъ. Изъ трубъ пекарни подымается прямыми струйками голубоватый дымокъ, готовится „вечеря“. На черномъ дворѣ, у „повитокъ“, толпится только что пригнанный съ поля и напоенный у колодца табунъ, въ сосѣдней „кошарѣ“ мычатъ коровы и блеятъ овцы. На завалинкѣ, у „пекарни“, молча сидятъ утомленные поселяне, флегматично посасывая „люльки“ и поглаживая „оселедцы“ да „чуприны“. По улицѣ возвращаются съ поля запоздавшіе косари и гребцы; слышатся шутки и взрывы задорнаго смѣха. Пыль, поднимаемая ими, стоитъ въ воздухѣ золотыми столбами. Молодой пастухъ, облокотясь на колъ въ „перелазѣ“, остановилъ какою-то ласковою шуткой мимо идущую стройную дивчину съ ведрами на коромыслѣ; дивчина кокетливо усмѣхается, сверкая своими бѣлыми зубами и придерживая коромысло рукой. Солнце только что спряталось за темнымъ лѣсомъ, золотой ореолъ еще блещетъ надъ нимъ, а противуположная сторона

неба уже медленно покрывается робкимъ розовымъ сіяніемъ. На крылечкѣ сидитъ Ганна съ двумя мальчиками и Оленкой. Андрійко помѣстился на ступенькѣ у ея ногъ съ одной стороны, а Оленка съ другой; Юрась, все еще блѣдный и хилый, лежитъ бѣлокурою головкой у ней на колѣняхъ. Въ сторонкѣ, на муравѣ, сидятъ Катря съ Оксанкой и плетутъ себѣ вѣнки изъ золотыхъ гвоздикъ да синихъ волошекъ.

Ганна разсказываетъ дѣтямъ о томъ, какъ томятся невольники на турецкихъ галерахъ, въ полону у татаръ, какъ ихъ „вызволяютъ“ оттуда козаки, какъ они сами спасаются бѣгствомъ, и сколько опасностей и случайностей встрѣчается имъ въ пути. И Оленка, и Андрійко слушаютъ разсказъ, затаивши дыханіе, сжимая свои черныя брови, а Юрко уже задремалъ, убаюкиваемый ровнымъ голосомъ Ганны. Но, несмотря на свой непрерываемый разсказъ, Ганна не перестаетъ думать все объ одномъ: вотъ уже два дня, какъ дожидается дядька здѣсь въ Субботовѣ гонецъ изъ Варшавы съ письмами отъ какого-то важнаго лица, а дядька все нѣтъ... Говорилъ, что вернется черезъ недѣлю, вотъ уже десятый день въ исходѣ, а ихъ все нѣтъ. Каждый вечеръ поджидаютъ ихъ, а все понапрасну... Не случилось-ли чего?..

Взглядъ ея скользнулъ по черному двору, мимо собравшихся уже возлѣ огромнаго козака косарей и остановился на молоденькихъ дивчаткахъ. Сидя на зеленой травѣ съ полными фартуками цвѣтовъ, онѣ сами казались двумя большими цвѣтками, поднявшими свои головки изъ травы. Дивчатки о чемъ-то говорили; Ганна не слыхала ихъ словъ, но, глядя на ихъ молоденькія, оживленныя лица, ей почему-то вспомнилось свое безотрадное дѣтство, подернутое туманомъ, а потомъ пришли на мысль и горячія слова Богуна, его молодое, воодушевленное лицо, и собственныя муки, и слезы, и Ганнѣ вдругъ сдѣлалось жаль чего-то: не то своей уплывающей молодости, не то своихъ развѣявшихся грезъ... Тихая тоска охватила ее, и рука Ганны замерла неподвижно на бѣлокурой головкѣ Юрка.

Въ противуположной сторонѣ неба вырѣзался и словно повисъ въ сиреневато-розовой мглѣ полный, красный мѣсяцъ...

— О, уже „повень!“—замѣтила Катря, подымая къ небу глаза.

— А когда они уѣхали, кончалась только первая квадра!—вздохнула Оксана.

— Значитъ, скоро пріѣдутъ,—отвѣтила тихо Катря, проникаясь необыкновеннымъ почтеніемъ къ грусти подруги, еще недоступной для нея.

— Охъ, когда-то,—опустила печально голову Оксана,—а, можетъ быть, и случилось что... Ты развѣ не слыхала, какіе только ужасы разсказывалъ тотъ безрукій, что пришелъ вчера на хуторъ?

— Ну, съ батькомъ...—замѣтила увѣренно Катря,—съ батькомъ не можетъ ничего случиться, да и Олекса-жъ не кто-нибудь, а запорожскій козакъ!

— А можетъ онъ не съ паномъ-дядькомъ, а прямо поѣхалъ на Запорожье,—вздохнула опять Оксанка.

— А, что ты „верзешь!“ —вскрикнула даже сердито Катря.— Ну, какъ такое говорить?! И какъ бы это онъ поѣхалъ на Запорожье, не попрощавшись съ тобой?

— А почему бъ же ему непремѣнно прощаться со мной?

— Почему?—переспросила Катря, бросая на Оксану лукавый, выразительный взглядъ.

— Ну, да, почему?—повторила уже несмѣло Оксана, краснѣя и опуская глаза.

— Потому, что онъ „кохаетъ“ тебя!—отрѣзала Катря, но Оксана не дала ей окончить.

— Катруся, голубочка, серденько мое, когда-бъ же тому правда была!—обвивала она шею подруги руками, пряча у ней на плечѣ свое вспыхнувшее лицо.

— Правда, правда!—повторяла настойчиво Катря, стараясь освободиться отъ рукъ подруги и заглянуть ей прямо въ глаза.

— Откуда ты знаешь, откуда ты знаешь?—шептала Оксана, припадая еще крѣпче къ плечу подруги.

— Потому что онъ всегда на тебя только и смотритъ, съ тобою всегда розмовляетъ, гдѣ ты, туда и онъ идетъ,—говорила торопливо Катря.—Потому что онъ тебѣ „дарунки“ всегда привозитъ. потому что,—добавила она рѣшительно,—онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Субботова на Запорожье, а что-жъ бы ему за утѣха была безъ тебя на хуторѣ сидѣть?

— Серденько, рыбонька моя,—прижималась къ ней Оксана,— когда-бъ ты знала, какъ мнѣ „сумно“ безъ него! А когда онъ уѣдетъ на Запорожье, Катруся, голубочка, я .. я... умру безъ него!

— Ну, вотъ ужъ и умру!—развела руками Катруся.

— Да, да, умру,—продолжала горячо Оксана.—Я буду каждую минуту думать, что съ нимъ случилось что-нибудь, что онъ забылъ меня, покохалъ другую, что онъ... Охъ, Катруся, ты не знаешь, какъ я люблю его!

Вдругъ неожиданный рѣзкій дѣтскій крикъ прервалъ слова Оксаны. Дивчатки оглянулись.

По направленію воротъ бѣжали въ перегонку Андрій и Оленка, отчаянно размахивая руками. „Тато, тато ѣдетъ, и Олекса съ нимъ!“— кричали они, что есть духу.

Дѣйствительно, за живою стѣной зелени плавно опускались и подымались, приближаясь къ воротамъ, двѣ красныя козацкія шапки и два дула рушницъ. Слышался частый топотъ приближающихся коней.

— Они, они!—вскрикнула Оксана не то съ радостью, не то съ испугомъ.—Катруся, голубочка, уйдемъ отсюда: я не могу здѣсь... при всѣхъ... онъ увидитъ, что я плакала... Голубочка, уйдемъ скорѣе, скорѣе!

И дивчата, оставивши свои начатые вѣнки, бросились поспѣшно къ дому.

Топотъ коней раздался явственно, и въ распахнутыя настежь ворота влетѣлъ бѣлый конь Богдана, а за нимъ и гнѣдой Морозенка. Кони лихо пронеслись по двору галопомъ и остановились, какъ вкопанные, передъ крыльцомъ.

— Добрый вечеръ!—поклонилась радостная Ганна, спускаясь съ крыльца.—Что такъ „забарылись?“

— Не по волѣ,—отвѣтилъ угрюмо Богданъ, соскакивая съ коня и передавая поводъ Морозенку.

Дѣти бросились цѣловать его руку.

— Ну, ну, вы, дрибнота,—ласково отстранилъ ихъ Богданъ,— садитесь-ка лучше на коней да поѣзжайте съ Морозенкомъ въ конюшню.

Въ одно мгновенье ока Андрійко очутился уже въ сѣдлѣ отца, а Олекса подсадилъ Оленку на своего коня и торжественно повелъ ихъ по направленію къ конюшнѣ.

— Что-жъ, дома все благополучно?—спросилъ Богданъ, подымаясь вверхъ по ступенямъ.

— Слава Богу,—отвѣтила Ганна и, замѣтивши сумрачное выраженіе лица Богдана, поспѣшила добавить:—безъ васъ, дядьку, пріѣхалъ гонецъ изъ Варшавы и привезъ отъ какого-то магната листы, а отъ кого, не сказалъ.

— Гонецъ изъ Варшавы?—вскрикнулъ Богданъ, сразу мѣняясь въ лицѣ.—Гдѣ же эти пакеты? Скорѣе, скорѣе давай!

Ганна бросилась въ будынокъ и возвратилась съ двумя пакетами въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ былъ большой и солидный, запечатанный восковою печатью, а другой небольшой, безъ всякой печати, туго перевязанный красною ленточкой. Богданъ торопливо взломалъ печать. По мѣрѣ чтенія лицо его прояснялось все больше и больше, сжатыя брови расходились, морщины разглаживались на лбу ..

Богданъ просмотрѣлъ еще разъ бумагу и, сложивши ее, обратился бодро къ Ганнѣ:

— Добрыя вѣсти, Ганнусю, посылаетъ намъ Господь! — Затѣмъ онъ развязалъ съ недоумѣніемъ маленькій пакетъ, глянулъ на подпись, да такъ и замеръ весь. — Марылька? — чуть не вскрикнулъ онъ, — Боже мой, что-жъ это значитъ? отчего?" — и, не давая себѣ отвѣта на тысячу разныхъ вопросовъ, вихремъ закружившихся въ его головѣ, Богданъ жадно принялся читать это письмо.

Сначала отъ волненія и неожиданности онъ могъ только съ трудомъ разобрать нестройныя, кривыя буквы, изукрашенныя множествомъ завитушекъ, но дальше чтеніе пошло уже легче.

„Коханому, любому тату, — начиналось письмо, — нѣтъ, напрасно я называю своего названнаго отца любымъ, коханымъ: онъ недобрый, онъ не любитъ Марыльки, онъ совсѣмъ забылъ свою доню; кинулъ ее и ни разу не пріѣхалъ, не справился даже, какъ ей живется и какая она стала теперь!"

Невольная улыбка освѣтила лицо Богдана: изъ-за этихъ кривыхъ нетвердыхъ строчекъ выплыло передъ нимъ прелестное, кокетливое личико Марыльки, съ капризно надутыми губками.

„А я никогда не забываю тату, потому что люблю... Я всегда думаю о томъ, что онъ обѣщалъ пріѣхать и забрать свою Марыльку", — стояло въ письмѣ

Дальше шли разсказы о своей жизни. Марылька жаловалась Богдану, что ей живется куда какъ плохо у Оссолинскихъ, что ее держатъ не какъ равную, а какъ „пріймачку". У Оссолинскихъ-де взрослая дочь, и они не хотятъ, чтобы она, Марылька, показывалась вмѣстѣ съ нею, потому что за Марылькой шляхетство больше „упадаетъ", чѣмъ за канцлеровой дочкой. А очень ей нужны эти шляхетскіе „залеты!" Они ее оскорбляютъ, и нѣтъ ни одного „щираго" человѣка, чтобы могъ ее защитить. Она прячется отъ нихъ, она все время вспоминаетъ своего славнаго, „коханаго" тату. Вспоминаетъ о томъ, какъ онъ ее спасъ отъ погибели на турецкой галерѣ. „Тато, конечно, смѣяться будетъ и не повѣритъ Марылькѣ, а она согласилась бы съ радостью всѣ тѣ же ужасы перенести вновь, лишь бы снова встрѣтиться съ татомъ и такъ провести остальное путешествіе, какъ тогда провели они. Только... ахъ! что-жъ бы изъ этого вышло? Недобрый тато опять бы оставилъ ее у чужихъ людей. А если такъ, то пусть тато никогда не ищетъ встрѣчи съ нею, потому что теперь она не перенесла бы этого"... Здѣсь слова обрывались и нѣсколько словъ расплылось въ круглыя пятнышки. „Слезы! — рѣзнуло молніей въ головѣ Богдана. — Она плакала, она скучала

обо мнѣ! Бѣдняжка, бѣдняжка моя!“ Дальше Марылька желала Богдану всего добраго да хорошаго и просила вспомнить хоть разочекъ бѣдную, маленькую Марыльку, у которой на всемъ широкомъ свѣтѣ остался одинъ только „тато Богданъ“.

Окончивъ чтеніе, панъ сотникъ просмотрѣлъ еще разъ письмо и словно замеръ въ какомъ-то очарованіи. Это маленькое письмецо вызвало передъ нимъ какими-то невѣдомыми чарами тысячи забытыхъ образовъ и картинъ. Они нахлынули на него неожиданно неотразимой толпой. То онъ видѣлъ красавицу Марыльку на рукахъ свирѣпаго запорожца, при пожарѣ турецкой галеры, то она выглядывала, прелестная и воздушная, какъ небесное видѣнье, изъ какой-то туманной дали и словно манила его къ себѣ, то снова сидѣла она передъ нимъ въ роскошномъ нарядѣ на коврѣ въ каютѣ, на атаманской чайкѣ, обдавая его чарующимъ взглядомъ своихъ синихъ очей, то онъ держалъ ее у себя на рукахъ блѣдную, какъ водяная лилія, съ закрытыми глазами и упавшею до земли роскошною, золотистой косой.

Письмо было пропитано душистымъ розовымъ масломъ, и этотъ опьяняющій запахъ вызывалъ въ его воображеніи еще живѣе, еще блистательнѣе ея чарующій образъ. Неподвижный стоялъ Богданъ, сжимая въ рукѣ маленькій желтый листокъ; кровь приливала къ его лицу, къ вискамъ горячею, жгучей волной. Какое-то смутное, темное чувство захватывало его дыханіе, тѣснило грудь. Среди всей его трудной, исполненной тревогъ и опасностей жизни снова появился передъ нимъ такъ нежданно, негаданно этотъ дивный опьяняющій образъ, словно свѣтлый, манящій ручей передъ истомленнымъ въ пустынѣ путникомъ. О, припасть къ его журчащимъ струямъ, утолить свою жгучую жажду и, забывши свой караванъ, свой долгій, утомительный путь, уснуть подъ нѣжный лепетъ его на вѣкъ опьяняющимъ сномъ!

— Добрыя вѣсти, дядьку? — прервала, наконецъ, молчаніе Ганна.

— Счастливыя, счастливыя, Ганнусю! — вскрикнулъ порывисто Богданъ и заключилъ неожиданно въ объятія растерявшуюся и вспыхнувшую Ганну.

Вѣсть о возвращеніи пана быстро облетѣла весь дворъ; всѣ наперерывъ спѣшили привѣтствовать его. Богданъ словно помолодѣлъ и переродился: къ каждому обращался онъ съ ласковымъ словомъ или съ веселою шуткой.

— Ну, панове — господари! Что-жъ это вы насъ все словами потчуете? — заявилъ, наконецъ, весело Богданъ. — Пора бы и вечерять дать, вѣдь мы съ Морозенкомъ добре отощали, ровно собаки въ

„пашеной“ ямѣ... Ганнусю, а Ганно!—обернулся онъ, но Ганны уже не было на крыльцѣ.

— По хозяйству пошла,—прошамкала баба,— вечерю сейчасъ дадимъ; а тамъ пани дожидается, тоже хотѣла повидаться.

— Сейчасъ, сейчасъ,—согласился Богданъ и вступилъ за старушкою въ сѣни.

Распахнувши дубовую дверь, ведущую въ большой покой, онъ остановился на порогѣ и, осѣнивши себя широкимъ крестомъ, помолился на образа. Столъ въ свѣтлицѣ былъ уже накрытъ къ вечерѣ, и свѣчи въ высокихъ шандалахъ, парадно зажженыя для пріѣзда хозяина, освѣщали установленный оловяными мисками столъ. Богданъ оглянулъ комнату; но Ганны не было и здѣсь. Онъ прошелъ въ открытую дверь и вошелъ въ покои своей больной жены. Тонкій запахъ засушенныхъ травъ сразу пахнулъ на него и навѣялъ какую-то тихую грусть. Здѣсь на простомъ ложѣ, среди высохшихъ травъ и цвѣтовъ, лежала такая же высохшая и желтая, бѣдная, преждевременная старуха.

— Охъ, пріѣхалъ ты, соколъ мой... слава Богу! Еще разъ привелъ Господь увидѣть тебя!—заговорила съ одышкой больная, приподнимаясь навстрѣчу мужу.

— Ого! еще и не разъ увидимся!—постарался ободрить больную Богданъ, здороваясь съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не то... тутъ она у меня,—указала больная рукою на сердце,—чувствую я ее день за день... Скоро уже развяжу тебѣ навсегда руки...

— Что ты, что ты?—остановилъ было больную Богданъ, но она продолжала еще настойчивѣе съ силою, даже непонятною при такой слабости.

— Скоро, скоро... да и благодарю за то Бога... повисла я тебѣ, какъ камень на шею... ты молодой да крѣпкій... тебѣ бы жить надо... а тутъ... только... Стой, стой!.. Я не „нарекаю“,—остановила она Богдана,—и тебѣ, и Господу „дякую“... другой бы можетъ и билъ, а ты...

Здѣсь она остановилась и, взявши съ усиліемъ руку Богдана, поднесла ее къ губамъ. Богданъ хотѣлъ было вырвать свою руку, но больная прошептала тихо: „Нѣтъ, не бери... такъ хорошо“. Богданъ отвернулся въ сторону и началъ разсматривать концы своихъ сапогъ. Казалось, больная замѣтила тяжелое впечатлѣніе, производимое ея словами. Она печально улыбнулась и начала веселѣе, стараясь перемѣнить разговоръ.

— А какъ ѣздилось, все ли благополучно?

— Слава Богу Милосердному, снова простеръ надъ нами десницу Свою!

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестилась и пани.

— Только мнѣ-то не удастся и отдохнуть,—продолжалъ Богданъ, не поднимая глазъ,—изъ сѣдла въ сѣдло! Сегодня вотъ пріѣхалъ, а завтра снова въ Варшаву скачи!

— Завтра? Въ Варшаву?—вырвалось горько у больной...—Господи, Господи, а я-жъ то думала хоть умереть при тебѣ.

— Да что ты? Богъ съ тобой!—повернулся къ ней Богданъ.—Отслужимъ завтра молебенъ, ворожку призовемъ,—и легче будетъ.

— Поздно!...—махнула безнадежно рукою пани, и въ этомъ слабомъ, надорваномъ голосѣ Богданъ прослышалъ дѣйствительную правду ея словъ,—не поможетъ уже мнѣ ни молебенъ, ни ворожка... Силы моей нѣту жить... Уходитъ она съ каждымъ днемъ, да и лучше,—вздохнула она, утирая слезу,—и вамъ легче будетъ, и мнѣ покой... Не застанешь ты меня...—продолжала она послѣ минутной паузы, снова прижимая Богданову руку къ своимъ губамъ,—жалко только... съ тобою жила... при тебѣ бы хотѣлось и умереть... легче было бъ... да чтожъ, коли справа...—больная остановилась.

— Ты безпокоишь себя понапрасну...—постарался успокоить ее Богданъ.

— Я не плачу, нѣтъ,—отерла она глаза,—спасибо тебѣ за все, за все.., Знаю я, что тебѣ нельзя безъ жинки, безъ хозяйки жить, только какъ будешь выбирать,—голосъ ея задрожалъ и на глазахъ показались слезы,- выбирай такую, чтобы дѣтокъ моихъ бѣдныхъ...—больная остановилась, стараясь побороть подступающія слезы,—жаловала и любила, а я уже буду для васъ тамъ, у Господа, долю просить...

Къ „вечерѣ“ въ комнату вошла и Ганна. Она была блѣднѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго; по сомкнутымъ губамъ, но строго сжатымъ бровямъ видно было, что она только что поборола въ себѣ какое-то сильное душевное волненіе.

Народу вокругъ стола собралось немного. За отсутствіемъ хозяина, гости всѣ почти разъѣхались, остались только постоянные обитатели хутора. Пришелъ Ганджа съ Тимкомъ, пришелъ дѣдъ, Морозенко и еще нѣсколько козаковъ, проживавшихъ почти постоянно въ Субботовѣ. Оксана и Катря вошли въ комнату, когда всѣ уже шумно размѣстились вокругъ стола... Поцѣловавши чинно Богдана въ руку, онѣ поклонились всѣмъ и молча заняли свои мѣста; поймавши на себѣ взглядъ Морозенка, Оксана вспыхнула до корня волосъ, и поспѣшила нагнуться, чтобы скрыть свое пылающее лицо.

За столомъ установилось самое веселое настроеніе. Богданъ былъ такъ искренно веселъ и оживленъ, какъ это бывало многіе годы тому назадъ; это состояніе духа хозяина электрическимъ токомъ передавалось всѣмъ присутствующимъ. Дымящіяся кушанья исчезали съ поразительной быстротой, кубки то и дѣло наполнялись заново.

— А что, батьку, вѣрно добрыя вѣсти получилъ?—оскаблился широко Ганджа.

— Добрыя, добрыя, дѣти!

— Да и пора уже,—замѣтилъ Ганджа, опрокидывая кубокъ.

— Охъ пора, пора!—согласились и другіе.

— Въ Варшаву зовутъ... завтра ѣхать надо,—заявилъ загадочно Богданъ, обводя всѣхъ такимъ орлинымъ взоромъ, что всѣ поняли сразу, что звать то не зовутъ, а „запрошуютъ“.—То-то, Олекса,—продолжалъ онъ весело, отодвигая отъ себя порожнюю миску,—нѣтъ намъ съ тобою отдыха: изъ сѣдла въ сѣдло. Сегодня пріѣхали, а завтра опять. Тебѣ, сынку, завтра же на Запорожье скакать... я „лысты“ важные дамъ.

— На Запорожье, такъ и на Запорожье,—вскинулъ удало головою Олекса,—лишь бы дѣло, батьку, то и на край свѣта можно летѣть! Эхъ, обрадуются братчики!—продолжалъ онъ радостно, оживляясь съ каждымъ словомъ,—давай „лысты“, батьку, стрѣлою татарскою полечу.

Казалось, восторженное оживленіе козака не произвело ни на кого особеннаго впечатлѣнія; однако, при первыхъ словахъ его Оксана вся вспыхнула вдругъ, а потомъ такъ-же быстро поблѣднѣла, какъ полотно.

— На Запорожье завтра ѣдетъ... и радъ... и ждетъ только, какъ бы скорѣе, а я, дурная, думала, что онъ, что онъ...—Оксана вдругъ съ ужасомъ почувствовала, какъ верхняя губа ея задрожала, вѣки захлопали и къ горлу подкатило что-то давящее, неотразимое.—Господи, Господи!—зашептала она поспѣшно,—только бы не при всѣхъ: какой соромъ, какой позоръ!

Но горло ей сдавливало еще сильнѣе, губы непослушно дрожали, а выйдти изъ-за стола не было никакой возможности. Катря бросила взглядъ на разстроенное лицо своей подруги и обмерла вся.

Между тѣмъ разговоръ за столомъ продолжался еще веселѣе.

— Батьку, пусти меня съ Морозенкомъ на Запорожье,—замѣтилъ несмѣло Тимко,—обабился я здѣсь совсѣмъ.

— Обабился?—покатился со смѣху Богданъ, а за нимъ и остальные,—рано, сынку, рано! А можетъ и ты, Морозенку, обабился у насъ на хуторѣ?

— Э, нѣтъ, батьку! На хуторѣ хорошо, а если на Запорожье,—хоть сейчасъ понесусь!

Оксана съ отчаяньемъ закусила губу.

— Молодецъ ты у меня, знаю; затѣмъ-то и выбираю тебя. Да и безъ того пора уже до „коша“. А ты, сынку, еще погоди,— обратился онъ къ Тимошу,—тебѣ еще на Запорожье рано, а дастъ Богъ побываемъ тамъ съ тобою вмѣстѣ.

— Эхъ, кабы привелъ Господь!—вырвалось у Ганджи и у нѣсколькихъ козаковъ.

— У Бога милости много!—кивнулъ дѣдъ сѣдой головой.— А что, пане-господарю, не слыхалъ ли гдѣ чего? Тутъ къ намъ одинъ безрукій приходилъ, говоритъ, что это его такъ Ярема покаралъ: такое разсказывалъ, чего и мои старыя уши отродясь не слыхали.

— Правда, дѣду, слышалъ и я... ну, да не вѣкъ же королятамъ и своевольничать: „урвется“ когда нибудь имъ нитка.

Всѣ эти недоговариваемые намеки интриговали еще больше слушателей.

— Да чтожъ это у насъ „порожніе“ кубки? Гей, Ганно, прикажи-ка меду внести!

Ганна поднялась было съ мѣста, но Оксана сорвалась раньше ея.

— Я схожу, панно Ганно,—шепнула она и, не дождавшись даже согласія, опрометью бросилась за дверь.

И было какъ разъ въ пору, потому что слезы висѣли уже у ней на рѣсницахъ. Очутившись въ сквозныхъ сѣняхъ, она бросилась прямо въ садъ, не подумавши даже отдать распоряженіе на счетъ меда. Одно желаніе—скрыться отъ всѣхъ, убѣжать въ такую гущину, гдѣ бы никто не отыскалъ, толкало ее и она бѣжала черезъ садъ такъ поспѣшно, словно ее догонялъ кто-нибудь.

Ночь стояла теплая, лунная, чарующая... Стройная тѣнь дѣвушки быстро мелькала мимо кустовъ и деревьевъ и, наконецъ, остановилась на самомъ краю левады, тамъ, гдѣ она уже примыкала къ открытой степи... И хороша же была степь въ эту лѣтнюю, лунную ночь!

Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба усыпалъ ее всю мелкимъ, ажурнымъ серебромъ. Трещаніе цикадъ и кузнечиковъ наполняло воздухъ какой-то нѣжной, усыпляющей молодіей. Запахъ свѣжихъ травъ и дикихъ цвѣтовъ разливался надъ всею поверхностью теплой волной. Но ничего этого не замѣтила Оксана. Какъ подстрѣленная птичка, упала она ничкомъ въ землю и залилась слезами. Онѣ давно текли уже по ея щекамъ, а теперь хлынули неудержимо съ громкимъ всхлипываніемъ. Оксана плакала, припавши

головою къ колѣнямъ; иногда она раскачивалась, какъ бы желая сбросить съ себя часть тягости, душившей ее.—Не любитъ, не любитъ, не любитъ!—повторяла она сама себѣ.—А я то, а я то, дурная, повѣрила тому, что онъ любитъ меня! На Запорожье собирается, съ радостью полетитъ... когда-бы хоть „трошечки“ любилъ, „зажурился-бъ“, а то... Охъ, Боже-жъ мой, Боже-жъ мой!—закачалась снова Оксана, прижимая руки къ лицу.—Да и за что ему любить меня? Что я такое? Онъ козакъ, а я... такъ себѣ, бѣдная дивчына... ни батька, ни матери... сирота „пріймачка“... онъ вѣрно шляхтянку какую возьметъ, а я... Охъ, какая-жъ я несчастная, какая я несчастная! Нѣтъ у меня ни одной своей души на цѣломъ свѣтѣ!—и слезы изъ глазъ Оксаны полились еще сильнѣе, и чѣмъ больше она плакала, тѣмъ все жальче становилось ей самое себя, тѣмъ горьче лились ея слезы. Вдругъ не въ далекомъ отъ нея разстояніи раздались чьи-то поспѣшные шаги.

— Оксано, гдѣ ты?—послышался негромкій окликъ, но Оксана не слыхала его.

— Боже мой, Боже!—шептала она, покачиваясь всѣмъ туловищемъ,—да лучше-жъ мнѣ умереть, чѣмъ такъ жить.

Темная фигура козака уловила направленіе, по которому неслись громкія всхлипиванія, раздвинула кусты и вынырнула на освѣщенную мѣсяцемъ площадку. Дѣвушка сидѣла на травѣ и такъ жалобно всхлипывала, что у молодого козака сжалось сердце.—Оксана!—произнесъ онъ негромко, подходя къ ней и дотрогиваясь до ея плеча.

— Ой!—вскрикнула не своимъ голосомъ Оксана, подымая голову и, замѣтивши Морозенка, въ одно мгновенье закрыла ее снова и фартукомъ и руками.

Олекса замѣтилъ только большіе, черные, полные слезъ глаза и распухнувшее отъ рыданья личико дѣвочки.

— Оксанко, голубочко!—опустился онъ рядомъ съ нею на траву,—я уже давно ищу тебя. Скажи мнѣ, можетъ тебя обидѣлъ кто?

Прошло нѣсколько секундъ, но Олекса не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, изъ подъ фартука раздался голосъ, прерываемый непослушнымъ всхлипываньемъ: „Это я... руку... ударила“.

— Руку?—переспросилъ Олекса и по лицу его пробѣжала лукавая усмѣшка.—Покажи-ка мнѣ, гдѣ?—но такъ какъ Оксана руки не давала, то онъ взялъ ее силою; но, осмотрѣвши всю смуглую ручку, не нашелъ на ней никакого знака.—Оксано, неправда твоя!.. произнесъ онъ съ укоромъ.—Скажи-жъ мнѣ, чего ты плакала, а?

Оксана попробовала было вырвать свою руку, но Олекса держалъ ее крѣпко и сильно.

— Пусти меня!—рванулась она, чувствуя, какъ на глаза ея навертываются слезы,—никому до меня дѣла нѣтъ!

— Нѣтъ, не пущу, покуда ты не скажешь!

— Пусти! Баба сердиться будетъ!

— Я вѣдь завтра на Запорожье уѣзжаю!

При послѣднихъ словахъ Олексы плечи Оксаны задрожали снова.

— Слушай, Оксано,—заговорилъ онъ мягко, охватывая ея плечи рукою,—или тебя кто обидѣлъ, или у тебя на сердцѣ есть какое то горе... Отчего же не хочешь ты со мной подѣлиться? Развѣ я чужимъ тебѣ сталъ? Развѣ ты отъ меня „отцуралась?“

— Не я, не я!—вскрикнула, захлебываясь слезами, Оксана.

— Такъ кто же тебя противъ меня наставилъ?

— Ой, Боже мой, Боже мой! Не могу я, не могу!—всхлипывала и ломала руки Оксана.

— Видишь ли, какая правда,—произнесъ Олекса съ горькимъ укоромъ,—я все тотъ же, а ты... вотъ не можешь и правды въ глаза мнѣ сказать... забыла вѣрно то время, когда жили вы еще съ батькомъ въ Золотаревѣ.

Сердце Оксаны забилось быстро и тревожно, какъ у испуганной птички. „Господи, да неужели, неужели?“—пронеслось въ ея головѣ.

Олекса самъ помолчалъ, какъ бы желая преодолѣть охватившую его вдругъ робость. И затѣмъ продолжалъ снова:—Я завтра ѣду на Запорожье; кто знаетъ, когда и вернусь теперь... хотѣлъ „спытать“ тебя, помнишь ли ты то, о чемъ обѣщались мы другъ другу, когда еще были дѣтьми?

И какой-то непонятный ужасъ, и нежданная радость оледенили вдругъ всѣ члены Оксаны; только въ головѣ ея быстро, быстро, какъ блуждающіе огоньки, замелькали пылающія слова: „Господи! Счастье, жизнь моя, радость моя!“

— Оксано, что-жъ ты молчишь, или забыла совсѣмъ?—продолжалъ Олекса, стараясь заглянуть ей въ лицо; но смуглыя ручонки прижались къ лицу такъ судорожно, что онъ оставилъ свою попытку.

— Помню!—раздалось, наконецъ, едва слышно изъ-за сцѣпленныхъ пальцевъ.

— Такъ скажи-жъ мнѣ,—продолжалъ онъ смѣлѣе,—повторишь ли ты теперь то, что сказала тогда?—и въ голосѣ Морозенка послышалось подступившее волненіе.

Оксана молчала.

— Скажи же мнѣ,—продолжалъ онъ уже смѣлѣе,—согласна ли ты ждать меня, пока я вернусь изъ Сѣчи „значнымъ“ козакомъ? Ну, а если... всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, на войнѣ...

— Умру!—вскрикнула Оксана и судорожно, громко зарыдала, припавши къ его груди.

— Оксано, голубочко, такъ ты любишь меня?—вскрикнулъ Олекса, горячо обнимая ее и хватая за руки. Упрямыя руки уже не сопротивлялись и передъ Морозенкомъ предстало заплаканное личико съ растрепанными локонами волосъ.—Такъ ты любишь, ты любишь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта личико спряталось у него на груди.

— Скажи-жъ мнѣ, ты любишь, „кохаешь“ меня?—продолжалъ пылко козакъ.

— У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ тебя,—раздалось едва слышно и головка прижалась къ нему еще беззащитнѣй, еще горячѣй.

— Дивчыно моя! Радость моя! Счастье мое!—прижалъ ее къ себѣ Олекса,—такъ ты будешь ждать меня и годъ, и два, и три?

— Цѣлый вѣкъ!—отвѣтила Оксана, отымая голову.

— И никого, кромѣ меня не полюбишь, еслибъ даже я...

— Не говори такъ, Олексо,—вскрикнула Оксана, обвивая его шею руками,—никого, никого всю жизнь, кромѣ тебя!..

Олекса порывисто прижалъ къ себѣ дивчыну и покрылъ горячими поцѣлуями ея смущенное личико.

XXVIII.

Между сбившеюся толпой на понтонномъ мосту черезъ Вислу тихо пробирался на взмыленномъ Бѣлашѣ Богданъ; за нимъ слѣдовали гуськомъ четыре козака, взятые имъ изъ Субботова.

Мостъ гнулся и погружался въ воду; можно было ожидать ежеминутно, что онъ разорвется и сброситъ съ себя въ мутныя, бѣловатыя волны рѣки и всадниковъ, и пѣшихъ, и сидящихъ въ рыдванахъ пышныхъ пановъ и разряженныхъ паней. Понуканья, визги, крики, проклятія и брань висѣли въ воздухѣ и, перекрещиваясь, сливались въ какой-то безпорядочный гулъ.

— Сто дьябловъ имъ рогами въ печенку!—кричалъ посинѣвшій отъ ярости упитанный панъ, стоя въ колымагѣ и грозя кулаками въ пространство,—гоните „лайдаковъ“ „кончуками“, бросайте моею рукой къ „дидьку“ ихъ въ Вислу!

— „На-бокъ! На-бокъ!“—орали усердные панскіе слуги, расталкивая и награждая тумаками прохожихъ.—Дорогу ясновельможному пану Зарембѣ!

— „Езусь—Марія!“ На Бога! Давятъ!—визжали женскіе голоса.

— „Гевултъ! Проше пана!“—заглушалъ ихъ рѣзкій жидовскій акцентъ.

— Да что вы, псы, прете? Тутъ вамъ не село, не фольварокъ, не дикія поля! — возросталъ грозно впереди ропотъ.—Оттирай ихъ, оттирай!

Толпа колыхнулась назадъ. Началась драка. Движеніе совсѣмъ пріостановилось. Мостъ, напоромъ столпившихся въ одномъ мѣстѣ панскихъ слугъ и прохожихъ, началъ судорожно вздрагивать и трещать. Послышались отчаянные вопли.

Богданъ прижалъ шенкелями коня и продвинулся къ панской колымагѣ.

— Остановите, вельможный пане, вашихъ дворянъ,—поднялъ онъ съ достоинствомъ край своей шапки,—иначе они развалятъ мостъ и вашу мосць потопятъ.

— Но какой подлый народъ,—отозвался панъ, тревожно оглядываясь,—и впрямь потопятъ... Гей, тише тамъ, Перунъ васъ убей!—замахалъ онъ шапкой.

— За позволеньемъ пана, я проѣду впередъ и очищу дорогу,—тронулъ Хмельницкій „острогами“ коня и прорѣзался имъ къ самой сутолокѣ.— Остановитесь!—крикнулъ онъ повелительно.— Всякъ иди своимъ чередомъ, не опережая и не давя другъ друга!

Голосъ Богдана заставилъ всѣхъ вздрогнуть и остановиться.

Видъ и фигура его импонировали на толпу; она съ уваженіемъ разступилась и двинулась, не спѣша и не нарушая порядка, впередъ. Послышались одобрительные отзывы:

— Вотъ это правильно! Видно сейчасъ вельможнаго пана! Не то, что панскіе подножки... въ затылокъ! Нѣтъ, шалишь, и у насъ кулаки есть! Мы тебѣ не хлопы!

Подъѣхавшій панъ Заремба поблагодарилъ Богдана хриплымъ баскомъ:

— Благодарю за услугу, отъ „щирого“ сердца, панскій должникъ! Прошу на „келехъ“ венгржины, улица Длуга, „камяница“ Вацлава Зарембы.

— И я прошу благороднаго рыцаря,—прозвучало вслѣдъ за басомъ пискливое сопрано, и Богданъ замѣтилъ высунувшуюся изъ-за тучнаго пана тощую фигуру подруги его жизни.—Вельможный панъ не откажетъ, надѣюсь.

— Благодарю, пышное панство,—изысканно поклонился Богданъ, осаживая коня.

Раздалось щелканье бича. Колымага двинулась въ припрыжку съ моста въ гору. Богданъ остановился подождать затерявшихся въ толпѣ козаковъ.

Послѣ цѣлой недѣли рѣзкаго, почти осенняго холода и надоѣвшихъ въ дорогѣ дождей, погода вдругъ измѣнилась; при въѣздѣ въ предмѣстье города Праги, небо прояснилось, живительные лучи солнца согрѣли лѣтнимъ теплом воздухъ и просушили нашихъ путниковъ. Теперь сверкающее солнце обливало яркимъ свѣтомъ замокъ, высившійся на нагорномъ берегу вправо, лучилось на свинцовыхъ крышахъ дворца, искрилось на золотыхъ крестахъ готическихъ храмовъ, подымавшихъ изъ-за крышъ свои высокіе шпицы и мягко скользило по пестрой вереницѣ разнообразнѣйшихъ домовъ, тянувшихся влѣво по берегу Вислы и громоздившихся по горѣ вверхъ.

„Да,—думалось Богдану,—вотъ оно, это мѣсто гордыни, этотъ Вавилонъ панскій, гдѣ для прихоти одного человѣка бросаются подъ ноги потъ и кровь десятка тысячъ людей, гдѣ утопаетъ обезумѣвшее отъ своеволія и грабежа панство въ чудовищной роскоши и развратѣ, гдѣ собратья мои считаются за псовъ,—что псовъ! хуже, считаются за послѣднихъ звѣрей... и тамъ-то въ мрачныхъ „палацахъ“ закована наша доля въ цѣпяхъ... Что-то сулитъ намъ грядущее: освобожденіе или смерть? Все у подножія престола Всевышняго... Но солнце намъ улыбнулось на встрѣчу... Не ласка ли это милосердаго Бога?“

Богданъ снялъ набожно шапку и перекрестился широкимъ крестомъ.

Цѣлый почти день ѣздилъ Богданъ по мрачнымъ, извилистымъ улицамъ, обставленнымъ стѣною узкихъ и высокихъ домовъ, съ выступившими впередъ верхними этажами. Но нигдѣ въ старомъ мѣстѣ не находилъ для себя онъ угла; всѣ гостинницы и заѣзжіе дома были переполнены наѣхавшимъ панствомъ съ многочисленною челядью и надворною шляхтой. Пришлось переѣхать въ Краковское предмѣстье; но и тамъ, къ несчастью, ни одной свободной свѣтлички не оказалось. На всѣхъ улицахъ, куда ни стучался Богданъ, получалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „пшепрашамъ пана—все занято!“

Только къ вечеру уже удалось Богдану отыскать возлѣ Залѣзной Брамы себѣ мѣстечко, и то въ грязной „халупкѣ“ какого-то котляра жида. Отведенный для вельможнаго пана покой скорѣе напоминалъ собою хлѣвъ, нежели жилье человѣка; крохотное окно, заклеенное пузыремъ, почти не пропускало свѣта; подгнившій „сволокъ“ (балка) лежалъ однимъ концомъ прямо на печкѣ, треснувшей, обвалившейся и пестрѣвшей обнаженными кирпичами; два колченогихъ деревянныхъ стула и на какихъ-то обрубкахъ канапа, да столъ составляли всю меблировку этого помѣщенія. Воздухъ въ немъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ чеснока и спеціальныхъ зловоній,

къ нему примѣшивался изъ сосѣдней конурки угаръ отъ уголья и минеральныхъ кислотъ, ко всему еще стояла здѣсь адская духота... и за это убійственное помѣщеніе жидъ заломилъ десять злотыхъ въ сутки.

— Съ ума ты, спятилъ, что-ли?—накинулся на него Богданъ,—да у меня свиньи имѣютъ лучшій пріютъ.

— Чѣмъ-зе я виноватъ, ясный грабя,—кланялся учащенно жидокъ.—Лучшаго „помѣшканья“ у меня нѣтъ, да и нигдѣ теперь панъ не найдетъ... такъ почему не заработать?

— Да что это у васъ, ярмарка, похороны, чи сеймъ?

— Нѣтъ, ясный грабя, не ярмарка, не похороны—не дай Богъ! Похороны яснѣйшей крулевы уже отбыли... Ай, вей, какія похороны! Чудо!—улыбнулся жидъ, усердно скребя подъ ермолкой низко остриженную голову, такъ что даже пейсы тряслись.—А пріѣхалъ теперечки сюда его княжья мосць Криштофъ Радзивилъ, и великій канцлеръ литовскій князь Альбрехтъ Радзивилъ, и великій маршалокъ литовскій Александръ Радзивилъ... однимъ словомъ, „алесъ“—всѣ Радзивилы и Сапѣги, и ясновельможный Янъ Кишка, и всякое другое вельможное панство: ждутъ изъ Ясъ польнаго гетмана, ясноосвѣцонаго князя Януша Радзивила.

— А чего онъ тамъ?

— Женился на дочкѣ молдавскаго господаря.

— А! Вонъ оно что!—протянулъ Богданъ.—„Ишь, куда залѣзъ,—промелькнуло у него въ головѣ.—Примащивается bona fide къ коронѣ... Что-жъ? Ловко!“

— А про другія свадьбы не слыхалъ?—обратился онъ къ жиду.

— Почему нѣтъ?—характерно скривился тотъ.—Много пышнаго панства женится. Чего имъ? Ой, вей, вей! Ѣдятъ, пьютъ, жвиняйте, и женятся. Коли-бъ мнѣ столько добра, ясный грабя, то и я „разъ-у-разъ“ женился-бы!

Въ это время изъ сосѣдней конуры долетѣлъ вопль жиденка, сопровождаемый энергичною бранью „балабусты“ (жены) и хлесткими звуками.

— Какъ-же ты, шельма, женился-бы, когда у тебя есть „балабуста?“—засмѣялся Богданъ.—Да она-бы тебѣ повырывала всѣ пейсы!

— Ой, ой, пане!—закрутилъ головою жидокъ,—дайте только мнѣ дукаты... Ну, такъ какъ, ясный грабя не обидитъ бѣднаго жидка, дастъ заработокъ?

— Да бѣсъ уже съ тобой, коли другого выхода нѣтъ, давись ты десятизлоткой! Только вотъ этотъ пузырь вонъ—проткнулъ онъ окно кулакомъ,—а то дышать нечѣмъ.

— Цто ясной мосци угодно, все къ панской услугѣ,—радостно потиралъ руки жидъ и сметалъ полой своего „лапсердака“ со стола и жалкой мебели пыль, которая на всемъ лежала толстымъ слоемъ.

Распорядившись насчетъ помѣщенія коней и ихъ корму, Богданъ заказалъ себѣ у жида фаршированную щуку, добавивъ къ ней добрый окорокъ ветчины. Повечеряви и выпивши домашней голѣлки и меду, онъ разостлалъ на полу двѣ попоны, положилъ подъ голову сѣдло, и, не смотря на нападеніе всякой „погани“, не смотря на крикъ жиденятъ, на стукъ молота, на звякъ мѣди, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Уже солнце ярко играло на черепицахъ высокой крыши сосѣдняго дома, когда на другой день проснулся Богданъ. Потянувшись въ сладкой истомѣ, онъ хотѣлъ-было перевернуться на другой бокъ и доспать недоспанное въ дорогѣ, но тутъ только и вспомнилъ, что онъ въ Варшавѣ и что пріѣхалъ сюда по чрезвычайно важнымъ дѣламъ. Это сознаніе пробѣжало ѣлкой тревогой по успокоенному было мозгу и заставило Богдана вскочить на ноги. Было уже относительно поздно, и его яйцевидные нюренбергскіе „дзыгары“ показывали дэвятый часъ.

— Фу, ты, „стонадцать“ чертей, какъ по пански заспалъ!— вскрикнулъ Богданъ и началъ торопливо одѣваться.

Не смотря на господствовавшее у козаковъ въ томъ вѣкѣ презрѣніе къ наряду, Богданъ на этотъ разъ измѣнилъ общему принципу и отнесся къ своему туалету внимательно: умывшись и обливши изъ ведра водой себѣ голову и шею, Богданъ тщательно „подголилъ“ свою „чуприну“ и щеки, глядясь лишь въ миску съ водой. Потомъ, перемѣнивши бѣлье, облекшеся въ щегольской костюмъ, мало чѣмъ разнившійся отъ польскаго. Обулъ онъ сафьянные „чоботы“ съ серебряными каблуками и такими же, прикрѣпленными къ нимъ, „острогами“ (шпорами); облекся въ широчайшіе шаровары „шарлатнаго“ (пунсоваго) цвѣта; надѣлъ жупанъ бѣлаго фряжскаго сукна, отороченный золотымъ галуномъ, усаженный въ два ряда золотыми же „гудзями“ (пуговицами) съ аграфами и украшенный на правомъ плечѣ такою же на шнуркѣ кистью (знакъ сотницкаго достоинства); накинулъ сверхъ жупана пышный кунтушъ съ „велетами“ (откидными рукавами) изъ темно-зеленаго венеційскаго бархату— „аксамиту“, „преоздобленный“ дорогимъ „гафтомъ“ (шитьемъ); опоясалъ его роскошнымъ, пестрымъ, шелковымъ поясомъ, полученнымъ отъ побратыма перекопскаго хана, Тугай-бея; заткнулъ за поясъ пару турецкихъ пистолетовъ, а къ лѣвому боку пристегнулъ драгоцѣнную саблю,—почетный даръ нынѣшняго короля Владислава IV,

и насунулъ еще на бекрень высокую баранью черную шапку, съ выпускною красною верхушкой, украшенной золотою кистью, да и преобразился въ такого молодца-рыцаря, что жидъ только кланялся, да чмокалъ, да разводилъ отъ изумленія руками.

И правда, хотя Богдану и перевалило уже за сорокъ лѣтъ, но статная его фигура хранила еще молодую, бодрую силу, мужественное лицо играло заманчивою свѣжестью, а глаза горѣли пылкимъ огнемъ; въ этомъ блестящемъ нарядѣ онъ положительно былъ красавцемъ и являлъ въ себѣ такую неотразимую мощь, передъ которой всякая панна опускала глаза, а пани вспыхивала яркимъ полымемъ.

Богданъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи козака изъ своей сотни, отправился на замчище, гдѣ въ одномъ изъ зданій жилъ государственный канцлеръ Александръ Оссолинскій.

Узкія, кривыя улицы Варшавы были полны уже народомъ, заставившимъ Богдана пробираться медленно, съ остановками. Солнце уже порядочно жгло и играло яркими пятнами на пестрой толпѣ. Время приближалось ко второму „снѣданку“, и съ каждымъ шагомъ коня возростало у нашего путника нетерпѣніе поскорѣе добраться до покоевъ его княжьей мосци; но ускорить аллюръ коня было невозможно. Склонивъ голову, ѣхалъ Богданъ, не обращая вниманія ни на суету нарядной толпы, ни на красоту зданій, ни на богатства, выставленныя на показъ у дверей „склеповъ“, ни на лестныя на его счетъ замѣчанія встрѣчныхъ; онъ весь погруженъ былъ въ себя и чувствовалъ, какъ непокорная тревога заполоняла его все сильнѣй и сильнѣй...

И въ его жизни, и въ общественныхъ интересахъ минута была серьезна; вершилась судьба горячо любимой имъ родины... Онъ напрягалъ всѣ свои думы, чтобы разрѣшить предстоящія задачи, выбрать вѣрнѣйшій путь, предугадать будущее, но своевольныя думы, мятежно рвались и уносили его изъ тернистаго пути въ сказочныя убѣжища нѣги и райскихъ утѣхъ... Дивный образъ, мимолетно сверкнувшій въ прошедшемъ, вставалъ передъ нимъ, облекался въ чудныя краски, жгучей волной наполнялъ его трепетавшее сердце: и надежда, и мука, и жажда встрѣчи бурлили въ тайникахъ его души и горѣли въ глазахъ непокойнымъ огнемъ.

Хотя изъ письма Марыльки и видно было, что ей не сладко живется у Оссолинскаго, что она тоскуетъ по своемъ татѣ, хотя ни единымъ словомъ не заикнулась она о возможности предстоящаго брака, но кто знаетъ? Дѣвичье сердце измѣнчиво, дѣвичьи слезы — роса, а развѣ въ Вавилонѣ этомъ мало искушеній? Неопытная „дытынка“ можетъ и мишуру, и блестящую цацку принять за „щирое“

золото. Ужъ изъ-за одного желанія вырваться изъ тюрьмы на широкую волю можетъ она рѣшиться на рискованный шагъ, а то и Оссолинскій можетъ принудить,—иначе, откуда бы могъ пойти такой слухъ?.. Нѣтъ, это совралъ Ясинскій. Двѣ свадьбы? Ну, вотъ дочь свою выдаетъ, да еще этотъ Радзивилъ Янушъ. Нѣтъ, быть не можетъ! А если правда? И въ жаркій іюльскій день, подъ палящими лучами солнца пробѣжала по спинѣ Богдана холодная дрожь, а сердце сжалось до боли...

Онъ сдавилъ шенкелями коня, но благородное животное только поднялось на дыбы, а давить людей отказалось. „Эхъ, скорѣе-бы, скорѣе,—стучало въ вискахъ у Богдана,—узнать все, разрѣшить это мучительное сомнѣніе; но кривымъ улицамъ конца, кажется, нѣтъ! Да что это я, словно „закоханный юнакъ", дрожу отъ жгучаго нетерпѣнія?—мелькало въ головѣ Богдана.—Пристало ли мнѣ, да и къ чему? Вѣдь развѣ я ей, молоденькой, пышной паннѣ, пара?... Эхъ, ты пропасть! Ровно вѣдьма кочергой толкаетъ въ сердце, да пропади ты пропадомъ!"

И Богданъ усердно началъ торопить коня, глазѣть по сторонамъ, желая развлечься и перестать думать о чертовщинѣ; закурилъ даже для острастки козацкую „люльку". Но, не смотря на всѣ усилія, чертовщина все лѣзла въ голову и вѣдьма сладкими чарами, что пеленой, обвила его одурманенный мозгъ.

„А должно быть хороша, охъ, хороша, какъ разсвѣтъ майскаго утра! И тогда еще, дитяткомъ, была обворожительной и прекрасной, а что же теперь? И глядѣть вѣрно на нее страшно—молніей обожжетъ! Что это въ самомъ дѣлѣ раскисъ я, какъ пьяная баба?—дернулъ Богданъ себя больно за усъ,—не хочу о пустяковинѣ думать! Что-то вотъ запоетъ мнѣ про наши „справы" панъ канцлеръ? Оправдаетъ ли слова Радзіевскаго? Или вотъ самъ король... Его-то яснѣйшую мосць мнѣ нужно увидѣть... А очи то у нея синія, синія, какъ въ Черномъ морѣ подъ прямымъ лучемъ солнца волна, а кудри... Фу, ты, „навожденіе!"—даже плюнулъ Богданъ и выругалъ себя энергической бранью.

Только къ полудню добрался нашъ путникъ до замчища; поручивъ своего Бѣлаша козаку, онъ поспѣшно миновалъ „браму" и вошелъ въ двухъ-этажный палацъ налѣво, что стоялъ прямо противъ королевскаго дворца. Оссолинскій, будучи, сравнительно съ другими крезами-сенаторами,—бѣднымъ, помѣщался не въ собственномъ домѣ, а въ казенномъ.

И у внѣшняго входа, и у внутреннихъ дверей стояли тамъ гайдуки, статные и рослые тѣлохранители княжьей мосци, въ своеобразныхъ пышныхъ нарядахъ, представлявшихъ смѣсь французской

моды (штиблеты и башмаки) со шведской (кафтанъ); комнатные „козачки-джуры“ толпились во внутреннихъ покояхъ.

Богданъ остановился въ какой-то круглой пріемной, пока побѣжали доложить о немъ княжьей мосци. Комната не имѣла обыкновенныхъ оконъ, а освѣщалась только овальными отверстіями, помѣщенными въ самой вершинѣ купола; въ простѣнкахъ между пятью или шестью дверями стояли большіе портреты. Богданъ не обратилъ, впрочемъ, вниманія на оригинальный покой, а почувствовалъ, что его вновь охватилъ непрошенный лихорадочный ознобъ...

— Здѣсь, подъ этою кровлей, быть можетъ, за одной изъ дверей... а, можетъ, и нѣтъ ея? Кто знаетъ?

Козачекъ въ это время отворилъ дверь направо и повелъ Богдана узкимъ, полутемнымъ корридоромъ до другой, распахнувъ которую, онъ почтительно остановился и пропустилъ пана сотника впередъ. Богданъ переступилъ черезъ порогъ и очутился въ обширномъ, роскошномъ кабинетѣ; трое длинныхъ, хотя и узкихъ оконъ пропускали въ него, черезъ многочисленныя круглыя, разноцвѣтныя стеклышки, массу калейдоскопныхъ свѣтовыхъ пятенъ; они то мягко терялись на пушистомъ коврѣ, покрывавшемъ весь полъ, то отражались радугами отъ блестящихъ, изразцовыхъ стѣнъ, на которыхъ изображены были цѣлыя картины историческихъ событій; у стѣнъ стояли громадные застекленные шкафы; посреди комнаты возвышался съ двумя пирамидами письменный столъ.

Богданъ только скользнулъ по всему тревожнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ... Изъ-за пирамидъ-этажерокъ, полныхъ книгъ, поднялась къ нему на встрѣчу знакомая фигура магната и заставила Богдана сосредоточить на себѣ все его вниманіе.

— Здравствуй, съ миромъ пришедшій,—радостно привѣтствовалъ Богдана вельможа.

— Благодарю, много благодарю, ясный княже,—прошепталъ смущенно Богданъ, низко склоняя голову и бережно дотрогиваясь до протянутой вельможной руки.—Будьте здравы къ вящей Божьей славѣ.

— Гдѣ ужъ намъ,—улыбался похудѣвшій и постарѣвшій канцлеръ,—а вотъ я всегда радъ видѣть пана сотника въ добромъ здоровьѣ и бодрымъ: Теперь-то энергія панская намъ и будетъ нужна: „преспѣ убо часъ“—advenit tempus... Однако, прошу, присядь, пане,—указалъ онъ на кресло съ высокою прямою спинкой.—Ну, какъ-же тамъ, спокойно все, благополучно?

— Богъ милосердный хранитъ,—отвѣтилъ Богданъ,—а ласка яснаго князя защищаетъ животы наши отъ напастей.

— Кабы-то моя была воля, развѣ ласка была-бы такою мизерной?—опустилъ канцлеръ смиренно глаза.—Тутъ болѣе орудуютъ Казановскіе.

— Мы не избалованы, княже, судьба у насъ мачихой была; но отъ всѣхъ козаковъ и отъ себя я приношу благодарность ясноосвѣщоному пану канцлеру и найяснѣйшему королю,—всталъ Богданъ и торжественно поклонился, прижавши руки къ груди,—глубочайшую благодарность за возвращенную намъ хоругвь: эта святыня, это дорогое намъ знамя, тронуло насъ до слезъ и окрылило наши надежды.

— Оно ваше и по праву, и по славѣ, какою вы его покрыли,—произнесъ съ чувствомъ панъ канцлеръ.—Такъ козаки, стало быть, довольны?

— Ожили и молятся за долголѣтіе найяснѣйшаго нашего батька и за упокой души святой нашей „неньки“.

— Да, Богу угодно было осиротить насъ и принять въ свои селенія благороднѣйшее и преданнѣйшее благу отчизны любвеобильное сердце,—вздохнулъ Оссолинскій,—но судьбы Его милосердія неисповѣдимы и, можетъ быть, то, что намъ, темнымъ, кажется горемъ, предусмотрѣно Имъ во спасеніе... Да, такъ, такъ,—вертѣлъ онъ въ рукахъ табакерку,—значитъ довольны... Прекрасно... И панъ полагаетъ, что наши друзья довѣряютъ теперь репрезентанту власти отъ Бога?

— Ждутъ и не дождутся ея проявленія,—улыбнулся Богданъ.

— Такъ что, если бы пришлось вамъ опять отправиться на чайкахъ въ походъ, въ настоящій уже грозный походъ, встряхнуть, напримѣръ, самый Цареградъ?—прищурился Оссолинскій.

— Костьми легли-бы за своего батька короля и за вѣру!—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ.

— Да, мы на васъ, храбрецовъ-рыцарей, полагаемся,—закашлялся слегка Оссолинскій,—панъ сотникъ пусть обнадежитъ ихъ смѣло.

— Возвѣщу къ великой радости; только ясный князь знаетъ,—началъ Богданъ вкрадчиво,—что прошлый разъ намъ фортуна измѣнила на морѣ и много козачьихъ душъ поглотилъ Pontus Euxinus... и не было чѣмъ утѣшить нашей туги великой: обѣщаніями одними вѣдь не согрѣешь, многіе стали нетерпѣливы.

— Да, да, это совершенно вѣрно,—бормоталъ канцлеръ.

— У насъ даже, княже, на этотъ счетъ сложилась пословица: „казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле!“

— Хе, хе, хе!—разсмѣялся панъ канцлеръ,—очень остроумно!—Но кожухъ таки будетъ, хотя и короткій пока, а все таки кожухъ.

— Да, еслибы хоть что-либо, если бы дѣти увидѣли хоть малую ласку отъ своего найяснѣйшаго батька.

— Будетъ, будетъ,—ободрилъ канцлеръ и понюхалъ слегка табаку,—я хлопоталъ, настаивалъ даже, и король принимаетъ это къ сердцу; но вѣдь онъ, бѣдный, только отвѣчаетъ, пане, за все, даже государственные расходы покрываетъ изъ своихъ коронныхъ, обрѣзываемыхъ ежегодно владѣній, а распорядиться самостоятельно не можетъ ничѣмъ; надъ нимъ, какъ пану извѣстно, четыре опеки: первая — сенаторы, безъ совѣта которыхъ онъ не властенъ сдѣлать ни шагу, вторая—великіе коронные и литовскіе сановники,—хотя они безъ короля и не уполномочены вчинать что-либо, но за то имѣютъ право отказать ему въ повиновеніи; третья опека—сеймъ, всесильный отмѣнить всѣ распоряженія яснѣйшей воли и, наконецъ, четвертая опека—каждый шляхтичъ, ибо онъ можетъ своимъ безумнымъ, безсмысленнымъ „не позвалямъ“ сорвать всякій сеймъ и уничтожить однимъ крикомъ многотрудную работу для общественнаго блага.

Канцлеръ, вздохнувъ глубоко, обмахнулъ ароматнымъ платкомъ верхнюю бритую губу.

— Да, эти опеки и у насъ за шкурой сидятъ,—сверкнулъ глазами Богданъ,—и когда только Богъ ихъ ослабитъ?

— Будемъ вмѣстѣ молиться,—улыбнулся канцлеръ.—Благоденствіе народа въ Бозѣ, а милости Его нѣтъ предѣла,—поднялъ набожно онъ глаза.—Завтра или послѣ завтра я выхлопочу пану сотнику аудіенцію у короля, и тамъ панъ убѣдится, ято мои хлопоты относительно его собратій не остались втунѣ: Rex Poloniae согласился дать „привилегіи“ на увеличеніе числа рейстровиковъ и ихъ правъ. Только вотъ осталось приложить большую печать,—она у Радзивила.

— Боже, услышь мою молитву за благоденствіе найяснѣйшаго нашего батька!—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Богданъ.—Да исполнятся его дни свѣтлой радости и да сбудутся всѣ его августѣйшія желанія!

— Amen!—подтвердилъ молитву и канцлеръ,—но и твоя панская мосць не забыта, и, быть можетъ, вѣрнаго слугу короля ждетъ булава.

— Куда мнѣ! И думать не смѣю!—смутился, испугался даже Богданъ и почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его сердцу.

— Чего смущаешься, пане? Я примѣромъ могу служить: изъ малыхъ, безсильныхъ я шелъ отважно впередъ, неусыпно трудился, боролся, бился съ врагами и со всякими напастями, а сколько ихъ было, сколько ихъ есть и сколько еще будетъ до гробовой доски!

Но я не изнемогъ, духомъ не палъ и вотъ таки стою у руля, хотя кругомъ и подымаются волны.—Въ словахъ Оссолинскаго звучало искреннее увлеченіе, вызвавшее краску на его блѣдныхъ щекахъ.—Да, смѣлымъ Богъ владѣетъ,—закончилъ онъ увѣренно.

— Въ вашей княжьей мосци,—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ,—избытокъ Божьихъ щедротъ: и мудрость, и сила, и краса добродѣтели! Да развѣ я смѣю дерзать? Если почтена доблесть, вамъ открытъ доступъ въ небо.

— Слишкомъ... слишкомъ...—сконфуженно улыбался отъ похвалъ канцлеръ.

— Да и наконецъ,—продолжалъ Богданъ,—связала бы меня эта великая власть, мнѣ же нужно быть вольнымъ, чтобы лучше послужить своему королю.

— Новое доказательство доблести,—прикоснулся къ колѣну Богдана рукой Оссолинскій,—но во всякомъ случаѣ панъ не будетъ забытъ.

Богданъ только прижалъ руки къ груди.

Наступило молчаніе. Оссолинскій медленно покачивалъ головой, задумчиво, даже грустно уставившись въ какую-то точку, словно всмотрѣться хотѣлъ онъ въ туманную даль или разгадать нѣмую загадку. Хмельницкій пораженъ былъ выраженіемъ этого блѣднаго старческаго лица, хранившаго подъ маской свѣтскаго безразличія много пережитыхъ страданій, и не рѣшался прервать молчанія.

Наконецъ, Оссолинскій потеръ рукою свой выпуклый, словно изъ слоновой кости выточенный лобъ и, какъ бы очнувшись отъ забывчивости, торопливо спросилъ у Хмельницкаго:

— А какъ панъ по „щирости“ думаетъ, на кого больше можно положиться,—на Ильяша или на Барабаша?

— По „щирости“...—замялся Богданъ и послѣ небольшой паузы сказалъ:—думаю, на Барабаша: онъ хоть немного и староватъ и медлителенъ, но простъ душой, не съумѣетъ кривить, а прямо какая у него думка сидитъ, ту и пуститъ въ люди.

— Мнѣ онъ и самому показался такимъ,—кивнулъ головой канцлеръ.

Въ это время изъ-за сосѣдней двери донеслись женскіе голоса, и одинъ изъ нихъ пронизалъ своимъ пѣвучимъ звукомъ сердце Богдана; горячая волна прихлынула къ его горлу и залила краской лицо.

— Я хотѣлъ-бы, ясный княже,—началъ было онъ непослушнымъ голосомъ, но канцлеръ перебилъ ему рѣчь.

— Да, разскажите, разскажите, пане, что вообще творится въ вашихъ благодатныхъ краяхъ?

Съ плохо скрываемою досадой началъ сообщать Богданъ канцлеру о перемѣнѣ политики молодого старосты, руководимаго Чаплинскимъ, объ усиливающейся алчности магнатовъ къ наживѣ, о возростающихъ притѣсненіяхъ народа, о насиліяхъ уніи...

Оссолинскій только грустно качалъ головою и произносилъ со вздохомъ:

— Сами себѣ роютъ могилу!

Когда же Богданъ передалъ канцлеру о циркулирующихъ между магнатами слухахъ про затѣваемую королемъ войну и сопряженное якобы съ ней обузданіе золотой свободы, то Оссолинскій былъ такъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что даже измѣнился въ лицѣ.

— Male, male... отвратительно!—шепталъ онъ поблѣднѣвшими замѣтно губами,—какая неосторожность и какъ худо хранятся у насъ государственныя тайны! У этой шляхты тысяча ушей!... Да и какая клевета, даже гнусная клевета...—понюхалъ онъ какую-то стекляночку и, перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раздражительно, возмущенно:— Кто посягаетъ на свободу? Король желаетъ только ее упорядочить... Наши государственныя учрежденія такъ высоки, что никто не доросъ еще до нихъ въ цѣлой Европѣ.../да, чрезвычайно высоки, ихъ только упорядочить... а воля народа священна... vox populi—vox Dei! И сенатъ, и сеймъ, все это ненарушимо,—торопливо сыпалъ панъ канцлеръ, бросая тревожные взгляды на улыбавшагося Богдана,—а война? Мы хотимъ обезпечить прочно наши южныя и западныя границы, сломить силу разбойничьяго гнѣзда и даже покорить его; безъ этого Польша будетъ вѣчно въ тискахъ. Наконецъ, безъ согласія сейма никто войны не начнетъ. Мы ничего не предпринимаемъ безъ совѣтовъ и указаній. Король глубоко чтитъ всѣ конституціи,—закашлялся онъ сильно и схватился обѣими руками за грудь; на лбу и на вискахъ у него надулись синія жилы.—Эхъ; этотъ Смоленскъ не забудется мнѣ до смерти,—задыхался онъ,—какъ угостили тамъ камнемъ въ грудь, такъ вотъ при малѣйшемъ волненіи и давитъ коломъ. Вмѣстѣ съ паномъ и съ королевичемъ еще тогда Владиславомъ подвизались тамъ... давно было...—вытеръ онъ платкомъ выступившій на лбу потъ и, глубоко вздохнувши, добавилъ.—Теперь при такой болтовнѣ неудобно будетъ просить у Радзивила для вашихъ „привилегій“ большой печати—подыметъ гвалтъ. Ну, что-жъ? Обойдемся и хранящейся у меня малой... Хоть это маленькое нарушеніе... но вѣдь тутъ не ломка закона... а privatus levatio (частное облегченіе).

Отворилась дверь, и „джура“, возвѣстивши о приходѣ его свѣтлости венеційскаго посла, тотчасъ скрылся.

— А! Тьополо!—засуетился и всталъ Оссолинскій.—Я прошу извиненія у пана. Это изъ Венеціи чрезвычайный посолъ... личность значительная и высокая. Завтра мы увидимся и, быть можетъ, завтра же устрою я пану аудіенцію у его королевской мосци. Только помни, пане,—протянулъ онъ съ улыбкою руку,—что я держусь такого незыблемаго правила: согласіемъ возвышаются и малыя дѣла, а несогласіемъ разрушаются и большія.

— Молчаніе—лучшее благо,—пожалъ протянутую руку Богданъ, почтительно склонивши чело.

— Хе, хе, хе!—засмѣялся добродушно канцлеръ, провожая сотника до другой двери.

Затворили дверь, и Богданъ очутился въ полутемномъ корридорчикѣ. Не успѣлъ еще сдѣлать онъ двухъ шаговъ и приноровить свое зрѣніе, какъ послышался вблизи шелестъ и что-то легкое, гибкое, благоухающее бросилось стремительно къ нему на грудь и обвило шею нѣжными, атласными ручками.

Вздрогнулъ Богданъ, словно пронизанный гальваническимъ токомъ, и, не помня себя, прошепталъ одно только слово „Марылька!“

— Тату! Любый, коханый!—обожгла она его поцѣлуемъ и скрылась, какъ сверкнувшій во тьмѣ метеоръ.

Несмотря на раннее утро, въ главномъ королевскомъ дворцѣ кипѣла уже жизнь. Въ аванзалѣ, отдѣланной во вкусѣ „Ренесансъ“, съ сквознымъ свѣтомъ, напоминавшей скорѣе картинную галлерею, стояли уже и прибывали новые нарядные гости, жаждавшіе съ подобострастіемъ пріема. Между группами ихъ можно было видѣть пышные, того времени, итальянскіе костюмы, пестрѣвшіе атласомъ, бархатомъ и шитьемъ, и изящные парижскіе наряды, и роскошно-красивые польскіе, и строгіе шведскіе темныхъ цвѣтовъ, и черныя сутаны и блестящія латы.

Выдѣлялся между всѣми оригинальнымъ длиннымъ покроемъ и богатой парчей, и высокой собольей шапкой нарядъ московскаго посла Алексѣя Григорьевича Львова; важный гость высокомѣрно смотрѣлъ на суетившихся росписныхъ посѣтителей дворца и держался въ сторонѣ.

Въ залѣ стоялъ легкій сдержанный шепотъ; въ немъ слышалась и польская, и латинская, и французская рѣчь, но преобладала итальянская. У дверей въ королевскій кабинетъ стояло два парадныхъ гайдука; по залѣ шныряли и торопливо перебѣгали въ другіе апартаменты королевскіе „джуры“ (пажи).

Раскрылась боковая дверь, и въ нее вошелъ тучный и важный коронный надворный маршалокъ Адамъ Казановскій, одинъ изъ высшихъ сановниковъ и фаворитовъ короля. Маршалка особенно старила

полусѣдая клочковатая борода и почти бѣлые волосы, не подбритые, а зачесанные космами назадъ; только бѣгающіе глаза изобличали въ немъ еще жизненную силу и юркость. Его мосць вошелъ шумно, въ накинутой на плечи бархатной мантіи, отороченной соболями, съ такимъ же воротникомъ, и окинулъ собравшихся презрительнымъ взглядомъ. Всѣ мертво притихли и занѣмѣли въ почтительно наклоненныхъ позахъ.

Сдѣлавши общій, едва замѣтный поклонъ, Казановскій величественно направился къ дверямъ кабинета, стуча своимъ маршальскимъ жезломъ; но, замѣтивъ въ сторонѣ московскаго посла, сразу измѣнилъ надменное выраженіе своего лица на необычайно привѣтливое, и, подошедши къ нему, протянулъ ласково руку:

— Какая пріятная неожиданность,—заговорилъ онъ заискивающимъ тономъ,—ясновельможные бояре его царскаго величества самые желательные и самые почетные гости у насъ.

— Спасибо на словѣ, ясный панъ,—отвѣтилъ просто и искренно Львовъ, поглаживая рукой свою русую бороду,—милости просимъ и къ намъ: Москва для враговъ страховата, а для друзей таровата.

— Радъ, радъ,—улыбнулся какъ-то двусмысленно Казановскій,—съ добрыми, надѣюсь, вѣстями?

— Да какъ пану сказать? Всякія есть .. и добрыя, и худыя,—подозрительно оглянулся Львовъ на посѣтителей, съ любопытствомъ останавливавшихъ на немъ взоры.

— О?—изумился сконфуженно Казановскій,—это прискорбно: всякая непріятность для его царскаго величества причиняетъ еще большее огорченіе нашему найяснѣйшему королю. Вѣдь онъ питаетъ братскую привязанность къ пресвѣтлому московскому государю... А какъ, кстати, его здоровье?

— Нашъ пресвѣтлый царь и великій князь всея Руси зѣло немощенъ,—вздохнулъ глубоко Львовъ,—и дни царевы и сердце его въ рукѣ Божіей, но недугъ еще отягчается кручиной, что дружелюбная держава, съ которой закрѣпленъ прочный миръ, воспитываетъ и таитъ для крамолъ въ своихъ нѣдрахъ...—здѣсь Львовъ понизилъ голосъ и началъ шепотомъ вести бесѣду съ паномъ маршалкомъ; послѣдній, встревоженный передаваемымъ извѣстіемъ, видимо старался и жестами, и тономъ успокоить возмущеннаго московскаго посла.

Изъ внутреннихъ покоевъ выбѣжалъ съ визгомъ королевскій „дурнык“; на немъ былъ надѣтъ особенный шутовской костюмъ представлявшій смѣсь изъ облаченій католическихъ, протестантскихъ, уніятскихъ и греческихъ, а на головѣ надѣта была іезуитская шапочка съ прикрѣпленною къ ней болтавшеюся змѣей; въ одной

рукѣ онъ держалъ ножъ, а въ другой факелъ, и, звеня бубенчиками, кричалъ: „Угода, угода! Тарновское примиреніе!“ Всѣ улыбались, отворачиваясь изъ вѣжливости въ сторону. А „дурнык“, расхохотавшись и показавши языкъ, крикнулъ всѣмъ: „Ждите, ждите и вамъ будетъ такая угода!“—да и направился, прихрамывая, въ припрыжку, къ кабинету...

Казановскій, поклонившись почтительно Львову, поспѣшилъ къ шуту и остановилъ его у дверей въ кабинетъ.

— Ты уже слишкомъ, вацпане,—смотри, чтобы не досталось... вѣдь король въ „жалобѣ“ (въ траурѣ).

— Мы уже не въ „жалобѣ“, пане маршалку,—скривился шутъ,—мы уже выгнали ее изъ сердца... ха... ха... ха! Зачѣмъ тамъ долго трупу стоять? Мы уже думаемъ... э-го-го!

— Но ты ужъ черезчуръ, пане дурню.

— Не мы черезчуръ, пане маршалку, мы ничего не можемъ,—сгорбился онъ,—мы боимся... И кусались бы, да зубовъ нѣтъ, а вотъ кругомъ такъ зубатые звѣри, а надъ ними еще позубастѣе. Займите, пане маршалку, подскарбію хоть два злота, а онъ намъ займетъ,—протянулъ шутъ руку.

— Досыть! Довольно!—грозно произнесъ Казановскій, взбѣшенный оскорбительною выходкой шута.—Или и тебя вздую!.. Что, его королевская мосць почиваетъ?

— Потягивается и трет себѣ руками наияснѣйшій животъ,—опустилъ шутъ глаза.—Мы вчера катались въ Виляново, пробовали каплуновъ, а потомъ охотились немного и пробовали копченыя „полендвицы“, а потомъ слушали итальянскихъ пѣвицъ и пробовали винцо Лакрима Кристи, ну, такъ вотъ какъ будто и вздулись.

— Эхъ, не бережется онъ!—вздохнулъ Казановскій.

— Да, нужно всѣмъ беречься,—подчеркнулъ шутъ, пристально глянувши въ глаза пану маршалку.—Ой, „угода, угода!“

— Не дури, дурню,—замѣтилъ сурово маршалокъ,—а ступай сейчасъ къ его королевской милости и доложи, что много народу ждетъ аудіенціи и что прибыли чрезвычайные послы изъ сосѣднихъ державъ.

„Дурнык“, крикнувши еще разъ: „угода, угода!“, скрылся за небольшою, спрятанною за портьерами дверью.

Казановскій проводилъ его злобнымъ взглядомъ и сталъ перебирать бумаги, лежавшія въ большомъ безпорядкѣ на кругломъ, роскошно инкрустированномъ столѣ.

Кабинетъ короля бросался въ глаза кичливою роскошью и богатствомъ; онъ былъ убранъ и обставленъ страшно пестро; все въ немъ было полно непримиримыхъ противорѣчій и не выдерживало

никакого стиля. На плафонѣ, въ рамѣ изъ лѣпныхъ, кружевныхъ арабесковъ, изображены были кистью итальянскихъ художниковъ купающіяся и рѣзвящіяся съ сатирами нимфы и тамъ же изъ медальоновъ въ углахъ смотрѣли угрюмые католическіе святые на шаловливыхъ красотокъ. Стѣны кабинета были покрыты изящнѣйшими гобеленами, составлявшими тогда невиданную рѣдкость, а между этими тончайшими произведеніями искусства грубо и рѣзко возвышались цѣлыя арматуры изъ всевозможнѣйшаго оружія. Съ высокихъ разноцвѣтныхъ оконъ и дубовыхъ дверей спадали мягкими широкими складками бархатныя портьеры, и эти же роскошныя ткани поддерживались простыми стальными подковами и стременами. Въ углахъ и простѣнкахъ, между мраморными и бронзовыми статуями соблазнительно-прекрасныхъ богинь, торчали неуклюжія чучела медвѣдей и вепрей, трофеи его королевской мощи. Среди массы золоченой и инкрустированной мебели, покрытой штофомъ и тисненымъ сафьяномъ, непріятно рѣзали глазъ грубые табуреты изъ спаянныхъ ядеръ.

Межъ серебряныхъ и золотыхъ канделябръ и консолей нѣжной работы грубо возвышались треножники изъ „стрѣльбъ“ и пищалей, на которыхъ водружены были уродливыя свѣтильни. На столахъ между группами многоцѣнныхъ золотыхъ сосудовъ, фарфоровыхъ фигуръ и изящныхъ бездѣлицъ валялись клыки, отдѣланныя копыта, турьи рога. Въ довершеніе всего, посреди кабинета стояла какая то новоизобрѣтенная небольшая пушка, а у нея ютились различные музыкальные инструменты: цитры, торбаны, флейты. Вообще въ этомъ королевскомъ покоѣ не видно было ни комфорта, ни красоты, а сквозила во всемъ и расточительность куртизанки, и суровость солдата.

Два „джуры“ распахнули дверь и въ нее вошелъ Rex-Poloniae, Владиславъ IV. Королю было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему можно было дать еще больше. Лицо его, чрезвычайно пріятное и симпатичное въ молодости, теперь выглядѣло обрюзглымъ, желтосѣрымъ и пестрѣло морщинами; длинные, полусѣдые волосы, подстриженные спереди, закинуты были назадъ и безпорядочными прядями спадали на плечи и спину; бородка, по шведской модѣ, была подстрижена треугольничкомъ, а усы зачесаны вверхъ. Отяжелѣвшая фигура, при среднемъ ростѣ, казалась мѣшковатой и толстой. Въ подагрической походкѣ и въ движеніяхъ короля замѣчалась болѣзненная вялость, а заполученная имъ въ послѣдніе годы одышка заставляла его часто вздыхать. Одни лишь темные и живые глаза его, обрамленные темными рѣсницами и бровями, горѣли еще и до сихъ поръ огнемъ и изобличали неумершую энергію; но выраженіе ихъ было большею частью грустнымъ; при возбужденіи или какой-либо радости лицо короля сразу преображалось, щеки покры-

вались румянцемъ, глаза загорались, въ движеніяхъ появлялась бодрость и живость; но это поднятіе силъ погасало такъ же скоро, какъ и вспыхивало. Одѣтъ былъ король, по случаю траура, въ черный кунтушъ съ серебряными аграфами и подпоясанъ черным же шелковымъ поясомъ съ бѣлою бахромой.

Не успѣлъ войти король, какъ изъ-за него выскочилъ „дурнык“ и, гремя бубенцами, началъ кружиться по кабинету и кричать:—помахивая факеломъ и ножомъ „угода, угода—вотъ что для народа!“

— Тише, дурню!—топнулъ ногою король, притворно сердясь,—ты мнѣ еще все перепортишь, переломаешь!

— Не бойся, Владю, друзья вотъ эти,—замахалъ онъ іезуитской шапочкой,—все тебѣ здѣсь поправятъ, все склеятъ.

— Да ты, ясный круль, хлыстомъ потяни этого дурня,—замѣтилъ маршалокъ,—чтобы языкъ привязалъ, а то онъ уже черезчуръ... или мнѣ дозволь попотчивать его этимъ жезликомъ.

— Стоило бы,—улыбнулся король,—да подкупилъ онъ меня своею шапочкой, а особенно ея „кетягомъ“: эмблема то вышла вѣрна... Ну, однако, гайда съ покоя!—ударилъ онъ слегка ногой „дурныка“, и тотъ, завизжавъ по собачьи, выползъ на карачкахъ изъ кабинета.

— Ну, что тамъ, пане Адаме?—протянулъ король теперь небрежно руку маршалку.—Если твои себесѣдники интересны, то я готовъ имъ удѣлить часть своего времени, а если скучны, то избавь: я сегодня чувствую себя скверно, male...

— Твоя королевская мосць,—замѣтилъ нѣсколько фамильярнымъ тономъ Адамъ,—не совсѣмъ внимателенъ къ своей священной особѣ; что печалитъ до слезъ твоихъ „щирыхъ“ друзей... Что же касается просящихъ аудіенціи, то есть между ними важные послы, напримѣръ, отъ герцога Мазарини...

— Отъ герцога... ахъ, догадываюсь,—прервалъ его съ усталой улыбкой король,—онъ предлагаетъ мнѣ то, что рекомендовалъ еще Ришелье...

— О, было бы великолѣпно, мой ясный крулю!... Марія де-Неверъ обладаетъ и красотой, и добродѣтелями, и огромными богатствами.

— Послѣднее самое важное...—вздохнулъ король,—и для меня, и для тебя, пане...

— Да, мое счастье, король, связано съ твоимъ, вѣрно,—отвѣтилъ приподнятымъ тономъ маршалокъ,—при твоей ласкѣ я не буду убогимъ, а безъ нея я не хочу быть богатымъ.

— Спасибо, другъ,—протянулъ ему руку король,—но безъ „пенензовъ“ это самое счастье и невозможно... Я вотъ,—заговорилъ онъ вдругъ по латыни, такъ какъ языкомъ этимъ владѣлъ лучше польскаго,—прошу денегъ и у тебя и у подскарбія и слышу одинъ и тотъ же отвѣтъ: „черезчуръ поистратились на похороны“... Но вѣдь я же король? Не могу же я стать ниже Радзивиловъ, Сапѣгъ, Вишневецкихъ? На меня смотритъ весь свѣтъ... да и любилъ я мою бѣдную Цецилію, подарившую мнѣ Сигизмунда...—прервалъ онъ рѣчь нѣсколькими тяжелыми вздохами,—да! А вотъ черезъ то, говорятъ, денегъ нѣтъ... А они нужны, Боже, какъ нужны!—опустился онъ тяжело въ кресло,—и на мои предпріятія, и на.. вооруженіе... и на... Нужно же хоть какъ-нибудь развлечься, а то кисну и подпускаю къ себѣ неотвязнаго врага своего—болѣзнь... Меня только и поддерживаетъ кипучая дѣятельность. Вотъ бы устроить турниръ.. Пригласить рыцарей, дамъ... Торжественныя шествія, состязанія, награды, пиры!—оживился онъ и даже вспыхнулъ слабымъ румянцемъ.—Да, хорошо бы... А знаешь,—всталъ онъ живо и положилъ маршалку на плечо руку,—какого я вчера слушалъ итальянскаго соловья, какіе глаза-а!... Нѣтъ, видно, въ силу государственныхъ соображеній, придется мнѣ принять невѣсту Мазарини...

— Да благословитъ твою королевскую мосць Всевышній, а намъ ниспошлетъ радость!... Унынie воистину грызетъ душу и тѣло... да и печалиться объ усопшихъ... значитъ роптать на волю Господню...

— Да, это грѣхъ...—произнесъ раздумчиво Владиславъ, — а кто тамъ еще?

— Чрезвычайный посолъ отъ его царскаго величества московскаго государя.

— А что? Можетъ, умеръ уже?—оживился король.

— На одрѣ смерти...

— Ахъ, этотъ московскій престолъ!—потеръ себѣ досадливо лобъ Владиславъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.—Цѣлую жизнь манилъ меня и до сихъ поръ жжетъ... хоть и отказались мы отъ него по Поляновскому миру, но сердце мое отказаться не можетъ! Эхъ, если бы не отецъ! Я былъ бы царемъ, достойнымъ Москвы: меня бы тамъ полюбили... Я бы не навезъ туда противныхъ іезуитовъ, какъ этотъ путанникъ Димитрій; фанатиковъ я самъ терпѣть не могу и чту толеранцію да свободу совѣсти... А какой тамъ славный, преданный царю своему народъ! Ахъ, что бы я съ тамошними войсками, да съ козаками надѣлалъ! Езусъ-Марія! Да я бы разгромилъ эту татарву, слилъ бы съ Москвой Рѣчь-Пос-

политую, уничтожилъ бы произволы, безправья, насадилъ бы вездѣ законную, разумную свободу, науки, художества, а потомъ съ этакою мощною державой покорилъ бы весь свѣтъ... не для того, какъ Александръ Македонскій, не для ярма, не для рабства, а для широкаго блага!

Рѣчь короля звучала теперь бодро и страстно, глаза сверкали огнемъ; облокотившись одною рукой на пушку, простерши другую впередъ, онъ былъ похожъ въ этотъ мигъ на какого то мощнаго генія, несущаго миру новую счастливую вѣсть.

— О, мой найяснѣйшій витязь, непобѣдимый герой,—произнесъ увлеченный Адамъ,—сколько доблестей въ твоей великой душѣ! Но развѣ окружающіе тебя вороны и коршуны могутъ подняться до высокаго полета орла?

— Да, они меня не могутъ и не желаютъ понять,—печально склонилъ король голову,—они знаютъ только самихъ себя и о своихъ животахъ лишь пекутся. Что имъ грядущее, что имъ отчизна? Бился я сколько лѣтъ, чтобы поднять ее, и чужіе знали мой мечъ, но свои опекуны и совѣтчики обрѣзывали постоянно мнѣ крылья, и вотъ такъ прошла жизнь. Одну корону отклонилъ отъ меня мой отецъ, отъ другой наслѣдственной шведской я самъ отказался, третья, теперешняя, оказалась шутовскимъ колпакомъ, а сынъ мой, очевидно, останется уже съ непокрытой головой.

— Не отчаивайся, король,—возразилъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ маршалокъ,—у Бога все готово, лишь бы тебѣ только побольше здоровья и силъ, а истинныхъ друзей, хотя пока и немного, но они вѣрны. Пороху бы только да „пенензовъ“. А когда вооружишься, то и о престолахъ можно будетъ размыслить. Въ Москвѣ царь умираетъ, подготовляется новая смута, такъ тебѣ нужно быть на готовѣ.

— Это превосходно, отлично,— снова заходилъ быстро король по кабинету, потирая руки,—да, нужно спѣшить, жизнь уходитъ, нельзя терять ни минуты,—говорилъ онъ словно самъ себѣ,—нужно рѣшиться на бракъ, совершить его поскорѣе. Кинуть всѣ колебанія и броситься въ борьбу со слѣпою фортуной... Кто тамъ еще ждетъ?—остановился онъ быстро передъ Казановскимъ, дыша порывисто и не замѣчая своей одышки.

— Тамъ еще дожидается Бопланъ инженеръ, какой то изобрѣтатель новаго ружья, профессоръ иностраннаго университета, два итальянца художника и венеційскій пѣвецъ...

— Все это милые и дорогіе мнѣ гости,—пощипывалъ себя за бородку король,—но, попроси ихъ лучше навѣстить меня вечеромъ... пригласи на „келехъ“ мальвазіи... а сейчасъ я займусь серьезными государственными дѣлами... Можетъ, еще кто ждетъ?

— Вѣроятно, канцлеръ приведетъ еще своихъ посѣтителей, но онъ отъ меня вѣдь скрываетъ.

— Не сердись, друже,—высшіе интересы требуютъ тайны, а тайна между тремя уже не тайна.

Въ это время отворилась изъ аванзалы дверь и въ кабинетъ вошелъ безъ доклада великій коронный канцлеръ, князь Оссолинскій. Панъ маршалокъ поздоровался съ нимъ вѣжливо но сухо и, поклонившись почтительно королю, поспѣшно вышелъ другою дверью во внутренніе покои.

— Ну, съ какими вѣстями?—протянулъ Оссолинскому обѣ руки король,—съ добрыми вѣдь, съ добрыми? Я сегодня особенно бодро настроенъ, я жду только хорошаго.

— Намъ только и нужно бодрости да здоровья твоей королевской милости, а при нихъ все остальное у яснѣйшихъ стопъ,—поклонился изысканно канцлеръ и, оглянувшись по привычкѣ кругомъ, сообщилъ пониженнымъ голосомъ:—Прибыли изъ Украйны отъ козачества вызванные мною сотникъ Хмельницкій и эсаулъ Барабашъ; ихъ нужно бы сегодня принять.

— Весьма, весьма радъ .. Этотъ Хмельницкій—умная голова и отличный воинъ,—оживился король,—но не знаю, какъ это сдѣлать. Тутъ ждутъ другіе аудіенціи—послы иностранныхъ дворовъ московскаго, французскаго.

— Еще прибылъ съ чрезвычайными полномочіями и посолъ изъ Венеціи Тьеполо... привезъ отраднѣйшія постановленія совѣта десяти.

— Нѣтъ, что ни говори,—воскликнулъ король,—а ты у меня наилучшій другъ, наипріятнѣйшій!... Я просто помолодѣлъ отъ твоихъ сообщеній!—и король въ порывѣ радости обнялъ неожиданно Оссолинскаго.

— Далъ бы только милосердый Богъ,—поцѣловалъ въ плечо короля тронутый ласкою канцлеръ,—сжалился бы надъ нашею несчастною отчизной... О, смирились бы всѣ твои враги, а народъ... не шляхта, что одна присвоивала себѣ имя народа, а всѣ козаки и все поспольство, благословляли бы имя отца своего Владислава... И не въ однихъ костелахъ бы молились за продленіе твоихъ дней, а и въ церквахъ, и въ киркахъ, и въ хатахъ при свѣтѣ лучины... Но пока еще предстоитъ борьба съ врагами порядка и закона, съ врагами величія нашей злосчастной державы, съ врагами народнаго счастья... и они, враги эти, безъ борьбы не уступятъ ни своего золотого разгула, ни своей хищнической неправды... Но если только ты, король, колебаться не будешь и поддержишь своею бодростью и отвагой твоихъ непреложныхъ друзей, то все кичливое, безличное

упадетъ передъ твоимъ свѣточемъ правды. За праваго и за смѣлаго Богъ!

— Клянусь,—сказалъ торжественно король,—лишь бы мои друзья меня поддержали...

— Жизнь наша за короля и за благо отчизны!—воскликнулъ съ достоинствомъ канцлеръ.

— Вѣрю!—приложилъ руку къ сердцу король и прибавилъ:— Однако, пора начать пріемъ... Присылай перваго московскаго посла Львова.

Оссолинскій вышелъ и черезъ минуту ввелъ въ кабинетъ Львова.

— Всемилостивѣйшій мой государь, царь и великій князь всея Руси и самодержецъ,—поклонился въ поясъ Львовъ,—желаетъ твоему королевскому величеству здравія и преуспѣянія въ державныхъ заботахъ.

Львовъ говорилъ по-русски, такъ какъ Владиславъ IV, еще въ молодости, готовясь быть московскимъ царемъ, изучалъ русскую рѣчь.

— Благодарю отъ души вѣнценоснаго брата по трону за его вниманіе,—отвѣтилъ, тѣмъ не менѣе, по-польски король.—Пусть панъ посолъ передастъ его царской милости, великому московскому государю, что мы молимъ Всевышняго о ниспосланіи ему исцѣленія отъ недуговъ и дарованіи всякихъ благъ, что мы будемъ счастливы, если сможемъ чѣмъ доказать наши дружественныя чувства къ царственному сосѣду.

— Пресвѣтлый мой царь-осударь съ своей стороны питаетъ къ тебѣ, наияснѣйшій король, въ душѣ своей чувства великаго довѣрія и пріязни, и проситъ тебя, осударь, изловить нѣкоего предерзостнаго шляхтенка, именующаго себя якобы сыномъ Димитрія, бывшаго вора и похитителя трона Гришки Отрепьева, каковой воренокъ и подписуется царскимъ именемъ.

И Львовъ разсказалъ подробно, какъ кіевскій попъ досталъ такое крамольное письмо, переслалъ его въ Москву и какъ оно тамъ произвело смуту и соблазнъ, а въ концѣ посолъ билъ челомъ отъ имени московскаго царя, чтобы выдалъ король его царскому величеству этого подлаго воренка для розыска надъ нимъ и для торжественной казни.

— Я позволю себѣ замѣтить,—отозвался канцлеръ,—что это событіе, casus fatalis, или, лучше сказать, шутка, совершенно невѣрно истолкована его царской милости: такой шляхтичъ дѣйствительно существуетъ изъ фамиліи Лубовъ и живетъ на Подлясьи, но совершенно невиненъ—никакихъ мечтаній не имѣлъ и не имѣетъ, просто совершенный дуракъ.

— Но, однако же, письмо и титулованье?—прервалъ его недоумѣвающій и возмущенный король.

— Это вотъ что,—продолжалъ канцлеръ,—еще при войнахъ съ Московіею покойнаго приснопамятнаго родителя твоей королевской милости, Жигимонта, великій литовскій канцлеръ Сапѣга, для устрашенія воюющей стороны, придумалъ назвать одного молоденькаго хлопчика, вотъ этого Луба, сыномъ умерщвленнаго Дмитрія, что на часъ въ Москвѣ былъ царемъ, да не только назвалъ, а и приказалъ хлопчику, глупенышу еще, подписываться царемъ... Такъ вотъ, вѣроятно, это одно изъ тѣхъ дѣтскихъ писемъ; хлопецъ же знаетъ только свой огородъ и понятія не имѣетъ о царствахъ. Такъ грѣхъ же, не годится своего невиннаго гражданина отдать на мученія.

— Я вполнѣ убѣжденъ,—заключилъ послѣ нѣкоторой паузы король,—что и царственный братъ мой, узнавши объ этой пустой, хотя, быть можетъ, и грубой шуткѣ сошедшихъ уже съ сего міра лицъ,—не будетъ настаивать на казни невинной жертвы... Но для разсѣянія сомнѣній и успокоенія его царскаго величества я могу согласиться на слѣдующее: отправить съ моими послами въ Москву этого шляхтича, какъ неприкосновенное лицо,—пусть онъ тамъ принесетъ свои оправданія.

Король наклонилъ слегка голову, и посолъ съ низкимъ поклономъ удалился; Оссолинскій проводилъ его до дверей, пригласивъ къ себѣ для дальнѣйшихъ распоряженій и разъясненій.

Вслѣдъ за Львовымъ представился королю посолъ кардинала Мазарини. Въ изящной, нѣсколько напыщенной рѣчи, привѣтствовалъ онъ на французскомъ языкѣ короля отъ имени его эминенціи, передалъ всякія благопожеланія и дружескій совѣтъ не питать скорбь свою долгимъ трауромъ, а вступить во второй бракъ; что Маріяде-Неверъ, исполненная всякихъ тѣлесныхъ и душевныхъ красотъ, уже десять лѣтъ мечтаетъ быть подругой перваго рыцаря и коронованнаго героя; что этотъ бракъ, принося королю много матеріальныхъ выгодъ, скрѣпилъ бы союзъ двухъ державъ, а дружба Франціи будетъ искреннѣе и полезнѣе дружбы алчныхъ сосѣдей, такъ какъ она будетъ безкорыстной.

Плохо владѣя французскимъ языкомъ, король ему отвѣчалъ по латыни:

— Я тронутъ до глубины души благосклоннымъ вниманіемъ ко мнѣ его яснопревелейшей мосци и благодарю за добрыя пожеланія и совѣты. Извѣстіе, переданное мнѣ яснымъ паномъ, что ея свѣтлость готова меня надѣлить новымъ счастьемъ и уврачевать мои сердечныя раны, до того восторгаетъ меня, что я готовъ молиться за нее, какъ за ниспосланную мнѣ Богомъ отраду. Съ неописанною радостью я

принимаю совѣтъ его эминенціи, а осуществленіе его почту за великое счастіе... Передай, ваша мосць, ясновелебнѣйшему кардиналу, что я немедленно шлю въ Парижъ почетнѣйшее посольство, которое засвидѣтельствуетъ ея свѣтлости, что она уже владѣетъ моимъ сердцемъ вполнѣ и что я жду ее съ трепетомъ нетерпѣнія въ предѣлы моей державы, чтобы торжественно назвать своею супругой и королевой... А шановному вѣстнику такого счастливѣйшаго для меня извѣстія я предложу на добрую обо мнѣ память вотъ это...— и король, снявши съ пальца драгоцѣнный перстень съ огромнымъ рубиномъ, вручилъ его изумленному отъ неожиданности послу.

Французъ принялъ его, поцѣловалъ край королевской одежды и разсыпался въ нескончаемыхъ благодарностяхъ.

— Я ошеломленъ отъ восторга и радости,—произнесъ, наконецъ, Оссолинскій, не ожидавшій такого скораго и благодѣтельнаго рѣшенія со стороны короля.—Нѣтъ, небо за насъ, коли оно внѣдряетъ въ твое сердце, король, такія счастливыя для всѣхъ и благія чувства... Приношу искреннѣйшее поздравленіе его королевской милости съ ожидаемымъ счастьемъ и предсказываю, что это счастье будетъ счастьемъ его народа.

— Дай Богъ!—пожалъ ему руку король и отпустилъ милостиво посла.

Въ это время вошелъ „джура“ и возвѣстилъ, что въ аванзалу пришолъ венеційскій посолъ.

— Проси!—весело крикнулъ король, а Оссолинскій бросился къ двери, ему навстрѣчу.

Въ кабинетъ вошелъ красивый и изящно одѣтый итальянецъ. Черные вьющіеся волосы и такая же бородка рельефно оттѣняли бѣлизну его лица, а черные, большіе глаза, что маслины, то щурились хитро, то вспыхивали огнемъ. На венеціанцѣ надѣтъ былъ бархатный черный камзолъ съ серебряными аграфами, изъ прорѣзныхъ рукавовъ котораго проглядывали фіолетовыя атласныя полосы; на открытой груди и на шеѣ снѣгомъ сверкали роскошныя, тончайшія кружева; черныя бархатныя шаровары покрывали ноги лишь до колѣнъ, а отъ колѣнъ шли шелковые пунцовые чулки; ноги были обуты въ пунцовые же элегантные башмаки; у лѣваго бока висѣла шпага, а на плечи накинута была мантія фіолетоваго цвѣта съ серебромъ.

— Добро пожаловать,—привѣтствовалъ его король по-итальянски,—сыны царицы морей намъ особенно дороги.

— Несчастная царица, осажденная дикими варварами, протягиваетъ къ тебѣ, наияснѣйшій король, свои руки и уповаетъ, что

благороднѣйшій витязь подниметъ непобѣдимый свой мечъ на защиту сестры своей, на защиту святого креста, на погибель ислама!

— Пока бьется въ груди этой сердце,—отвѣтилъ торжественно король,—пока рука владѣетъ мечемъ, я весь отдаю себя угнетеннымъ. Но для исполненія желанія нужно имѣть возможность, а возможность не всегда зависитъ отъ насъ.

— Для облегченія этой возможности,—опустилъ глаза Тьеполо,—я привезъ рѣшеніе совѣта десяти—отпустить вашей королевской милости на военныя издержки шестьсотъ тысячъ флориновъ.

— Это дѣйствительно развязываетъ намъ руки, свѣтлый пане,—поторопился замѣтить канцлеръ.

— Да,—добавилъ король,—и чѣмъ поспѣшнѣе осуществится это благое рѣшеніе, тѣмъ скорѣе и мы можемъ начать дѣйствовать.

— Я привезъ вашему королевскому маестату часть этой суммы съ собою,—посмотрѣлъ пристально въ глаза королю Тьеполо,—и если морская диверсія, о которой мы говорили, отвлечетъ турокъ отъ Кандіи, то немедленно будетъ выплачена и остальная сумма...

— Все эта такъ,—замялся король,—но набѣгъ козаковъ можетъ вызвать немедленное нападеніе на наши границы татаръ, а потому намъ крайне необходимо быть во всеоружіи.

— Можно и это уладить,—улыбнулся лукаво посолъ,—республика желаетъ быть только увѣренной, что войска готовятся для войны съ невѣрными, а не съ какой-либо другою державой.

— Полагаю, что для этой увѣренности достаточно одного моего слова!—гордо отвѣтилъ король.

— Совершенно достаточно,—нагнулъ голову посолъ,—святѣйшій папа шлетъ свое архипастырское благословеніе и разрѣшаетъ силою, данною ему свыше, всѣ прегрѣшенія тому, кто подъемлетъ брань на враговъ Христовыхъ. Его эминенція нунція вручитъ вашему маестату папскую буллу.

— Съ смиреніемъ лобзаю стопы его святѣйшества,—сложилъ набожно руки король и наклонилъ голову.

— А и время теперь самое удобное,—продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ Тьеполо,—силы турокъ разбросаны. Одинъ отважный ударъ и поднятые рога мѣсяца будутъ сбиты; передъ мечемъ короля-героя и мощныя силы склонялись, а орда будетъ разметана, какъ листья въ бурную осень, и Крымъ со всѣми своими богатствами и роскошами ляжетъ у ногъ побѣдителя... Тогда то исполнится вѣковѣчное стремленіе Рѣчи Посполитой, развернуться отъ моря до моря, тогда то она только и станетъ несокрушимою державой.

— И развернемся,—вскрикнулъ восторженно Владиславъ,—если только Господь не отвратитъ десницы Своей... Завтра,—доба-

вилъ онъ послѣ небольшой паузы,—мы обо всемъ переговоримъ подробнѣе... Я жду свѣтлаго пана къ себѣ на обѣдъ и на „келехъ“ нашего добраго стараго меда...

По уходѣ Тьеполо, король опустился отъ усталости въ кресло и, закрывъ рукою глаза, долго дышалъ тяжело: возбужденное состояніе уступило теперь мѣсто болѣзненной истомѣ.

Оссолинскій смотрѣлъ на него съ тревогой и съ глубокимъ сочувствіемъ; глаза канцлера, блестѣвшіе сейчасъ радостью и надеждой, отуманились вдругъ печалью:

„Эхъ, горе,—думалось ему,—куда твои силы ушли, мой одинокій въ своихъ благородныхъ порывахъ король? Подсѣкла ихъ непосильная борьба съ себялюбивымъ звѣрьемъ, подгрызли разочарованія и обиды! И вотъ теперь, когда колесо фортуны повернулось къ намъ благосклонно, когда именно нужна твоя мощь и энергія, тебя валитъ съ ногъ даже радость!“

— Усталъ я,—вздохнулъ глубоко король, словно отвѣчая Оссолинскому на его мысли,—всякое волненіе, даже отрадное, отнимаетъ у меня силы...

— Побереги ихъ, ясный король,—произнесъ тронутымъ голосомъ канцлеръ,—въ нихъ все упованіе, все спасеніе горячо любимой тобою страны... Я знаю искусныхъ докторовъ...

— Эхъ, что въ нихъ! „Що докторовѣ, якъ смерць на гловѣ“?... Но я поберегусь, да и вся эта суета, и предстоящая кипучая дѣятельность поднимутъ мои жизненныя силы... Но на сегодня, полагаю, довольно... Дай Богъ, чтобы такіе счастливые дни повторялись почаще!

— Еще нужно принять однихъ...—началъ несмѣло канцлеръ.

Король поморщился.

— Пріѣхала вѣдь казачья старшина...—таинственно продолжалъ канцлеръ.—Барабашъ и Хмельницкій, о которыхъ я докладывалъ твоей королевской мосци... Дѣло минуты: обогрѣть ихъ ласковымъ словомъ, вручить клейноды... А о дѣлахъ уже я буду говорить съ ними отдѣльно.

—А!—всталъ король и потеръ рукою крестецъ,—зови ихъ; я этихъ удальцовъ люблю, а особенно стараго знакомаго сотника.

— Вотъ подписанныя твоей властной рукой „привилеи“,—подалъ Оссолинскій свертокъ,—я приложилъ къ нимъ малую печать, не желая возбуждать у Радзивиловъ подозрѣній.

Король засмѣялся беззвучно и уныло покачалъ головой.

Въ боковую дверь вошли Барабашъ съ Хмельницкимъ и молча наклонили свои головы.

— Я радъ васъ видѣть, друзья мои,—подошелъ къ нимъ съ привѣтливою улыбкой король,—къ вашей доблести, преданности и

чести и питаю большое довѣріе и убѣжденъ, что вы его оправдаете. Въ доказательство-же нашего монаршаго благоволенія мы возводимъ тебя, Барабашъ, въ полковничье достоинство,—подалъ ему онъ перначъ, а—тебя, Хмельницкій, жалуемъ вновь прежнею должностью,—вручилъ онъ ему привѣсную къ груди чернильницу.

— Да хранитъ Богъ нашего найяснѣйшаго короля, нашего „коханаго“ батька!—восторженно воскликнулъ Богданъ, такъ какъ Барабашъ, смущенный неожиданною радостью, что-то невнятно мямлилъ,—и да пошлетъ намъ быть достойными его державной ласки...

— Не сомнѣваюсь,—оживился снова король,—вѣрю, храбрый мой рыцарь! Помнишь-ли, подъ Смоленскомъ вмѣстѣ мы бились... прорѣзались, загорѣвшись отвагой, впереди всѣхъ и очутились въ самомъ пеклѣ... Перуны гремѣли кругомъ... Смерть бушевала... А ты съ улыбкой рубился и защищалъ меня своею грудью.. Эхъ, славное было время! Помнишь-ли?

— Я бы вышибъ изъ этого черепка мозгъ,—дотронулся до своей головы энергично Хмельницкій,—если бы онъ забылъ эти счастливѣйшіе для меня дни! Да вотъ еще свидѣтель—эта драгоцѣннѣйшая для меня сабля, эта святыня, дарованная мнѣ вашею королевскою милостью, и Богданъ обнажилъ саблю и поцѣловалъ ея клинокъ.

— Ахъ, да да! Помню,—волновался воспоминаніями король,—можетъ быть, еще приведетъ Богъ... Передайте и козакамъ мой привѣтъ, и эти „привилеи“,—вручилъ онъ Барабашу пергаментъ.—Его мосць канцлеръ сообщитъ вамъ инструкціи... Я надѣюсь, что найду въ моихъ удальцахъ избытокъ отваги и преданности, и когда я кликну имъ кличъ, то они слетятся орлами.

— Умремъ за короля!—крикнулъ Барабашъ.

— Рабами, псами вѣрными будемъ!—добавилъ Богданъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Наша жизнь и жизнь нашихъ женъ и дѣтей и все наше добро у ногъ твоего величія! Слово скажи, и трупомъ всѣ ляжемъ... и нѣтъ высшей радости, какъ умереть за такого, Богомъ намъ даннаго, батька!

— Спасибо, товарищъ!—протянулъ король руку, и въ глазахъ его остановилась слеза.

Богданъ наклонился къ протянутой рукѣ и поцѣловалъ ее, какъ святыню.

Изъ подъ тонкихъ пальцевъ Марыльки медленно выплывали по зеленому бархату золотые цвѣты. Иногда она склонялась задумчиво надъ пяльцами, иногда устремляла пристальный взоръ въ глубину комнаты, и тогда иголка съ золотою ниткой застывала неподвижно въ ея бѣлой и тонкой, словно изваянной изъ мрамора рукѣ. Скучная работа подвигалась медленно, а взволнованныя мысли кружились въ

красивой головкѣ съ неудержимой быстротой. Снова онъ, такъ неожиданно, нежданно! Правда, она пересылала ему письмо, но никогда, никогда не надѣялась, чтобы это исполнилось такъ скоро. Быть можетъ, дѣла призвали его въ Варшаву, а можетъ... У Марыльки сердце замерло на мгновенье. Разъ уже онъ явился на ея пути, разъ вырвалъ ее изъ опасности. И вотъ онъ снова передъ нею и во второй разъ! Ахъ, не указаніе ли это Божіе? Не посланъ ли онъ и въ этотъ разъ вынести ее на своихъ плечахъ изъ этой гадкой тьмы?

Марылька отбросила съ досадой иголку и откинулась на деревянную, обитую кожей спинку кресла. Длинныя собольи рѣсницы полузакрыли ея синіе глаза, на нѣжныхъ щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ и разлился вплоть до маленькихъ ушекъ, а шелковистая, золотая коса спустилась до самой земли.

„Да, изъ тьмы, изъ гадкой, ненавистной, постылой тьмы“,— прошептала она тихо, полуоткрывъ свои небольшія, но рѣзко очерченныя губы.

Вотъ уже четыре года, какъ она здѣсь, въ этомъ роскошномъ домѣ, но легче ли ей отъ этого? О, нѣтъ, нѣтъ! Правда, она не знаетъ нужды, она не терпитъ особаго униженія, ее даже дарятъ Урсула и пани канцлерова своими обносками, — по лицу Марыльки пробѣжала презрительная улыбка,—но развѣ эта жизнь для нея? Стройная фигура ея гордо выпрямилась и въ широко открытыхъ синихъ глазахъ блеснулъ холодный надменный огонекъ. А сначала, когда ее взяли и думали возвратить отъ Чарнецкаго всѣ ея имѣнія, съ нею обращались не такъ. Ею всѣ тѣшились и любовались, слушали ея разсказы и показывали ее знатнымъ панамъ, а когда съ Чарнецкимъ не удалось дѣло и особенно, когда она стала взрослой панной, а Урсула—невѣстой, о, какъ ловко по могнатски оттерли они ее на задворки и показали, что ея мѣсто, какъ бѣдной „пріймачки“, здѣсь, у этихъ пялецъ, или въ покояхъ Урсулы, смотрѣть за пышными уборами панны или тѣшить ее, когда на панну нападетъ капризная тоска. О, эта Урсула!

Марылька закусила губу и сжала свои соболиныя брови; ея тонкія выточенныя ноздри гнѣвно вздрогнули, а въ синихъ глазахъ блеснулъ снова холодный и злой огонекъ. Всѣ ея муки, всѣ униженія черезъ нее! „Блѣдная, худая, со своими выпуклыми, безцвѣтными глазами, съ волосами ровными и желтыми, какъ и длинное лицо!—перечисляла она съ ожесточеніемъ всѣ достоинства дочери коронаго канцлера,—со своею маленькою головкой и постоянными думками о томъ, что можно, а чего нельзя, да о чемъ говорилъ

канъ пробощъ". И эта мертвая, бездушная кукла попираетъ ее, заступаетъ ей дорогу къ жизни, къ свѣту, къ красѣ!

Марылька съ ожесточеніемъ оттолкнула отъ себя пяльцы и поднялась во весь ростъ.

Да, именно она! Съ тѣхъ поръ, какъ эта краля стала невѣстой и занялась „полеваньемъ" на жениховъ, затворничество „пріймачки" стало еще строже: имъ страшно выпускать ее въ свѣтъ рядомъ съ Урсулой... У Урсулы приданаго-то немного, и она должна поймать себѣ мужа своею красой,—даже фыркнула Марылька,—и канцлеровскою печатью... Вотъ и ловятъ дурня!

„Ужъ, конечно, ничто иное, какъ эта печать привлекаетъ къ себѣ длинноногую цаплю, этого Самуила Калиновскаго... Отецъ его мечтаетъ стать, при помощи тестя, короннымъ гетманомъ... Ну, и пусть себѣ! Цапля цаплѣ пара! А мнѣ то за что эти вѣчныя будни?"

Марылька прошлась по свѣтлицѣ.

О, эта сѣрая, скучная жизнь!! Ей... ей, Марылькѣ, которая рождена для роскоши, для красы! Да лучше-бъ отпустили ее на волю! Она съумѣла-бъ сама найти себѣ дорогу, при красѣ своей она не побоялась-бы отправиться и съ пустыми руками въ путь! Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! Они оберегаютъ ее, они не выпускаютъ ее никуда, дальше этихъ скучныхъ покоевъ. Жалко имъ, вѣрно, разстаться съ мыслью о ея наслѣдствѣ, держатъ ее на всякій случай.

И зачѣмъ ее спасъ Богданъ на турецкой галерѣ? Попала бы она въ гаремъ къ султану, утопала бы въ нѣгѣ, въ роскоши, въ брилліантахъ, въ парчѣ! Тысячи рабовъ были бы къ ея услугамъ... Одного движенія ея бѣлой руки довольно бы было, чтобъ осчастливить покорныхъ и покарать враговъ! „Ахъ,—задохнулась она отъ горячаго прилива крови.—Голова кружится при мысли о той роскоши, славѣ и поклоненьи, которыя разливались бы у моихъ ногъ!..."

Марылька глубоко вздохнула. Грудь ея вздымалась высоко, на щекахъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, и маленькія прозрачныя ушки пылали словно въ огнѣ. Она снова прошлась по комнатѣ и остановилась у большого венеціанскаго зеркала, которое висѣло на темной, обитой коврами стѣнѣ.

Въ глубокомъ стеклѣ отразилась передъ ней стройная, молодая красавица.

Пушистые золотые волосы стояли вокругъ лба ея, словно какое-то царственное сіяніе; синіе глаза глядѣли смѣло и увѣренно; изъ за полуоткрытаго розоваго рта выглядывали зубы, ровные и бѣлые, какъ жемчужины. Шелковый кунтушъ ложился вдоль ея стройной фигуры красивыми складками, плотно охватывая тонкій станъ и высокую, пышную грудь.

Нѣсколько мгновеній Марылька стояла передъ зеркаломъ молча, не отрывая отъ своего изображенія гордаго, самодовольнаго взгляда. Но вдругъ складка между бровей ея расправилась, взглядъ синихъ глазъ сдѣлался мягче и нѣжнѣе, и плѣнительная, огненная улыбка освѣтила все лицо молодой красавицы. „Нѣтъ,—прошептала она тихо,—куда имъ всѣмъ до меня!“ Послѣдніе слѣды неудовольствія слетѣли съ ея бѣлаго лба, въ глазахъ заигралъ кокетливый огонекъ, и все ея личико сдѣлалось неотразимо обольстительнымъ въ это мгновеніе.

„Найдется-ли во всемъ королевствѣ хоть одинъ рыцарь, который бы устоялъ передъ этой улыбкой?—Марылька повела лукаво бровью и усмѣхнулась своему изображенью. О нѣтъ! Никто! Однако,—остановилась она и сдвинула свои соболиныя брови, изъ подъ которыхъ сверкнули злымъ огонькомъ ея потемнѣвшіе, какъ сапфиръ, глаза,—и для этой красы нужна оправа. А безъ оправы,—усмѣхнулась она ядовитою улыбкой,—это мишурное, изношенное рыцарство не обратитъ и вниманія. О, бездушныя твари,—топнула она ногою,—я испытала на себѣ ваше оскорбительное отношеніе, ваше надутое чванство, вашу мизерію! Какъ презираю я васъ! Какъ бы я хотѣла теперь имѣть силу и власть, унизить васъ и наступить на васъ своимъ башмакомъ! „Да, всѣ они продажны, всѣ ничтожны, всѣ!“

А Богданъ?

Марылька отбросила головку, и, зажмуривши глаза, постаралась вызвать въ своемъ воображеньи статный и величественный образъ козака.

Высокій, „дужій“, съ гордой панской осанкой и пылкой душой!... На него-бъ опереться не страшно! Правда, онъ изъ козаковъ. Но что до того? Гетманъ, настоящій гетманъ! Орлиный носъ, усы черные, а глаза?... О, она помнитъ, какимъ темнымъ огнемъ загорались они, когда онъ глядѣлъ съ восторгомъ на нее! Сердце замирало, разумъ туманился отъ того горячаго взгляда, который пронзалъ ея сердце острою стрѣлой насквозь. А какъ подымалъ онъ ее на своихъ „дужихъ“ рукахъ, словно легкое перышко...

Мысли Марыльки оборвались, и она вся застыла въ какомъ-то сладкомъ, смутномъ воспоминаніи.

Но вдругъ головка ея сдѣлала рѣзкое движеніе, какъ бы желая стряхнуть съ себя обвѣявшій ее сладкій туманъ.

Только вѣдь это было прежде, а какъ онъ взглянетъ на нее теперь?

Синіе глаза Марыльки открылись снова и взглянули съ улыбкой въ зеркало.

Положимъ, что дѣла призвали его въ Варшаву... но отчего они совпали какъ разъ съ ея письмомъ? А зачѣтъ онъ такъ вспыхнулъ, такъ измѣнился въ лицѣ, когда услыхалъ ея голосъ за дверью. Она вѣдь вскрикнула тогда нарочно и не отрывала отъ скважины глазъ. А отчего онъ весь растерялся, онъ, такой увѣренный и сильный, когда она бросилась къ нему на шею? Отчего онъ прижалъ ее такъ горячо, слишкомъ горячо для батька,—лукаво усмѣхнулась Марылька,—такъ, что она едва выскользнула изъ его рукъ? По лицу Марыльки скользнула снова самоувѣренная улыбка.

„Да, онъ бы могъ и умѣлъ бы любить. Но и тутъ... Охъ, какая-жъ моя горькая доля! Между нами—несокрушимая стѣна! У него жена... семья. Э, да что тутъ разсуждать! Нужно ввѣриться Пресвятой Дѣвѣ, Которая посылаетъ его ей на помощь, и пользоваться случаемъ, чтобы вырваться изъ этой темноты!“

Все же она ему дорога... У него отзывчивое сердце, да и будущее еще никому неизвѣстно, а подъ козацкимъ широкимъ и мощнымъ крыломъ жить ей будетъ привольнѣй и веселѣй! Не разъ слыхала она среди магнатовъ его фамилію. Самъ канцлеръ нѣсколько разъ упоминалъ о немъ—говорилъ, что его ждетъ высокая доля... самъ король интересуется имъ. „А!—да что тамъ раздумывать! Хуже здѣшняго не будетъ! Лишь бы увидѣться съ нимъ, упросить, чтобъ вырвалъ меня отсюда.—О!—взглянула она съ гордой улыбкой въ зеркало,—татко Богданъ не откажется быть моимъ опекуномъ!“

Двери тихонько скрипнули, и въ комнату вошла молоденькая служанка съ хорошенькою мордочкой плутоватаго котенка.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она остановилась передъ Марылькой и какъ бы замерла въ нѣмомъ восхищеніи.

— Ой, панно, какая пышная, гордая краля!—вскрикнула она, всплескивая руками,—когда бы мнѣ хоть половина вашей красы, я бъ не служницей, а пышною панной была!

— А вотъ, видишь, Зося,—вздохнула Марылька,—никто и не видитъ моей красы, такъ и увяну я въ этихъ скучныхъ мурахъ...

— Нѣтъ, кое-кто ее замѣтилъ,—усмѣхнулась лукаво Зося и приблизилась къ Марылькѣ.

Кто? кто?...

— Тотъ красивый козацкій панъ, что былъ у яснаго князя, пана канцлера.

— Ну, и что же?—перебила ее съ нетерпѣніемъ Марылька.

— Встрѣтилъ меня у воротъ и разспрашивалъ о паннѣ.

— Ой, Зося, ласточка моя!—вскрикнула рѣзво Марылька, охватывая ея шею руками,—да если бы только удалось то, о чемъ

моя думка, я бы взяла тебя съ собою, зажили-бъ мы не какъ „пріймачки“, а какъ вельможные паны!... Ну, и что-жъ?... Что ты сказала ему?

— Говорила, что панна скучаетъ, томится, ни съ кѣмъ не хочетъ видѣться.

— Зося! Разумница ты моя!—охватила Марылька снова ея шею руками,—ну, и что-жъ?... что онъ на это?...

— Червонецъ мнѣ далъ... и велѣлъ передать паннѣ поклонъ.

— Ой! Радость моя! Счастье мое!—вспыхнула вся Марылька и зашептала горячимъ шепотомъ, оглядываясь поминутно на двери:— Когда бы мнѣ только увидѣться съ нимъ хоть на одинъ часокъ... только, чтобы не зналъ объ этомъ никто, кромѣ тебя! Ты не знаешь, Зося, какой онъ панъ важный! Я вѣрю, Зося, что у него высокій таланъ!... А если бы мнѣ только увидѣться съ нимъ, онъ взялъ бы меня съ собою, а я бы упросила панну канцлерову взять съ собой и тебя... Тамъ у него заживемъ какъ вельможныя панны,— золото у него сыпется изъ рукъ, какъ дождь съ неба... Только бы мнѣ удалось увидѣться съ нимъ!

Плутоватая рожица служанки приняла серьезное выраженіе. Ей самой уже надоѣло жить въ строгомъ и скупомъ домѣ пана коронаго канцлера, гдѣ и веселья никто не видалъ, гдѣ и пиры рѣдко бывали.

Здѣсь же у щедрой и не чванной Марыльки, да у такого вельможнаго пана, который даритъ за два слова червонцемъ, ей чуялось и привольное житье, и немалая добыча, а потому-то она и отвѣтила, раздумывая:

— Оно бы хорошо и увидѣться... панъ не устоитъ противъ красы панянки... только гдѣ-же и какъ?

— А, любая моя, подумай... ты все можешь устроить,— обняла ее снова Марылька и, снявши со своей шеи намисто, поспѣшно обвила имъ шею Зоси.

— Это намисто тебѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайся... тебѣ, тебѣ! А какая ты въ немъ лялечка, посмотрись въ зеркало, Іосекъ съ ума сойдетъ, какъ увидитъ тебя! Да что я, бѣдная, не могу теперь ничего больше дать тебѣ, а если ты мнѣ это устроишь, вельможный панъ озолотитъ тебя!

— Вотъ что,—заговорила боязливымъ шепотомъ Зося, оглядываясь на дверь,—сегодня вечеромъ вельможное панство будетъ гулять на пиру у короля. Еслибъ панъ пришелъ вечеромъ сюда, въ замчище, черезъ браму, какъ будто по требованію князя, я бы ему сунула въ руки ключъ отъ потайной калитки, что ведетъ къ старой часовнѣ.

— Отлично, отлично, Зося,—едва не захлопала руками Марылька,—только какъ же пересказать ему.

— Да какъ?—повторила въ свою очередь и Зося.

Съ минуту обѣ дѣвушки напряженно молчали, но вдругъ Марылька вскрикнула радостнымъ голосомъ:

— Вспомнила, вспомнила, Зося,—сегодня онъ будетъ на пріемѣ у короля, панъ канцлеръ отправляется тоже туда съ нимъ. Если-бы ты, Зося, могла поболтать съ Іосекомъ у брамы, пока панъ рыцарь будетъ выходить со дворца?

— Я съ Іосекомъ,—надула капризно губки Зося,—въ ссорѣ, о чемъ съ нимъ говорить?.. Онъ такой скучный, ревнивый.

— А ты помирись, такъ онъ и растаетъ, тогда тебѣ удобно будетъ увидѣть пана и шепнуть ему обо всемъ.

— Да ужъ развѣ только для панны,—улыбнулась лукаво Зося.

— Ой, Зося! Такъ устроишь, устроишь, моя лялечка? И если мнѣ только удастся вырваться, вотъ тебѣ мое слово гонору... я возьму съ собой и тебя!

Еще нѣсколько мгновеній лукавая рожица служанки оставалась въ нерѣшительномъ замѣшательствѣ; очевидно, рискованность предпріятія смущала ее, наконецъ, заманчивая перспектива выгоды взяла верхъ и, тряхнувши головкою, Зося шепнула рѣшительно:

— Ну, постараюсь, и если Пресвятая Дѣва поможетъ, козацкій панъ будетъ сегодня у вашихъ ногъ.

День тянулся для Марыльки невыразимо долго. Казалось сборамъ и приборамъ панны Урсулы не будетъ конца. Все у ней не клеилось сегодня. И косы не укладывались вокругъ головы, и „сукня“ висѣла на худой и плоской фигурѣ, словно тряпка на палкѣ, и, главное, видя рядомъ съ собою въ зеркалѣ прелестное личико Марыльки, блѣдная, безцвѣтная Урсула приходила еще въ большее раздраженіе. Наконецъ-то все было готово, и вельможное панство двинулось на пышный пиръ короля.

Запершись въ своей свѣтличкѣ, Марылька занялась, наконецъ, и своимъ туалетомъ.

Распустивши пышные золотые волосы, она надушила ихъ дорогими восточными духами, и, свернувши въ небрежный узелъ, приколола ихъ слегка золотою шпилькой. Затѣмъ она набросила торопливо прозрачную турецкую ткань, взглянула въ зеркало и осталась довольна собой.

Волненіе придало ей еще какую-то особую прелесть: щеки ея поблѣднѣли, а расширившіеся зрачки дѣлали глаза глубокими и блестящими, почти черными.

Часы глухо пробили на башнѣ королевскаго замка. Марылька закрыла поспѣшно лицо прозрачною фанзой и неслышно скользнула изъ комнаты въ корридоръ.

Въ темномъ поворотѣ корридора чья-то маленькая ручка сунула ей большой ключъ, и голосъ Зоси шепнулъ на ухо: „Идите смѣло, ни Іосека, ни стражи не будетъ у входа... Только не очень долго, а то вѣдь мнѣ и надоѣстъ болтать съ ними въ сторожкѣ до пѣтуховъ... Пану я устроила проходъ. Только-жъ, на Бога, возвращайтесь скорѣе... А то, если панство узнаетъ“...

Но Марылька уже не слыхала послѣднихъ словъ; сжавши въ похолодѣвшей рукѣ большой ключъ, она поспѣшно двинулась дальше, затаивъ дыханіе, словно беззвучная тѣнь.

При входѣ „сторожи“ не оказалось, и она проскользнула безпрепятственно въ королевскій садъ.

Часть его, которая примыкала къ дому, занимаемому паномъ канцлеромъ, была совершенно дика и заброшена.

Марылька шла легко и быстро, подвигаясь къ самому концу его, гдѣ внизу у замковой ограды въ зарослях сиреневыхъ кустовъ находилась и маленькая забытая часовня.

Ночь стояла тихая, звѣздная, теплая.

Все было спокойно въ переполненномъ ароматами воздухѣ, городъ спалъ въ темнотѣ. Только съ замковыхъ стѣнъ доносилось протяжно и глухо: „вар-туй!.. вар-туй!“ да издали со стороны королевскаго замка доносились временами волны веселой музыки. Стоя на нѣкоторой возвышенности, онъ казался теперь Марылькѣ какимъ-то волшебнымъ замкомъ. Онъ весь горѣлъ огнями, и отъ этого остроконечныя башни и спицы его казались еще темнѣе.

Марылька бросила въ его сторону полный ненависти и зависти взглядъ, стиснула крѣпко свои хорошенькія губки и быстро двинулась впередъ.

Въ глубинѣ сада, у самой замковой стѣны, она замѣтила маленькую часовеньку. Сердце ея забилось усиленно, когда она вложила большой ключъ въ замочную щель; съ трудомъ повернула она его и, толкнувши съ силою дверь, очутилась въ небольшой часовнѣ.

Двѣ большія иконы во весь ростъ человѣка подымались прямо противъ дверей. У распятія горѣла большая красная лампада и освѣщала всю внутренность часовни таинственнымъ и нѣжнымъ полумракомъ. Въ глубинѣ ея стоялъ черный бархатный аналой. Большая подъемная плита съ желѣзнымъ кольцомъ образовывала полъ.

Въ домѣ носился относительно этой часовни какой-то таинственный, романическій разсказъ. Но Марылька теперь не думала о немъ.

— Придетъ или не придетъ?—вотъ что волновало ее и заставляло биться тревожно ея неробкое сердце. Зося говорила, что устроила ему проходъ сквозь потайную калитку, а что, какъ его замѣтили вартовые, а что, какъ его задержитъ что либо, а что, какъ онъ не захочетъ придти? Это послѣднее предположеніе возмущало всю душу Марыльки. Нѣтъ, нѣтъ,—шептала она,—онъ не забылъ своей Марыльки, онъ придетъ ко мнѣ, какъ и примчался по моему письму.

Такъ прошло полчаса въ тишинѣ и молчаніи, прерываемыхъ только иногда веселымъ взрывомъ скрипокъ, который доносился слабымъ отголоскомъ изъ королевскаго замка въ эту уединенную тишину.

Богдана не было.

Въ высокія, стрѣльчатыя окна часовни смотрѣло звѣздное небо, а сквозь полуоткрытыя двери вливался душистый лѣтній воздухъ. Волшебный замокъ сіялъ издали всѣми своими блистающими огнями...

Слухъ Марыльки до того обострился, что, казалось ей, слышенъ былъ трескъ самой отдаленной вѣтки, падающей въ саду. „О Боже, Боже... неужели не придетъ? Неужели забылъ?—шептала она, опускаясь на колѣни передъ темнымъ распятіемъ,—въ немъ все мое спасеніе; онъ одинъ только можетъ вырвать отсюда меня!“

Но потемнѣвшее распятіе глядѣло, казалось, съ холодною суровостью на молодую красавицу, расточавшую суетныя молитвы у его ногъ.

Вдругъ до слуха Марыльки явственно долетѣлъ шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей... такъ, такъ... еще и еще... шаги! шаги!

Чуть не вскрикнула Марылька, чувствуя, какъ сердце ея замерло на мгновеніе, а потомъ снова забилось горячо и поспѣшно съ неудержимою быстротой.

Однимъ движеніемъ руки она сбросила съ плечъ свое бѣлое покрывало, заложивши руки, сложила ихъ на аналоѣ и опустила на нихъ свою золотистую головку.

Шаги приближались. Теперь она могла уже явственно различать ихъ. Вотъ кто-то остановился въ дверяхъ.

— Любуется, любуется...—пронеслось въ головѣ Марыльки, и она застыла еще неподвижнѣе въ позѣ молящагося ангела.

А въ дверяхъ уже дѣйствительно стояла высокая и статная фигура Богдана.

Заступивши собою весь свѣтъ, проникавшій въ двери, онъ казался какимъ-то могучимъ, темнымъ силуэтомъ и только драгоцѣнное оружіе, парча и камни тускло блистали на немъ при слабомъ свѣтѣ лампады.

Передъ нимъ, въ глубинѣ часовни, стояла на колѣняхъ Марылька, склонившись на аналой своей усталой головкой. Во всей ея позѣ было столько трогательной простоты и грусти, что Богданъ почувствовалъ снова приливъ необычайной нѣжности къ этому слабому, одинокому существу.

„Голубка моя, дожидалась меня!.. Забылась... или заснула въ молитвѣ... не слышитъ, что я уже тутъ“,—пронеслось у него въ головѣ. Вдругъ онъ услышалъ тихій стонъ Марыльки, вырвавшійся съ глубокою болью изъ ея груди.

— Марылька!—вскрикнулъ Богданъ и бросился впередъ. Въ одно мгновеніе поднялась Марылька съ мѣста.

Сначала лицо ея изобразило ужасъ, а потомъ все вспыхнуло искреннею дѣтскою радстью и съ подавленнымъ возгласомъ: тату!— бросилась она къ Богдану.

Не успѣлъ опомниться Богданъ, какъ двѣ гибкія, полуобнаженныя руки крѣпко обвились вокругъ его шеи и что-то нѣжное, молодое, благоухающее прижалось къ его груди.

— Дытыно моя, „зирочка“ моя, рыбка моя,—шепталъ онъ порывисто, проводя ласковою рукой по ея плечамъ и спинѣ,—да посмотри-жъ на меня, или ты не хочешь и видѣть своего татуся?

Но Марылька ничего не отвѣчала, а только еще горячѣе прижалась къ Богдану, и вдругъ онъ почувствовалъ, какъ все ея стройное тѣло начало нервно вздрагивать у него на груди.

— Марылька, Марысю, ты плачешь?—вскрикнулъ онъ, отрывая ее отъ себя и стараясь заглянуть ей въ лицо; но Марылька поспѣшно закрыла его вуалемъ и, опустившись на скамью, прошептала тихо:

— Нѣтъ, я не плачу, не плачу, я такая дурная, глупая, я такъ обрадовалась татусю,—добавила она совсѣмъ тихо, улыбаясь виновато изъ подъ легкой фанзы.

— Рада, рада? Такъ ты не забыла своего тата? Скучала?

— Ахъ, къ чему спрашивать,—опустила печально головку Марылька,—вѣдь тату это все равно: четыре года я не получала отъ него ни вѣсточки, четыре года встрѣчала день Божій слезой, а ночь—обманутой горькой надеждою.

— Дитятко мое!—сжалъ ея тонкую и нѣжную руку Богданъ,— неужели я тебя могъ опечалить? Вѣдь я же тебѣ писалъ не разъ и отдѣльно, и въ „листахъ“ къ Оссолинскому.

Марылька слегка покраснѣла.

— Ничего, ничего не получала—заговорила она поспѣшно, закрывая лицо руками и замотала головкой,—разъ только передалъ мнѣ князь отъ пана сухой поклонъ.

— Не понимаю, почему это и какъ,—развелъ руками Богданъ,—а я самъ оскорбленъ былъ твоимъ равнодушіемъ, твоимъ молчаніемъ. Думки были, что посланная Богомъ мнѣ донька, попавши въ магнатскую семью, опьянѣла отъ роскоши и утѣхъ, да сразу и выкинула изъ головки какого-то козака.

— Ахъ, тато, тато! Какъ тебѣ не грѣхъ такъ обо мнѣ думать?—всплеснула руками Марылька.—Мнѣ только и радости было, чтобы быть съ татомъ, сжиться съ нимъ, дѣлить вмѣстѣ и радости, и горе. Вѣдь мою семью Господь смелъ, вѣдь сирота я на бѣломъ свѣтѣ, а меня тато вырвалъ у смерти и бросилъ на чужія, холодныя руки.

— Бросилъ? Я думалъ, что тебѣ здѣсь лучше будетъ, чѣмъ со мной... что панъ канцлеръ выхлопочетъ у Чарнецкаго твои „маетки“...

— Можетъ, пану тату „маетки“—высшее счастье въ мірѣ, а Марылькѣ...—Марылька остановилась, губы ея задрожали, и она окончила со слезами,—если-бы ее любилъ хоть кто-нибудь на землѣ...

— Бѣдная, бѣдная моя,—проговорилъ съ чувствомъ Богданъ,—такъ тебѣ нехорошо живется у пана канцлера?

— О тату, тату!—вскрикнула съ горечью Марылька,—лучше-бъ мнѣ было въ турецкой неволѣ, чѣмъ здѣсь!

Марылька начала разсказывать Богдану о томъ, какъ она мучилась, сколько она выстрадала за эти четыре года, какъ она молила Бога, чтобы Господь взялъ ее, одинокую, забытую, къ Себѣ. Голосъ ея звучалъ то печально и тихо, когда она говорила о своихъ долгихъ страданіяхъ, то проникался необычайною нѣжностью, когда она вспомнила о томъ, какъ въ долгія, безсонныя ночи думала о своемъ любомъ татѣ Богданѣ и о тѣхъ недолгихъ, счастливыхъ дняхъ, которые она провела вмѣстѣ съ нимъ. Глаза ея то вспыхивали огнемъ, то снова глядѣли на него грустно и печально. Она придвинулась къ нему такъ близко, что ея горячее, порывистое дыханіе обдавало все его лицо... И отъ этой близости прелестнаго молодого созданія, и отъ этого нѣжнаго полумрака, наполнявшаго часовню, и отъ нѣвучихъ отголосковъ музыки, долетавшихъ тихою волной, и отъ чарующаго аромата, наполнявшаго все существо Марылькн,—Богданъ чувствовалъ, какъ кровь приливала къ его сердцу, къ вискамъ, какъ туманилось сознаніе, какъ все выскальзывало изъ его памяти, кромѣ этого дивнаго существа, такъ довѣрчиво льнущаго къ нему. Сегодняшній пріемъ у короля придалъ ему еще больше силы и отваги; гордость и увѣренность переполняли его сердце... Жажда жизни заставляла его биться энергичнѣе и сильнѣе. И ко всему—Марылька... Марылька, являвшаяся ему только

во снѣ, только въ мечтахъ, какъ мимолетное видѣнье... здѣсь... близко, рядомъ съ нимъ... шепчущая ему нѣжныя слова... склоняющаяся своею душистою головкой къ нему на плечо. Все это опьяняло Богдана и вызывало горячую краску на его красивое, гордое лицо. Отъ взгляда Марыльки не ускользало волненіе козака.

— Ахъ, тату мой, тату мой!—продолжала она еще мягче, еще нѣжнѣе,—всѣ они на меня... и все изъ-за панны Урсулы... говорятъ, что меня нельзя выпускать вмѣстѣ съ нею, потому что все панство засматривается на мою красу... Ахъ, на что мнѣ, на что мнѣ эта краса, и любоваться ею некому, и одно горе мнѣ отъ нея! Ой, тату, тату, какъ надоѣло мнѣ все это чванное панство, всѣ вельможи, всѣ пиры! Ничего-бъ я больше и не хотѣла, какъ жить въ маленькой хаточкѣ, въ вишневомъ садикѣ, въ далекомъ хуторкѣ... Замучилась я тутъ, затосковалась... Нѣтъ, тату, у этого вельможнаго панства ни сердца, ни души.

— Радость моя, горличка! А я думалъ про тебя совсѣмъ иное!—вскрикнулъ горячо Богданъ.

— Что же? Тато меня не знаетъ, а здѣсь, охъ, какъ тяжко, „невымовно“,—вздохнула Марылька и уронила руки на колѣни.— Я хотѣла просить тата вырвать меня отсюда, взять къ себѣ, если... нѣтъ не ждать ужъ мнѣ счастья, лучше умереть!

— Зирочко моя! Богъ съ тобою, какія думки!—прижалъ ея головку Богданъ къ своей широкой груди и поцѣловалъ золотистыя пряди,—да если моей дытыночкѣ не скучно ѣхать къ намъ на тихіе хутора, такъ это же счастье для меня, великое счастье!...

А Марылька продолжала еще болѣе тихо и мягко, прижимаясь къ его груди головою, словно искала у него оплота и защиты.

— Каждая птичка имѣетъ своего защитника, каждый цвѣточекъ ростетъ на родномъ стебелькѣ, одна я не имѣю ни воли, ни доли, сохну и вяну въ этихъ мурахъ. Охъ, на что спасалъ меня тато на турецкой галерѣ? Лучше бы мнѣ умереть тогда сразу съ думкой о немъ... Только вѣдь мнѣ, все равно, не жить долго, если останусь я здѣсь еще,—руки наложу на себя!

— Не останешься ты больше,—перебилъ ее Богданъ,—я возьму тебя съ собою, я попрошу пана канцлера, короля попрошу, они мнѣ теперь не откажутъ,—въ голосѣ Богдана послышалась увѣренность и гордость.—Не будешь ты больше знать ни слезъ, ни горя, какъ дитя родное приму я тебя. Только какъ покажется тебѣ послѣ вельможнопанскихъ покоевъ мой простой козацкій домъ?

— Раемъ!—вскрикнула восторженно Марылька, а потомъ вдругъ прибавила печально,—только что же это я, а какъ еще вельможная пани приметъ меня, можетъ, и не захочетъ? Я, глупенькая, о себѣ только и думала, а вѣдь въ семьѣ главное „пани-господыня“...

— Ты про жену, Марылько? Квиточко,—началъ смущенно и какъ то неловко Богданъ,—она бы рада была, она бы полюбила тебя, если бы была жива...

— Пани умерла?—вскрикнула Марылька, едва сдерживая захватывающій дыханіе восторгъ и, спохватившись, притихла, постаралась придать и лицу, и голосу выраженіе страшнаго горя.

— Еще не умерла,—поникъ печально головою Богданъ,—но уже совершенный трупъ. Она десять лѣтъ не вставала съ постели, а теперь уже не знаю, застану-ли я ее? Страдалица она, впрочемъ, только и молилась Богу, чтобъ поскорѣе принялъ ее къ Себѣ. Мы всѣ привыкли уже къ этому горю и не смѣемъ на Бога роптать.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный тато!—заломила руки Марылька,—мнѣ теперь еще больше... Впрочемъ, что же могу я, бѣдная?... Охъ, какъ бы я желала утѣшить пана, помочь несчастной пани!—вскрикнула она, и въ ея голосѣ прозвучали искреннія, теплыя ноты, подогрѣтыя такою неожиданною для нея радостью.

— Ангелъ небесный!—прижалъ ее къ сердцу Богданъ,—такъ и лети-жъ къ намъ на утѣшеніе, а мы защитимъ тебя „щирымъ“ сердцемъ.

Наступило молчаніе. Марылька, словно потрясенная горемъ, сидѣла грустно, склонивши головку. Богданъ молча любовался ею.

— Ну, открой же свои ясныя очеңьки, дай мнѣ посмотрѣть на тебя,—обратился онъ, наконецъ, къ ней ласково.

Марылька молчала, опустивши глаза. Стрѣльчатыя рѣсницы бросали вокругъ нихъ темную тѣнь; казалось, нѣсколько мгновеній она еще не рѣшалась поднять на Богдана очей. Но вдругъ длинныя рѣсницы ея тихо вздрогнули, медленно поднялись, и Богдана обдало цѣлымъ моремъ синихъ теплыхъ лучей.

— Ахъ, какая ты стала, Марылька!—невольно отшатнулся онъ, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ.

— Какая-жъ?—усмѣхнулась Марылька по дѣтски, кладя свои руки сверхъ Богдановыхъ рукъ.

— Пышная, гарная, краля, королева!—вырвалось у Богдана слишкомъ пылко.

Марылька почувствовала, какъ сердце ея забилось горячѣй и сильнѣй, а на душѣ стало ясно и покойно.

— Тату до вподобы, и Марылька рада,—проговорила она игривымъ дѣтскимъ голосомъ; въ глазахъ ея вспыхнулъ лукавый, кокетливый огонекъ, углы рта задрожали, и все лицо освѣтилось вдругъ сверкающею, обворожительною улыбкой. Марылька преобразилась. Въ одно мгновеніе грусть и раздумье слетѣли съ ея дивнаго личика: передъ Богданомъ сидѣла молодая, прелестная кокетка, чувствующая и сознающая силу своей красоты...

— Зиронька ясная!—прошепталъ Богданъ, сжимая ея руки въ своихъ.—Ну, скажи-жъ мнѣ еще разъ, скучала-ль ты за татомъ, вспоминала-ль его хоть разокъ?

Марылька нагнула голову и, бросивши на Богдана лукавый взглядъ изъ-подъ соболиныхъ бровей, проговорила съ разстановкой:

— А тато думаетъ какъ?

И отъ этого лукаваго взгляда, и отъ ея звонкаго, дѣтскаго голоска Богдану сдѣлалось вдругъ такъ легко и весело, словно съ плечъ его свалилось двадцать лѣтъ.

— Не знаю,—усмѣхнулся онъ ей также молодцовато,—кто можетъ поручиться за дѣвичью головку?

— А я-жъ тату уже разъ сказала.

— Мало, мало, моя ласточка!

— Ну, такъ вотъ же,—вскрикнула Марылька, обвивая его шею руками,—скучала, скучала, скучала, таточку мой, любый, коханый, о тебѣ одномъ только и думала, тебя только и ждала!..

XXIX

Уже съ часъ добрый сидитъ Богданъ въ кабинетѣ великаго коронаго канцлера и ведетъ съ нимъ бесѣду. Оссолинскій широковѣщательно, хотя и осторожно, рисуетъ Хмельницкому будущіе планы войны, разспрашиваетъ о возможныхъ путяхъ движенія татаръ, совѣтуется объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ пунктовъ, а главнымъ образомъ вывѣдываетъ искусными затемнѣніями рѣчи, неожиданными обращеніями, ловкими сопоставленіями про настроеніе козачьихъ умовъ, а найпаче шляхетскихъ: Оссолинскому, видимо, хочется, между прочимъ, выпытать незамѣтно и про собя, не подозрѣваетъ-ли его въ козняхъ шляхетство и не задумываетъ-ли чѣмъ вродить?

Богданъ слушаетъ плавно льющуюся рѣчь Оссолинскаго, отвѣчаетъ ему машинально, а мысли его не здѣсь: онѣ разметались по неизвѣстнымъ ему покоямъ вельможи и ищутъ дорогого образа, и льнутъ къ нему, какъ бабочки къ солнечному лучу. Прислушивается Богданъ, не долетитъ-ли сюда знакомый, мелодическій голосъ, не скрипнетъ-ли дверь, не зашелеститъ-ли глазетный кунтушъ, но вездѣ тихо, методически лишь звучитъ мѣрная рѣчь, словно переливается по камнямъ ручей.

Богданъ ощущаетъ, какъ горячая волна то поднимется къ вискамъ и зажжетъ его щеки румянцемъ, то прихлынетъ къ груди и разольется по ней майскимъ теплом, то защекочетъ сладостно въ сердцѣ; онъ чувствуетъ, что каждый фибръ въ немъ дрожитъ и звучитъ, подъ дыханіемъ радости, какъ звучитъ эолова арфа подъ

дыханіемъ вѣтра, и не можетъ онъ заставить себя оторваться отъ этихъ сладостныхъ впечатлѣній: они опьянили его со вчерашняго свиданія съ Марылькой, отогнали отъ глазъ его сонъ, затуманили высокое чувство, навѣянное ему королемъ, и теперь не даютъ собрать разсѣянныхъ мыслей.

А Оссолинскій ведетъ рѣчь объ осторожностяхъ, какими нужно окружить это великое дѣло; онъ совѣтуетъ даже не объявлять козакамъ привилегій до разрѣшенія предстоящаго сейма, такъ какъ слухъ о нихъ можетъ взбудоражить шляхетство и повредить въ вопросахъ вооруженія, собиранія войскъ и войны.

— А послѣ, когда вопросы эти будутъ утверждены,—забарабанилъ онъ пальцами по столу,—тогда не только оглашайте козакамъ эти „привилеи“, а говорите смѣло, что при вѣрной ихъ службѣ своему королю, они заполучатъ еще гораздо большія...

— О, ясный княже,—замѣтилъ Богданъ,—да съ нами вы всѣхъ сокрушите и создадите единую власть, а она одна лишь сможетъ поднять и правду, и силу, и славу... Но, вотъ, относительно „привилеевъ“, такъ тяжело скрывать отъ обиженныхъ такую милость и радость, но если это необходимо pro bono publico... (для общественнаго блага),—остановился онъ, подавленный назойливою мыслью.—„Нужно переговорить непремѣнно съ нимъ про Марылькy, она такъ просила... Я поклялся отцу ея... ей... Нужно прямо сказать, только бы улучить минуту... а время идетъ“... Да, такъ, если это необходимо,—спохватился онъ,—то все же слѣдуетъ сообщить хотя вѣрнѣйшимъ изъ старшины: они не выдадутъ тайны, а ободрятся и ободрятъ другихъ“.

— Да, пожалуй,—протянулъ неувѣренно Оссолинскій.—Но во всякомъ случаѣ... Сеймъ будетъ черезъ три, четыре мѣсяца,.. при томъ же, тутъ взаимные интересы... Хотя все таки скрытое дѣло—половина побѣды... Придется много поднять... нужно усилій и твердости, зоркаго глаза,—какъ бы про себя произносилъ онъ отрывочно, жмуря глаза.

А Богданъ въ это время рѣшалъ мучительный, неотвязный вопросъ: отпуститъ-ли къ нему въ семью Оссолинскій Марылькy, или удержитъ ее какъ corpus delicti (фактъ преступленія) Чарнецкаго, для новыхъ попытокъ возвратить похищенное имъ наслѣдство? Марылька вѣдь говорила, что онъ эту мысль бросилъ, что оказалось ему не подъ силу тягаться съ Чарнецкимъ... „Ну, и слава Богу,—это мое счастье... У меня спрятана записочка батька ея про кладъ, быть можетъ, когда и найдемъ... Э, да что это все передъ Марылькой? Она сама дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ: какъ расцвѣла, какая невиданная краса!... Просилась, говоритъ, что тоско-

вала по мнѣ. Господи! Да неужели же? Нѣтъ, не то, не то!... Она любитъ меня, какъ отца, какъ покровителя, а я ее?... Охъ, избави насъ отъ лукаваго и омой мою душу исопомъ... и я ее, какъ отецъ... да и какъ не любить этого ангела?... Покойнику вѣдь поклялся и любить, и лелѣять, и защищать ее отъ напастей... А если не отпуститъ и снова придется разстаться, и разстаться, быть можетъ, на вѣки?... Такъ что же?"—попробовалъ было возразить себѣ Богданъ, но сердце его сжалось томительной тоской.

— Да,—произнесъ рѣшительно Оссолинскій, ударивши рукою по столу,—нужно будетъ съѣздить самому и къ императорамъ, переговорить и съ Мазарини, да и Швецію какъ нибудь успокоить. Знаешь что, пане-писаре генеральный, не поѣдемъ ли мы вмѣстѣ въ чужіе края? Ты вѣдь тамъ бывалъ и мнѣ можешь быть въ помощь.

Богданъ вздрогнулъ съ головы до ногъ и не нашелся сразу, что отвѣтить: словно громъ, поразили его эти слова; они безжалостно, сразу обрѣзывали ему всѣ надежды вырвать отсюда Марылькy, увезти въ свою семью, видѣть ее ежедневно, слышать ея серебристый смѣхъ и обаятельно ласковый голосъ, ловить улыбку. Да, со вчерашняго дня онъ уже свыкся съ этою мечтой, пригрѣлъ ее у самаго сердца— и вдругъ, въ далекія страны, за моря, за горы и на какое время? А что станется безъ него здѣсь? Нѣтъ, это возмутительное предложеніе, непомѣрная жертва и для чего? Для прихоти вельможной, чтобъ его бѣсъ на рога поднялъ!—мелькало у него раскаленными иглами въ головѣ.

— Простите, ясный княже,—овладѣлъ, наконецъ, собою Богданъ,—я такъ взволнованъ этимъ лестнымъ для меня предложеніемъ, что не нахожу словъ благодарности... ѣхать съ княжьей милостью... быть полезнымъ... да отъ этакой чести голова закружится...

— Спасибо, пане писарь,—оживился и повеселѣлъ Оссолинскій,—такъ у меня выходитъ будетъ въ дорогѣ отмѣнный товарищъ... Мы, значитъ, такъ и распорядимся.

— Только вотъ, кому бы поручить, понаблюсти за козаками въ Украйнѣ,—раздумчиво замѣтилъ Богданъ,—время то опасное... чтобы передъ сеймомъ не выкинули штуки?

— Неужели же ихъ не образумитъ Барабашъ?

— Э, княже, куда ему! Онъ въ общихъ войсковыхъ „справахъ" прекрасно распорядится, и порохъ нюхалъ не разъ.. но съ „палыводами" онъ не знается... а они то, при скукѣ, и первые зачинщики „жартовъ"...

— Досадно,—пробурчалъ Оссолинскій, заходивъ по кабинету,— а можетъ быть, панъ знаетъ кого, кто имѣлъ бы тамъ вліяніе?

— Знаю то я много и разумныхъ головъ, и рыцарей удалыхъ,—улыбнулся Богданъ,—да всѣ то они чертовски „завзяты“, именно тѣ „палыводы“, что въ самое пекло полѣзутъ и бѣса за хвостъ вытащатъ... А, чтобъ они смирно сѣли, какъ бабы за прялку, то врядъ ли!... Меня то до поры, до времени кое-какъ слушали... а вотъ только что выѣхалъ—и догналъ меня слухъ въ дорогѣ, будто кто-то затѣваетъ новый бунтъ.

— Ой, ой!—даже закрылъ уши канцлеръ,—да вѣдь это поднимается цѣлая буря!

— Знаю, ясный княже,—оттого-то меня такъ это все и тревожитъ... положимъ, не безъ того, что и прибрехали,—успокоилъ немного Хмельницкій,—а все-таки, какая-либо пакость да есть...

— Такъ тебѣ, пане, никакъ нельзя ѣхать со мной... тебѣ нужно тамъ быть и употребить всѣ усилія, чтобы воздержать ихъ отъ безчинствъ: это особенно важно передъ сеймомъ... Боже, какъ важно!—заволновался панъ-канцлеръ.—Если будетъ хоть какой-либо поводъ отъ нихъ къ негодованію, подозрѣніе падетъ на насъ, что мы потворствуемъ, и провалятся всѣ наши начинанія... И будетъ ли черезъ выходки этихъ нетерпѣливыхъ безумцевъ желанный исходъ? Вѣдь только конецъ дѣло вѣнчаетъ!

— О, какъ справедливы слова вашей княжьей милости,—отозвался сочувственно Богданъ,—какъ ни жестока ко мнѣ судьба относительно почестей, какъ ни надѣляетъ она взамѣнъ большой радости—тревогами, опасностями, борьбой,—но передъ долгомъ я не смѣю роптать,—вздохнулъ глубоко Богданъ, боясь, чтобы не выдала его дрожавшая внутри радость...

— Нѣтъ, нѣтъ... что дѣлать!—тревожился болѣе и болѣе канцлеръ,—нужно возвращаться домой и найскорѣе... необходимо употребить всѣ усилія, чтобы козаки притихли, притаились, умерли, чтобы можно было приписать ихъ полное смиреніе нашей маленькой ласкѣ... А если случилась какая пакость, то отнести ее къ прежнимъ порядкамъ... Да! Нужно поспѣшить, дать мнѣ обо всемъ знать, а то я и самъ пріѣду, отбывши сеймъ, непремѣнно пріѣду.

— Осчастливитъ ясный князь всѣхъ и меня въ особенности, а если его княжья мосць посѣтитъ еще мою скромную хату, то эта честь будетъ для меня найвышей наградой...

— Непремѣнно, непремѣнно,—улыбнулся привѣтливо канцлеръ,—я прямо къ пану, въ твой знаменитый, слыхали, Субботовъ.

— Нѣмѣю отъ восторга,—прижалъ къ груди руку Богданъ,—вотъ и награда за огорченіе, а я еще роптalъ на судьбу! Значитъ, только молиться Господу Силъ о ниспосланіи намъ святой ласки.

— Его Панская воля!—поднялъ набожно глаза Оссолинскій.

„Фу, гора съ плечъ!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а то чуть было все не пропало,—думалъ онъ,—теперь, кажись, стрѣла пролетѣла мимо. Можно и про Марыльку спросить“.

— А что, ясный княже,—началъ неувѣренно Хмельницкій,—какъ поживаетъ спасенная мною панна?—Богданъ усиливался придать равнодушный, небрежный тонъ голосу, но это не выходило.—Я вотъ за хлопотами всякими забылъ освѣдомиться... а лѣтъ пять, почитай, не видѣлъ...

— Панъ про Марыльку спрашиваетъ?—словно очнулся канцлеръ,—что-жъ, ничего... поживаетъ... выросла, похорошѣла, всѣхъ плѣняетъ... Но ея красота идетъ, кажется, въ разрѣзъ съ качествами души, отуманиваетъ ее: все чѣмъ-то недовольна панна... работать совсѣмъ не желаетъ... хочется ей изъ Варшавы... Полагаю, что ее гложетъ зависть къ положенію другихъ... жажда къ пышному „малжонству“, чтобы splendere et imperare (блистать и повелѣвать), а такого-то бѣдной дѣвушкѣ не найти—вотъ и раздраженіе и недовольство...

— Неужели эту юную головку обуялъ змѣй честолюбія?—усомнился въ обидныхъ предположеніяхъ княжьихъ Богданъ,—быть можетъ, сиротливое сердце ищетъ просто „щирой“ любви?

— Возможно... только въ нашемъ домѣ она была, какъ равная, какъ шляхтянка... Правда, ей, бѣдняжкѣ, все неудачи... Да, къ свѣдѣнію, и наслѣдство ея совершенно ускользнуло—и вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ и защиты законовъ „баниты“, и вслѣдствіе права перваго захвата, и, наконецъ, вслѣдствіе того, что этого волка Чарнецкаго можно заставить возвратить загребленное лишь силою... вооруженной рукой... Таковы-то порядки въ этой пресловутой Рѣчи-Посполитой!

— Я такъ и думалъ,—печально замѣтилъ Богданъ.

— Ну, такъ вотъ и это обстоятельство ее гнететъ,—продолжалъ канцлеръ, высморкавшись съ достоинствомъ, громко и напоивъ воздухъ ароматомъ своего платка,—однимъ словомъ, она куда-то стремится... вспоминаетъ пана...

— Бѣдняжка,—вспыхнулъ Богданъ,—я далъ клятву умирающему отцу, что приму и воспитаю его дочь, какъ родное свое дитя, сдѣлаю сонаслѣдницей моего скромнаго состоянія... Оттого, быть можетъ, она...

— Это съ панской стороны высокій, шляхетный поступокъ... и если эта сиротка семьи его не стѣснитъ...

— Никогда на свѣтѣ!

— Да,—протянулъ канцлеръ, пристально взглянувъ на Богдана,—это значитъ можетъ уладить нѣкоторое...—канцлеръ подъискивалъ слово—нѣкоторое недоразумѣніе... Видишь-ли, пане, Урсула, моя дочь, недавно просватана за сына гетмана Калиновскаго Самуила...

— Привѣтствую вашу княжью милость,—поторопился встать и низко поклониться Богданъ,—съ этою семейною радостью. Дай Богъ, чтобъ имъ сіяло вѣчное солнце безъ тучъ и безъ бурь.

— Спасибо, пане-писаре,—протянулъ руку канцлеръ,—такъ вотъ, когда Господь благословитъ и исполнится этотъ союзъ, то Марылька, дѣйствительно, останется здѣсь одна еще на большую тоску и унынiе...

Каждое слово Оссолинскаго ложилось благовоннымъ елеемъ на душу Богдана; въ порывахъ сердечныхъ восторговъ онъ мысленно шепталъ какія-то отрывочныя фразы молитвъ, ровно-бы въ давніе юные годы, стоя на экзаменѣ передъ строгими патерами. „Господи помоги!... Внуши ему... не отринь отъ меня этого счастья!“

— Не отпуститъ-ли князь Марыльку ко мнѣ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Богданъ.—Клянусь, что она займетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто, наравнѣ съ моими дѣтьми, что вся семья моя почтетъ за соизволеніе Бога...

— Я вполнѣ пану вѣрю,—прервалъ его, видимо довольный этимъ предложеніемъ канцлеръ, хотя и постарался придать своимъ словамъ болѣе небрежный тонъ. Панна теперь стѣсняла его и служила часто предметомъ укоровъ со стороны пани канцлеровой.—И отецъ ея, поручивъ дочь свою пану, такъ сказать, указалъ единственно въ тебѣ ей покровителя, да и веселѣе ей тамъ будетъ... Но мы такъ привыкли, такъ привязались къ этому милому дитятку, особенно жена и Урсула... просто души въ ней не чаятъ... намъ тяжело будетъ съ нею разстаться, но если она сама пожелаетъ къ пану, то мы, конечно, „eo ipso“... должны поступиться своими утѣхами, ради ея счастья... Во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исключительно ей.

— Желательно бы знать,—нерѣшительно заявилъ Богданъ, чувствуя, что у него хочетъ выпрыгнуть изъ груди, отъ охватившей его радости, сердце,—такъ какъ его княжья мосць торопитъ меня выѣздомъ...

— Да, да,—засуетился Оссолинскій,—такъ это можно сейчасъ,—всталъ онъ и остановился противъ Богдана.—Панъ еще не видѣлъ своего пріемыша?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ было Богданъ, но, вспомнивъ, что могъ кто-либо видѣть его здѣсь или въ саду, вмѣстѣ съ Марылькой, а

то и она сама могла сознаться,—смутился и началъ неловко поправляться,—т. е. видѣлъ случайно, вскользь, выходя изъ дворца.

— Такъ вотъ лучше что,—потеръ руки канцлеръ,—панъ не откажется „поснѣдать“ вмѣстѣ съ моею семьей, выпить „келехъ“ бургунскаго, присланнаго мнѣ въ подарокъ отъ его эминенціи Мазарини. Семья моя будетъ только одна. Панъ тамъ увидится съ своею названною дочкой,—тамъ и столкуемся.

— Много чести,—поклонился Богданъ,—не знаю, какъ и благодарить.

— Пойдемъ, пойдемъ, любый пане,—взялъ слегка подъ руку Богдана Оссолинскій и отворилъ боковую дверь.

Пройдя черезъ амфиладу роскошныхъ покоевъ, ввелъ Оссолинскій Богдана въ столовую, отдѣланную орѣхомъ и дубомъ, и увѣшанную кабаньими, турьими и оленьими головами; направо отъ входныхъ дверей громоздился до самаго потолка чудовищный изразцовый каминъ, украшенный вверху рядомъ синихъ фарфоровыхъ фигуръ, а налѣво, напротивъ, стоялъ огромнѣйшій краснаго дерева буфетъ, изукрашенный рѣзными барельефами и наполненный золотою и серебряною посудой.

Въ столовой сидѣли уже за столомъ ясноосвѣцоная жена канцлера, княгиня Каролина, ея дочь, безцвѣтная блондинка Урсула, и Марылька; послѣдня, замѣтивъ входящаго Хмельницкаго, вспыхнула до корня волосъ и быстро подошла къ буфету, словно желая отыскать что-то, да и прикрылась дверкой, какъ щитомъ...

Оссолинскій представилъ женѣ своей Богдана; та свысока поклонилась и произнесла сквозь зубы:—„Привѣтствую пана.“

— Падаю до ногъ ясноосвѣцоной княгини,—отвѣсилъ Богдмнъ глубокій, почтительный поклонъ.

Урсула окинула козака высокомѣрнымъ взглядомъ, наклонила завитую, съ претензіей зачесанную голову и процѣдила:—„Пусть панъ сядетъ“.

— Ваше милостивое вниманіе, ясная княжна, вызываетъ въ моемъ козачьемъ сердцѣ порывы благодарности: въ прекрасномъ тѣлѣ душа всегда прекрасна.

Марылька быстро оглянулась на Богдана и снова закрылась дверкой буфета.

— Панъ слишкомъ щедръ на похвалы,—отвѣтила съ кислою улыбкой Урсула,—но я ихъ не могу принять на свой счетъ.

— Однако, я не знала, что козацкіе рыцари такъ же хорошо владѣютъ словомъ, какъ и мечемъ,—снисходительно удивилась княгиня.

— Красота, ваша княжья мосць,— отвѣтилъ элегантно Богданъ,—дѣлаетъ чудеса и Марсъ слагалъ гимны Кипридѣ.

И мать, и дочь переглянулись, наградивъ козака одобрительною, теплою улыбкой.

— Да онъ всѣхъ здѣшнихъ рыцарей за поясъ заткнетъ... какъ величественъ, элегантенъ... Гетманъ, гетманъ... король!— шептала Марылька, смотря украдкой черезъ щель дверки на Хмельницкаго.

— Виватъ!—воскликнулъ Оссолинскій,—его мосць, выходитъ, такъ же опасенъ и въ салонѣ, какъ и на полѣ битвы... А гдѣ же Марылька?—взглянулъ онъ вокругъ.—А, вонъ гдѣ!

Дѣвушка опустила голову еще ниже, и у нея отъ смущенія блеснули на длинныхъ рѣсницахъ двѣ непослушныхъ слезинки.

— Полно, „ясечка“, не смущайся,—взялъ ее за подбородокъ канцлеръ,—подойди къ его мосци, поздоровайся съ нимъ родственно, какъ со своимъ покровителемъ, вѣдь онъ и до сихъ поръ о тебѣ, сироткѣ, заботится, какъ о родной дочкѣ,—и, взявъ ее за руку, канцлеръ подвелъ къ Хмельницкому, что стоялъ словно на раскаленномъ полу.

Марылька остановилась передъ нимъ смущенная, съ потупленными очами, осѣненными стрѣлами влажныхъ рѣсницъ.

— Здравствуй, ясная панна, ввѣренная мнѣ Богомъ!—промолвилъ Богданъ радостно и привѣтливо.—Какъ ся маешь, какъ поживаешь?

Марылька взглянула на него темною лазурью своихъ чарующихъ глазъ, а въ нихъ сверкнула и теплая признательность, и безконечная нѣга; Богданъ, чтобы скрыть искрившійся въ его глазахъ восторгъ, опустилъ теперь тоже рѣсницы.

— Привѣтствую посланнаго мнѣ Богомъ спасителя,—пропѣла, наконецъ, вкрадчивымъ, мелодическимъ голосомъ панночка,—я счастлива, что привелъ Господь мнѣ снова увидѣть моего покровителя, которому покойный отецъ поручилъ свою сироту...—опустила она снова глаза, блеснувшіе влагой.

— Да развѣ такъ спасителя и благодѣтеля привѣтствуютъ?— отозвалась, хотя и мягко, но съ оттѣнкомъ насмѣшливой надменности, княгиня,—къ отцу подходятъ къ рукѣ.

Марылька сдѣлала движеніе, но Богданъ предупредилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... я, по праву моихъ родственныхъ чувствъ, поздороваюсь лучше такъ...—и онъ, обнявши своими мощными дланями ея головку, поцѣловалъ ее отечески въ лобъ.

Натянутая сцена яко-бы первой встрѣчи была, наконецъ, прервана приходомъ слугъ и размѣщеніемъ снѣдей. За завтракомъ

завязался общій разговоръ о предстоящихъ торжествахъ и пирахъ въ Варшавѣ, о Радзивилѣ, что своей царской роскошью и великолѣпіемъ сводитъ съ ума столицу и разоритъ многихъ, о томъ, что къ предстоящимъ празднествамъ тратятся на наряды чудовищныя суммы, что „паненки“ и пани не хотятъ ударить лицомъ въ грязь передъ волошками, славящимися своимъ богатствомъ.

Богданъ по этому поводу разсказалъ много интереснаго и поучительнаго про нравы и обычаи молдаванъ, про ихъ семейную жизнь, представляющую смѣсь таинственнаго востока съ вольнымъ западомъ, про роскошь пировъ, про увлекательную игривость волошекъ-красавицъ, про ихъ соблазнительные наряды. Богдану приходилось не разъ тамъ бывать и онъ изучилъ прекрасно страну. Разсказы Богдана заняли и оживили всѣхъ собесѣдниковъ; даже чопорная княгиня съ дочкой спустились съ высоты своего величія и начали восторгаться остроуміемъ и свѣтскою веселостью своего гостя. Марылька же, хотя и молчала, но глаза ея такъ радостно, такъ побѣдно сверкали, что нельзя было и сомнѣваться въ ея восторгѣ. Когда же Богданъ перенесъ свои разсказы изъ Болгаріи въ рыцарскіе замки надъ Рейномъ и началъ описывать пышные турниры, блескъ оружія, трубы герольдовъ, роскошные выѣзды, ложи очаровательныхъ дамъ, награждающихъ побѣдителей и розами, и улыбками, и любовью, то у Марыльки закружилось все въ головѣ какими-то радужными цвѣтами, словно въ блестящемъ калейдоскопѣ, сердце забилось и больно, и сладко, а въ груди поднялись волны, напоявшія ее жаждой извѣдать этотъ міръ блеска, радости и несущихся на встрѣчу восторговъ и поклоненій... въ наклоненной головкѣ ея что то смутно стучало: „Ахъ какой онъ интересный, „эдукованный“, все видалъ, все знаетъ, съ нимъ не стыдно нигдѣ!“

— Панъ до того увлекательно говоритъ, что его заслушаешься,— замѣтила, наконецъ, граціозно княгиня.

— Да, очень занимательно...—прожурчала княжна,— панъ такъ много выѣздилъ.

— Не въ томъ дѣло,— наполнилъ канцлеръ себѣ и Богдану кубки бургунскимъ,—иной исколеситъ весь свѣтъ, а вернется еще глупѣе домой... Тому, кого Богъ отмѣтилъ талантомъ, тому только и чужое все въ прокъ, и онъ собранными сокровищами знанія подѣлится съ другими и принесетъ ихъ на пользу своей отчизны... такъ вотъ...— подлилъ онъ женѣ и паннамъ мальвазіи,—выпьемъ за то, чтобы нашъ „шановный“ гость положилъ свои таланты у ногъ нуждающейся въ нихъ Рѣчи Посполитой.

Дамы охотно поддержали предложенный тостъ. Богданъ былъ тронутъ такимъ почетнымъ вниманіемъ и въ изысканныхъ, искрен-

нихъ выраженіяхъ благодарилъ яснѣйшихъ вельможъ. Княгиня, подогрѣтая еще мальвазіей, до того оживились, что сообщила даже нѣсколько городскихъ сплетенъ и анекдотъ про княгиню Любомирскую, сказочную яко-бы невѣсту стараго гетмана.

— А его ясновельможная мосць въ Варшавѣ? — освѣдомился Хмельницкій.

— Нѣтъ, пане,—отвѣтила съ насмѣшкой княгиня,—поплелся съ Любомирскими въ Львовъ встрѣчать молодыхъ... Въ подагрѣ, а туда-жъ! Ногу лѣвую волочитъ, а правой притопываетъ въ полонезѣ—умора!

— У всякаго изъ насъ есть свои слабости,—замѣтилъ князь строго,—а человѣческія слабости требуютъ снисхожденія... тѣмъ болѣе, если онѣ покрываются съ избыткомъ доблестями ума и сердца, и обильною любовью къ отчизнѣ...

— Но согласись, княже, что въ его лѣта ухаживанья и затѣи женитьбы смѣшны,—возразила княгиня.

— Вѣдь это все преувеличено,—пожалъ плечами панъ канцлеръ,—и наконецъ,—обратился онъ съ улыбкой къ Богдану,—красота для всѣхъ возрастовъ всемогуща...

Послѣдній почему-то смутился и отвѣтилъ не совсѣмъ впопадъ:

— Да, такого великаго гетмана, какъ его ясная мосць Конецпольскій, съ такимъ прозорливымъ взглядомъ на государственныя задачи, не было еще у насъ, да и не будетъ пожалуй...

Княгиня закусила губу, а княжна перевела сейчасъ разговоръ на другую тему.

— А какая, говорятъ, красавица эта господаревна Елена, дочка Лупула,—заявила она,—такъ просто сказка! Князь Янушъ, говорятъ, чуть-ли не сошелъ съ ума да и все, вѣроятно, вельможное рыцарство наше ошалѣетъ.

— Ты уже сдѣлай маленькое, единичное исключеніе хотя для одного,—подчеркнулъ Оссолинскій игриво Урсулѣ.

Княжна вспыхнула пятнистымъ румянцемъ и закрылась салфеткой.

— Да, красавица у Лупула не эта Елена, а меньшая, дѣвочка еще, Розанда,—промолвила княгиня.

— Не Розанда, мамо, а Розоланда,—возразила Урсула.

— Все равно, милая,—вставилъ князь,—и Розанда, и Розоланда, и Роксанда: это ихъ волошскія ласкательныя отъ Александра, а что она отличается необычайною красотой, такъ это правда, всѣ кричатъ...

— Но вѣдь ей еще только двѣнадцать лѣтъ,—замѣтила княжна,—а съ этого возраста лица измѣняются очень, да и странно, что о такомъ ребенкѣ кричатъ.

— Ничего нѣтъ страннаго,—взглянулъ на нее отецъ,—все выдающееся, необычайное поражаетъ всякаго съ ранняго возраста... Вотъ, еслибъ у меня былъ сынъ теперь восемнадцати лѣтъ, и я бы могъ помечтать о такой невѣсткѣ...

„Тимко“,—почему то мелькнуло въ головѣ Богдана, но онъ самъ разсмѣялся въ душѣ этому сопоставленію.

А Марылька все время сидѣла нѣсколько въ сторонѣ и не вмѣшивалась въ разговоры: или она взволнована была присутствіемъ тата, или по привычкѣ держалась указанной роли.

Когда яства всѣ были убраны, а на столѣ остались лишь кувшины, да пузатыя фляги, да кубки, а затѣмъ и прислуга ушла, тогда Оссолинскій повелъ, наконецъ, бесѣду про жгучій для Богдана вопросъ.

— Вотъ что, княгине,—обратился онъ серьезнымъ тономъ къ женѣ,—панъ писарь его королевской мосци, нашъ дорогой гость, проситъ, чтобы мы отпустили сиротку Марыльку къ нему, въ его семью, такъ какъ онъ принимаетъ ее за дочь, да и предсмертная воля покойнаго отца ея выразилась въ томъ же, и панъ Хмельницкій далъ клятвенное обѣщаніе ее исполнить... Такъ, какъ ты думаешь, кохана Карольцю?

— Да, я прошу объ этомъ душевно вашу княжью мосць,—всталъ и поклонился Богданъ.

Эта неожиданная просьба обрадовала и мать, и дочь, а наиболѣе, конечно, Марыльку.

— Если такъ, то мы не имѣемъ права удерживать панны, хотя бы это было для насъ и больно,—отвѣтила съ худо-скрываемой радостью княгиня.

Марылька взглянула на Богдана такимъ взглядомъ, отъ котораго затрепетало у него все: въ немъ была и благодарность, и нѣга, и залогъ неисчерпаемаго блаженства.

— Да, и я говорю,—добавилъ канцлеръ,—что съ Марылькой разстаться намъ больно: мы такъ привязались къ ней... но для ея счастья мы должны себя забыть... Здѣсь рѣшающій голосъ принадлежитъ ей... Ergo, согласна-ли ты, Марылька, уѣхать съ паномъ Хмельницкимъ и войти, такъ сказать, въ его семью?

Всѣ обратили взоры на Марыльку. Богданъ, хотя и зналъ возможный ея отвѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, сидѣлъ, какъ на угляхъ.

Марылька подняла, наконецъ, глаза и взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ заявила:

— Да, я согласна, потому что я вѣрю въ искреннее, безкорыстное расположеніе ко мнѣ вельможнаго пана, порукой этому его доблестное благородное сердце... да и, наконецъ, отецъ мой, страдалецъ, ему меня поручилъ. Великодушный рыцарь спасъ мнѣ жизнь, обласкалъ меня, онъ и его семья единственные мнѣ близкіе люди на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ только остается вмѣстѣ съ моимъ покойнымъ отцомъ молиться за нихъ... и бла...—но голосъ ея оборвался, и изъ ея прекрасныхъ очей вдругъ покатились жемчужныя слезы.

Богданъ до того былъ растроганъ, что чуть не бросился осушать поцѣлуями ея слезы.

— Вотъ какъ!—протянула недовольно княгиня.

— Да ей, мамо, дѣйствительно тамъ будетъ удобнѣе, проще и... болѣе подходяще,—добавила язвительно княжна.

— Ну, значитъ, благодаря Богу, устроилось,—произнесъ сухимъ тономъ и канцлеръ.—Такъ собирайся же поскорѣе, моя панно: его мосць спѣшитъ, ему и одного дня нельзя больше остаться въ Варшавѣ. А какъ же она, мой пане, поѣдетъ?—обратился онъ къ Хмельницкому.

— Пусть ясное вельможество не безпокоится: я достану удобный „повозъ", колымагу, что нужно, обставлю удобствами, почетомъ,—дрожалъ Богданъ, словно въ лихорадкѣ.

— Но удобно ли, что одна?—покосилась на мужа княгиня.

— Я Зосю подарила Марылькѣ,—торопливо сообщила княжна, боясь, чтобы мать въ сердцахъ не затѣяла разстроить этой поѣздки.—Она такъ ей предана и досмотритъ отлично въ дорогѣ, право, мамо!—бросила она въ ея сторону выразительный взглядъ.

— А коли такъ,—кивнула незамѣтно головою княгиня,—то дѣло устраивается, и мы можемъ только сказать нашей бывшей временной гостьѣ: съ Богомъ!

Марылька поблѣднѣла на мигъ, глаза ея вспыхнули гнѣвомъ, выраженіе лица освѣтилось презрѣніемъ.

А Богданъ стоялъ словно очарованный и не слышалъ, и не понималъ, что вокругъ него происходило; въ головѣ у него стоялъ чадъ, въ груди звучала пѣснь жизни, а въ сердцѣ трепетало молодое, неизвѣданное имъ счастье.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ[1].

(1846—1877 г.г.).

26.

Какъ мнѣ возблагодарить Васъ, почтеннѣйшій изъ земляковъ, за все, что вы для меня дѣлаете? Поистинѣ: Prodesse qui vult, nec potest aeque, est miser. Да вже жъ колы-небудь и якъ небудь выплатымо й мы вамъ свій довгъ.

Справедливо все, что Вы изрекли объ Иванѣ IV, но согласитесь, что онъ представляетъ собою любопытный и поучительный примѣръ, какъ несчастенъ человѣкъ съ горячимъ характеромъ, съ испорченнымъ сердцемъ и съ неограниченною властью дѣлать худое! Кромѣ того, интересуютъ меня въ его эпоху нѣкоторые вопросы касательно отношеній низшихъ сословій къ высшимъ: носъ мой чуетъ тутъ издали романтическія комбинаціи. Какъ бы то ни было, всякое новое знаніе дѣлаетъ голову свѣтлѣе и способнѣе къ узнанію неизвѣстнаго еще ей. Благодарю Васъ за каталогъ изданій Историческаго Общества.

На это письмо Вамъ нечего отвѣчать, а при новой книжкѣ „Чтеній“ потрудитесь написать всякой разъ хоть по двѣ строчки о своемъ благоденствіи и еще о чемъ-нибудь, что для меня было бы полезно знать. Вашъ П. Кулѣшъ.

1848, янв. 17 Тула.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 10.

34 [1]).

Октября 28, 1848. Тула.

Я все ожидалъ разрѣшенія оставить Тулу, чтобъ похвалиться своимъ благополучіемъ Вамъ, почтеннѣйшій землякъ; но ожиданіе мое не исполнилось, и я по другой причинѣ продолжалъ свое молчаніе: не хотѣлось и увѣдомлять Васъ о томъ, что непріятно ни говорить, ни слышать. Теперь изъ одной крайности перехожу въ другую: сбираюсь купить домъ въ Тулѣ и зажить въ немъ такъ спокойно да мирно, чтобъ не хотѣлось и на родину. Меня сперва сильно мучила непривѣтливость и грубость Туляковъ, но нѣтъ зла, съ которымъ не возможно бы было сжиться, и я на это смотрю теперь, какъ суровость климата или другое физическое зло. Есть что-то даже пріятное въ совершенномъ отчужденіи отъ окружающаго насъ народонаселенія: дѣлаешь, что хочешь, распоряжаешься съ собою, какъ заблагоразсудится. Службы мнѣ до сихъ поръ не дали, и будущность съ этой стороны не представляетъ мнѣ ничего утѣшительнаго. Я не пріобрѣлъ ни единаго знакомаго въ теченіе цѣлаго года, а враговъ и ненавистниковъ знаю, что пріобрѣлъ очень довольно, и если мнѣ удастся быть счастливымъ здѣсь въ своемъ уединеніи на зло обстоятельствамъ и людямъ, то я буду истинный герой жизни.

Благодарю Васъ за здравый совѣтъ объ Одиссеѣ. Сбившись съ дороги обычныхъ трудовъ и не зная, за что схватиться, чтобъ не обветшать въ бездѣйствіи, я безъ Вашего совѣта навязалъ бы, можетъ быть, себѣ долгій и безполезный трудъ.

Объ «Исторіи Бориса Годунова и Димитрія Самозванца» я не получилъ еще отвѣта изъ III отдѣленія.

Теперь не занятъ ничѣмъ въ особенности, и большая часть моихъ помышленій устремлена на покупку или постройку дома.

Пишетъ ко мнѣ мой шуринъ изъ Петрозаводска, что старинный реэстръ козацкій отправленъ къ Вамъ давно. Нашли Вы что-нибудь годное для «Чтеній» изъ доставленныхъ мною Вамъ матеріаловъ? Въ Вашемъ университетѣ проходитъ теперь по мытарствамъ праведная душа, именующаяся на землѣ Петромъ Яковлевичемъ Сердюковымъ. Это человѣкъ истинно fato profugus, и если Вы имѣете средства облегчить для него полученіе ученой степени, то сдѣлаете дѣло истиннаго благочестія. И разумный, и ученый, и добрый, и въ высочайшей степени честный человѣкъ этотъ Сердюковъ, но на бѣду себѣ

[1]) Письма подъ №№ 27—33, писанныя по-малорусски, будутъ помѣщены въ въ концѣ статьи.—*Ред.*

горячъ, и отсюду всѣ его университетскія злострадавія! Ради Бога обласкайте, усладите его душу Вашею дружбою, если можно утвердите даже его въ Москвѣ доставленіемъ какой нибудь службы! Вы въ немъ пріобрѣтете для науки неутомимаго, благороднаго и, безъ всякаго сомнѣнія, полезнаго труженика. До свиданья. Весь Вамъ П. Кулѣшъ.

---

36 [1]).

17 ноября, 1848. Тула.

Получилъ я наконецъ Ваши «Славянскія Древности» и «Исторію Русовъ», почтенный другъ мой Осипъ Максимовичъ. Не нужно и говорить, сколько разъ я облизался послѣ такихъ лакомствъ, да и долго еще буду облизываться. Это все равно, какъ если въ борщъ попадетъ хорошій масолъ: снаружи вкусно, а внутри еще вкуснѣе, лишь бы достало умѣнья туда добраться. Такъ и Ваши книги, а особливо «Славянскія Древности». Что это за Шафарикъ, что это за голова, что это за характеръ, что за душа! У насъ одни Вы наслѣдовали его ревность къ дѣлу науки и правоту ученой дѣятельности: нужно жъ было обстоятельствамъ бросить вамъ камень преткновенія на пути! Неужели дѣлами человѣческими управляетъ игра слѣпаго случая? Неужели неправда тому, что сказалъ поэтъ:

„Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями?“

Если не неправда, то да перенесемъ безъ ропота и этотъ ударъ—какъ ни великъ онъ, какъ онъ ни тяжекъ—и сохранимъ любовь къ истинному и прекрасному на всѣхъ путяхъ жизни, при всей невзгодѣ обстоятельствъ. Лучшее утѣшеніе въ горѣ да будетъ то, что не стяжаніе богатствъ и не удовлетвореніе тщеславія было нашею цѣлью, когда мы для науки и искусства не досыпали ночи, не доѣдали куска хлѣба, добровольно терпѣли разнаго рода лишенія. Насъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій—это не наша бѣда, если для человѣка единственная награда и единственное наказаніе существуетъ въ его совѣсти и въ сознаніи правоты или неправоты его дѣйствій. Извѣстіе о постигшемъ Васъ несчастьи сперва сильно меня поразило: мнѣ показалось, что вмѣстѣ съ Вами пала исторія, пала народная словесность, пали, погибли навсегда драгоцѣнные остатки нашей старины. Но, къ счастью

[1]) Письмо подъ № 35, писанное по-малорусски, будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

моему, какой-то тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще до высокой степени, и невозможно ничѣмъ убить его. Пускай торжествуютъ Погодины и имъ подобные; не подкопать имъ алтаря, при которомъ Вы служили, какъ подкопали они Васъ. Кто знаетъ? Можетъ быть претерпѣваемыя Вами теперь гоненія пріобрѣтутъ для науки многихъ безкорыстныхъ тружениковъ, а Ваше имя покроютъ новою славою, которую Вы давно заслужили. Да при томъ же, у Васъ не отняты еще средства быть благотворнымъ органомъ просвѣщенія. При Вашей трезвой и дѣятельной жизни Вы можете пріобрѣсть независимыя средства для изданія въ свѣтъ трудовъ своихъ и историческихъ матеріаловъ. Да поможетъ Вамъ въ этомъ Богъ, присущій въ сердцахъ благородныхъ людей, Вамъ сочувствующихъ! а ихъ безъ сомнѣнія много. Мужайтесь, и да крѣпится сердце Ваше! Вы умѣли быть великимъ труженикомъ при благопріятствовавшихъ Вамъ финансовыхъ обстоятельствахъ; будьте имъ и при недостаткѣ денежныхъ средствъ и въ самой даже бѣдности. Велико и свято дѣло науки, на которое Вы посланы въ жизнь: прощая людямъ закоснѣлость ихъ сердецъ и всѣ причиняемыя Вамъ обиды, творите волю пославшаго Васъ и помните, что Вы соль земли; если и Вы обезсилѣете, то чѣмъ она тогда осолится? Простите мнѣ смѣлость, съ которою принялся я Васъ не только утѣшать и ободрять, но и увѣщевать. Это—дѣйствіе моей любви къ наукѣ и къ Вамъ, достойному ея дѣлателю. Счастливъ я буду, если Вашъ духъ и безъ того крѣпокъ и непоколебимъ; но судя по себѣ, думаю, что и сильному духомъ пріятно, если другая душа принимаетъ его горе, какъ собственное, и рада всѣми средствами пособить ему. Нуждаетесь-ли Вы, или не нуждаетесь въ пособіи, не знаю, но долженъ предложить его, чтобъ не обвинять себя, какъ человѣка и писателя. Итакъ вотъ какъ оно ни слабо—пособіе нравственное; что касается до вещественнаго, то и въ этомъ отношеніи я не такъ бѣденъ, чтобъ не могъ предложить его. Можетъ быть, Ваши финансы теперь разстроились, а Вамъ нужны деньги на то, чтобы безъ службы устроить себѣ какой нибудь источникъ доходовъ, напримѣръ печатать книгу, купить домъ или что нибудь подобное. Знаю по опыту, что въ обстоятельствахъ, подобныхъ Вашимъ, занять денегъ—всего труднѣе. Не хотите ли взять у меня двѣ тысячи ассигнаціями безъ процентовъ на неопредѣленное время? Я собралъ ихъ на покупку домика, но какъ мнѣ, по видимому, скоро дадутъ должность, тогда домика я покупать не буду (тяжко какъ-то на чужой сторонѣ!) и эти деньги будутъ ле-

жать у меня безъ употребленія. Если-бы Вамъ понадобилось еще двѣ тысячи, то могу служить Вамъ съ удовольствіемъ, хоть и не съ первою почтою.

Теперь благодарю Васъ шырымъ серцемъ за Ваше желаніе посѣтить меня. Истинно Вы среди филипповки сдѣлали бы для меня великъ-день. Хоть я и въ чужой хатѣ живу, но нашлось бы для Васъ мѣсто. Разумѣется, Вы должны напередъ приготовить свое воображеніе къ моей квартирѣ. Я живу въ двухъ комнатахъ, бѣдныхъ и худо убранныхъ, но надѣюсь, это Васъ не оттолкнетъ отъ меня. Еще знаете, что? привозите съ собой и Вашу сестрицу. Я знаю, что она очень бы сошлась съ простымъ нравомъ моей жинки. Мы бъ имъ комнату совсѣмъ отдали, а сами истинными козаками лягли-бъ у покотъ у свитлыци. Хоть бы денька три Вы намъ подарили. Все таки одлыгло бъ на серденьку, побалакавшы зъ землякомъ! а то прытьмомъ одъ нудьги погыбаемо!

На всякій случай вотъ гдѣ моя квартира: на Старой Воронежской улицѣ въ домѣ Нечаевой, первый деревянный домикъ отъ «1-й части», если идти изъ центра города, 3 окна на улицу. Хозяинъ этого дома столоначальникъ консисторіи Ив. Мих. Нечаевъ, но домъ записанъ на имя его сестры. До свиданья. Весь Вашъ П. Кулѣшъ.

37.

24 ноября, 1848 Тула.

Предпослѣднимъ письмомъ Вы, Осипъ Максимовичъ, навели на меня тоску и даже досаду, такъ что я не вытерпѣлъ и сказалъ: «чортъ знае що пыше!» За то послѣднее меня успокоило. Истинно, такъ все есть на свѣтѣ, какъ Вы говорите! Плетью обуха не перешибешь, а съ покорностью судьбѣ и терпѣливостью достигнешь благъ, дарованныхъ и здѣсь добрымъ душамъ. Полежимъ на прилавкѣ, какъ Вы прекрасно выразились, и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безпечно веселиться зрѣлищемъ треволненій свѣта. Мы трудились щиро, работа взята у насъ изъ рукъ: отчего-жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашымъ ворогамъ було тяжко: пускай видитъ весь свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Его! Иначе—какая жъ была-бы разница между честнымъ и безчестнымъ человѣкомъ, если тотъ и другой удалены отъ обычнаго поприща? Итакъ не унывайте, мой шановный друже.

Теперь позвольте попросить Васъ о нѣкоторомъ одолженіи. Жена моя будетъ проѣзжать черезъ Москву въ Петербургъ. Занылила сердешна на безлюдьи, хоче побачыть родычивъ и прыятеливъ. Такъ если она не найдетъ готоваго къ отходу дилижанса, то прошу дать ей пристанище на нѣсколько часовъ у Вашей сестрицы. Она будетъ въ Москвѣ между воскресеньемъ и понедѣльникомъ, а можетъ быть немного и раньше, такъ ужъ, будь ласка, такъ распорядитесь, чтобъ и въ Ваше отсутствіе ей отворили у Васъ двери странноприимства. Если жъ она застанетъ дилижансъ, то и не будетъ Васъ безпокоить. Но думаю, что первое случится вѣроятнѣе. Въ такомъ случаѣ Вы не откажите послать своего хлопця за ея чемоданчикомъ, и потомъ, если понадобится, для покупки мѣста въ почтовой каретѣ, а если нельзя въ почтовой каретѣ, то хоть и въ частномъ дилижансѣ.

Но нѣтъ; сейчасъ я былъ въ почтовой конторѣ и узналъ, что дилижансъ отправится въ пятницу; жена моя (безъ служанки) будетъ къ Вамъ въ субботу, можетъ быть, вечеромъ. Воскресенье пробудетъ у Васъ, а на понедѣльникъ потрудитесь взять для нея въ почтовой каретѣ мѣсто до Петербурга. Я не посылаю денегъ, чтобъ не платить напрасно за пересылку; надѣюсь, что у васъ отыщется 20 руб. серебр. На всякій случай выговорите отсрочку у Управляющаго почтовою конторою: онъ очень добрый человѣкъ и дѣлаетъ это для дамъ. Впрочемъ, я думаю, что она какъ разъ подоспѣетъ къ Вамъ въ назначенное время. Имя моей жены Александра Михайловна. До свиданья. Вашъ П. Кулѣшъ.

NB. Если въ субботу вечеромъ она не будетъ, то потрудитесь отправить часовъ въ 5 или въ 4 послѣ обѣда своего слугу туда, куда приходятъ почтовыя кареты, и ожидать пока придетъ карета изъ Тулы. Ночью жена моя не въ состояніи будетъ одна переѣхать къ Вамъ.

38.

18 дек. 1848 Тула.

Полагая, что моя Александра Михайловна гостила у Васъ и Вашими заботами отправилась далѣе, приношу Вамъ, многоуважаемый землякъ, сердечную мою благодарность. Ожидаю отъ Васъ увѣдомленія, что отъѣздъ ея устроенъ, какъ слѣдуетъ, и что она здорова. Теперь будьте такъ добры, потрудитесь купить и выслать мнѣ слѣдующія книги:

1. The Vicar of Wakefield, by Goldsmith, avec la prononciation anglaise figurée par des caractères et de sons français, par Cumberworth, ancien professeur d'Anglais de hh. AA. les princes et princesses d'Orleans; Paris, 1839; (4 fr 50). Та же книга en anglais et en français стоитъ 5 fr 50. Если найдете сіе послѣднее изданіе, то предпочтите его первому, безъ французскаго перевода.

2. *Разсказъ козака Моисея Осьмака* о томъ, какъ онъ хозяйничалъ у себя дома, и о томъ, что онъ сдѣлалъ для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ Гоголевской волости Черниговской губерніи. Изданіе отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ Спб. 1848.

NB. Эту книжку прошу купить въ такомъ только случаѣ, если она писана по малороссійски или хоть и по русски, но содержитъ въ себѣ характеристическія черты малороссійскаго быта и вообще наполнена не сухостями. Я хочу имѣть ее, какъ матеріалъ для изученія нравовъ и обычаевъ народныхъ мѣстныхъ. Если жъ это такъ соби, мана, то цуръ ій.

3. Есть Лейпцигское Tauchnitz edition собранія англійскихъ писателей (Collection of British Authors), котораго каждый томикъ продается отдѣльно по 60 коп. сер. Прошу купить четыре томика романовъ В. Скотта этого изданія.

Я имѣю изъ нихъ слѣдующіе: 1, Quentin Dorward, 2, the Antiquary, 3, Wawerley, 4, Ivanhoe—такъ этихъ романовъ не покупайте, а потщитесь купить четыре другихъ, по собственному выбору. Со временемъ я всѣ пріобрѣту, а теперь купите такіе, которые Вы сами наиболѣе цѣните.

4. Прошу купить Ivanhoe Вальтера Скотта въ нѣмецкомъ переводѣ (если можно готскимъ, а не французскимъ шрифтомъ). Я до сихъ поръ плохо знаю по нѣмецки и хочу подкрѣпить себя такимъ образомъ. Англійскій языкъ убѣдилъ меня, что это лучшій способъ языкоизученія. Я ѣдучи за границу понималъ едва сотое слово въ книгѣ, а теперь читаю книги свободно, рѣдко обращаясь къ словарю.

5. Еще прошу купить Нѣмецко-русско-французско-англійскій словарь Рейфа, т. е. 3-ю часть его четырехтомнаго недавно вышедшаго словаря. Цѣна 2 р. 50 к. сер. за часть. Этотъ словарь прошу отдать въ дешевый, но красивый переплетъ и прислать потомъ вмѣстѣ съ другими книжками. На всѣ эти книги мало 5 ти руб, оставленныхъ у Васъ Александрою Михайловною, такъ потрудитесь увѣ-

домить, сколько издержите на покупку, переплетъ и пересылку своихъ, а я немедленно вамъ дошлю.

А що жъ коханый земляче, якъ бы теперъ, якъ ось нема моей старой дома, та завытавъ до мене у господу? Самъ нагадавъ, добродію, дакъ не здывуй, що мыни воно *рупыть*(?).

Зъ велыкымъ пошанованнемъ до послугъ тоби щырый П. Кулѣшъ.

Вотъ еще просьба. Не считайте этого безстыдствомъ, потому что, во первыхъ, я готовъ отблагодарить васъ какими угодно услугами (а мало-ли придется на вѣку испытать нуждъ?), во вторыхъ, исполните эту просьбу только въ такомъ случаѣ, когда ее вамъ очень не тягостно исполнить. Я бы желалъ имѣть всѣ отдѣльные оттиски матеріаловъ для Малоросс. исторіи, печатанныхъ въ Чтеніяхъ, кромѣ Конисскаго, котораго зъ вашей ласки имѣю. Это облегчаетъ трудъ. При томъ эти матеріалы должны быть для нашего брата настольными книгами.— Да ще якъ бы булы ласковы перекынулы книжечку наськихъ казокъ. Дитвора въ Малороссіи уси позачытувала на вики.

---

41 [1]).

11 іюня 1849. Тула.

Не знаю, что Вы подумали о моемъ долгомъ молчаніи, почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, а можетъ быть Вы и ничего худого не подумали. Я жъ объясню Вамъ это простыми обстоятельствами житейскими, которыя вращали мой умъ то сюда, то туда и отвлекали отъ увѣдомленія Васъ о себѣ. Притомъ же я ждалъ какой-нибудь перемѣны въ своей судьбѣ, но, видя, что всѣ надежды одинаково обманчивы, не полагаюсь уже на тѣ, которыя остаются у меня (по благости Провидѣнія, для поддержанія душевной бодрости) въ запасѣ, и не откладываю отзыва къ Вамъ.

Ой хто в лиси озовыся.
Да выкрешемъ огню,
Да покурымъ люльы
Не журыся!

И такъ увѣдомляю Васъ (будучи увѣренъ, что Вы желаете знать о моихъ обстоятельствахъ):

Въ первыхъ, о томъ, что по прежнему живу безъ службы и безъ всякихъ знакомствъ.

---

[1]) Письма подъ №№ 39 и 40, писанныя по-малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.— *Ред.*

Въ вторыхъ, что испыталъ новыя непріятности отъ подлости хозяевъ и на дняхъ перемѣняю еще разъ квартиру.

Въ третьихъ, что переписки не веду почти ни съ кѣмъ, отчасти изъ экономіи, а отчасти для того, чтобъ не подозрѣвали тутъ чего-нибудь дурнаго.

Въ четвертыхъ, что сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ итальянскомъ языкѣ.

Въ пятыхъ, что въ послѣднія недѣли принялся опять за историческій романъ, начатый въ прошломъ году, прерванный для исторіи, потомъ забытый, наконецъ сожженный для того, чтобъ не мѣшалъ мнѣ выдумать основу иначе, такъ какъ я, послѣ исторіи, не былъ доволенъ написаннымъ. Теперь, на мѣсто уничтоженнаго томика, написалъ новый, которымъ я доволенъ больше, и надѣюсь окончить къ осени совсѣмъ свое компонованье. А вы что дѣлаете и какозо живется вамъ?

Прислать ли Вамъ *Новыя Стихотворенія Жуковскаго*, или могутъ еще лежать у меня до желаннаго перевода въ Петербургъ?

Посылаю пять рублей серебромъ и покорнѣйше прошу Васъ положить ихъ въ Опекунскій Совѣтъ на имя Маріи Ильиничны Боголюбцовой, дочери помѣщика Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда Ильи Ѳедоровича Боголюбцова. Это маленькая крестница моей Александры Михайловны. Билетъ прошу Васъ хранить у себя, сообща намъ только номеръ, а при удобномъ случаѣ Вы намъ вручите или передадите.

Какъ бы намъ съ Вами рѣшить дѣло объ *украинскихъ преданіяхъ*? Если общество, въ благодарность за Ваше безпримѣрное усердіе, взвалило на Васъ издержки за всѣ книги, непоявившіяся еще въ Чтеніяхъ, то увѣдомите, сколько начтено за украинскія преданія, я при первой возможности пришлю Вамъ эти деньги, а преданія хоть сожгу, если ихъ впослѣдствіи не позволятъ выпустить въ свѣтъ.

Установимъ писать другъ къ другу о себѣ и обо всемъ, что желаемъ взаимно сообщить, въ извѣстные сроки, не ожидая отвѣта. Назначьте эти сроки по своимъ занятіямъ и обстоятельствамъ, а я заблаговременно на нихъ соглашаюсь. Писать чаще будетъ зависѣть отъ охоты каждаго, но въ срокъ письмо должно быть отправлено. Это нужно для того, чтобъ не терять другъ друга изъ виду въ пучинѣ житейскаго моря. Я не скоро встрѣчусь въ этомъ морѣ съ такимъ плавателемъ, какъ вы, и радъ бы прикрѣпить къ вамъ свою лодку канатомъ.

Александра Михайловна моя шлетъ Вамъ и Вашей сестрицѣ усерднѣйшіе поклоны. Она говоритъ, что нигдѣ ей не было такъ затышно, какъ у Васъ. Да и могло-ли быть гдѣ нибудь такъ по малороссійски, какъ у Васъ? П. Кулишъ.

42.

26 іюня, 1849. Тула.

Податель этого письма, Тулякъ, воспитанникъ Моск. университета, Кондратій Михайловичъ Ивановъ. Онъ знаетъ меня немножко въ Тулѣ и можетъ засвидѣтельствовать, что я живъ и здоровъ.

Это письмо примите за условленное, которое я долженъ написать къ Вамъ 1-го числа.

Я очень благодаренъ Вамъ за избавленіе меня отъ платежа за имѣющую въ неизвѣстное время выти въ свѣтъ книгу, т. е. за Украинскія преданія; но еще разъ повторяю, если не сведете концовъ съ концами посредствомъ торговыхъ оборотовъ, то прямо объявите мнѣ; за свое добро я заплачу во всякое время. Очень пріятно мнѣ было узнать, что разсчетъ съ Историческимъ Обществомъ не нанесъ Вамъ неисправимаго денежнаго вреда. Не забывайте всякій разъ упоминать въ отвѣтахъ своихъ (вы очень ловко загнули мнѣ карлючку зъ мого хворосту, заставя меня аукать, а себѣ предоставя откликаться) о движеніи книжной вашей производительности. Вы чреваты теперь нѣсколькими, можетъ быть, драгоцѣнными и для меня изданіями, о которыхъ я думаю съ немалымъ нетерпѣніемъ.

До меня трудно дойти какимъ бы то ни было слухамъ, потому что я веду жизнь затворническую и не веду ни съ кѣмъ, кромѣ Васъ, постоянной переписки. Жаль бѣдныхъ молодыхъ людей, которымъ теперь труденъ будетъ доступъ къ высшему публичному образованію.

Напрасно вы поторопились прислать обратно 5 руб. Можно бъ сперва списаться. Я бы нашелъ имъ мѣсто и въ Москвѣ. На прилагаемые 3 руб. сер. потрудитесь купить для меня два изъ слѣдующихъ романовъ Вальтера Скотта въ хорошемъ нѣмецкомъ (съ подлинника) переводѣ: 1) Айвенго, 2) Квентинъ Дорвардъ, 3) Антикварій, 4) Гей Меннрингъ. 5) Ваверлей; сверхъ того одинъ изъ этихъ романовъ въ итальянскомъ (съ подлинника, а не съ французскаго перевода) переводѣ. Если жъ итальянскаго перевода не найдете, то, мо-

жетъ быть есть Донъ Кихотъ на итальянскомъ (не съ французскаго) языкѣ. Если нѣтъ и Донъ Кихота, тогда уже сами изберите какую-нибудь геніально написанную по итальянски въ прозѣ книгу. Всѣ эти книги прошу отправить въ квартиру г. Иванова, о которой сейчасъ освѣдомитесь. Если что переплатите лишняго, увѣдомите—сочтемся послѣ; если же останутся у Васъ деньги, вручите, т. е. доставьте ихъ съ книгами къ г. Иванову, на уплату за пересылку въ Тулу, что, я увѣренъ, онъ охотно для меня сдѣлаетъ, какъ человѣкъ немножко мнѣ обязанный за мужа своей сестры, которому я сочинялъ просительныя письма, доставившія ему мѣсто въ Москвѣ. Вотъ Вамъ и объясненіе, какимъ образомъ сошелся я съ г. Ивановымъ.

Вчера проѣзжалъ черезъ Тулу сенаторъ А. В. Кочубей, всегдашній покровитель Бѣлозерскихъ. Онъ подалъ мнѣ надежду со временемъ получить мѣсто въ Москвѣ при Каннистѣ. Это сдѣлалось бы скоро, еслибъ не какая-то глупая исторія въ Петербургѣ, обезпокоившая правительство.

И такъ есть надежда, что осенью и мы будемъ жителями московскими. Одна мысль, что я могу васъ тогда, когда вздумается, видѣть и слышать, дѣлаетъ меня веселымъ.

Мы въ новой квартирѣ нашли нѣкоторое спокойствіе. Люди здѣсь заѣзжіе и потому какъ-то добрѣе къ намъ, а Туляки до сихъ поръ худо рекомендовали себя передъ нами. Я однако жъ нѣсколько дней передъ, во время и послѣ переѣзда въ новую квартиру, убилъ задаромъ и теперь еще не совсѣмъ оправился въ своихъ занятіяхъ.

Прилагаемую при семъ брошку прошу передать Вашей сестрицѣ на память отъ Александры Михайловны, которая желаетъ хоть вполовину такъ часто приходить ей на мысль, какъ она приходитъ на мысль Александрѣ Михайловнѣ. Нельзя ли сдѣлать изъ этой вещицы по буднямъ повседневнаго употребленія, напримѣръ, для закалыванія платка и т. п? Таково желаніе А. М-ны. Обнимаю васъ П. Кулѣшъ.

Что за пѣсни издалъ М. Максимовичъ въ Кіевѣ? Много-ли? важныя-ли?

43.

27 іюля, 1849. Тула.

Благодарю Васъ, мой добрый и почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, за итальянскія книги. Онѣ выбраны прекрасно. Сильвіо Пеллико, котораго я уже прочиталъ, наполнилъ мою душу знакомыми

и незнакомыми, но понятными для меня чувствами. Это одно изъ краснорѣчивѣйшихъ произведеній, какія мнѣ когда-либо случалось читать. Я заставилъ свою Александру Михайловну писать на бумагѣ уроки, которые даю ей каждый день изъ этой книги; я выправляю ея переводъ, и черезъ нѣсколько времени составится такимъ образомъ цѣлая книжка. Потрудитесь увѣдомить меня, не переведены-ли Le mio Prigioni на русскій языкъ и не будетъ-ли эта книга противна желаніямъ русской цензуры? По мнѣ, такъ это христіаннѣйшая книга, которую, кажется, должно-бы одобрять всякое правительство, но у всякаго свой умъ и толкъ. Вы назвали эту книгу «Темничнымъ Сидѣньемъ Сильвіо Пеллико», какъ вы думаете? не назвать-ли такъ нашъ переводъ? или должно сохранить подлинное заглавіе: Мои темницы, воспоминанія Сильвіо Пеллико Саллюсскаго»? Я намѣренъ эту книжку напечатать подъ именемъ переводчицы, потому во первыхъ, что для меня нужно просить разрѣшенія, а во вторыхъ, что какъ-то оно не тово для моей литературной репутаціи—съѣхать съ оригинальныхъ сочиненій на переводы. Отъ меня ждуть чего-то больше. Романъ мой достигъ до 7-ми главъ, но я остановился въ раздумьи, не отбросить ли ему двухъ послѣднихъ главъ и не повести ли повѣсть иначе. Не знаю, чѣмъ еще рѣшу. И тутъ не разгулялся я съ запорожцами, да оно и хорошо показать ихъ міру Божьему въ разные періоды ихъ бытія. Какъ-бы мои литературные труды оживились, еслибъ я жилъ у васъ подъ бокомъ! а тутъ совѣтуйся со стѣнами!

Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Не вдалекѣ отъ города, на низменномъ холмѣ, окруженномъ ровчаками, виднѣется пріятно церковка съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церковки кладбище съ сельскими не пышными крестами, за нею и вокругъ—поля и лѣса. Туда мы чаще всего ходимъ. Однажды вечеромъ залаяла на насъ собака церковнаго сторожа. Выходитъ изъ хатыны старикъ и, прогоняя ее, говоритъ: «А сюды, бесурменъ!» Это восклицаніе заставило насъ остановиться. Старикъ этотъ Воронежской губерніи малороссіянинъ, выслужившій въ солдатахъ 27 лѣтъ. Жинка—московка перетащила его изъ Малороссіи въ Тулу, но ему здѣсь плохо живется: онъ съ грустнымъ восторгомъ вспоминаетъ о томъ, что въ Малороссіи можно за шагъ купить кавунъ, и собирается съ деньгами, чтобъ купить себѣ коняку и переѣхать на родину. Онъ шьетъ башмаки; мы поощрили его ремесло, купивши у него пару башмаковъ, хотя они и не отличаются изяществомъ. За то, говоритъ, годъ носить-

мете, чему отъ души вѣримъ. Съ нами познакомились двѣ бѣдныя дѣвушки, изъ которыхъ одна даетъ уроки А. М-ѣ на фортепьянѣ, а другая — обоимъ намъ въ разговорномъ французскомъ языкѣ. Теперь мы каждый день имѣемъ у себя кого-нибудь за чаемъ и гуляемъ не одни. Хозяева наши очень къ намъ усердны. Словомъ, намъ пошло какъ-то веселѣе жить въ Тулѣ. Вчера мы праздновали день моихъ именинъ, чтобъ не нарушать скоромомъ сегоднишней середы. Играли на фортепьяно, пѣли, танцовали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиною полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ томъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности пейзажъ. Обнимаемъ Васъ обоихъ отъ души П. К.

44.

1 Сентября, 1849. Тула.

Благодарю Васъ, Осипъ Максимовичъ, за увѣдомленіе о Сильвіо Пеллико. Цѣлая треть его Темничнаго сидѣнья у насъ переведена, но, по полученіи Вашего письма, дѣло отложено впредь до разсмотрѣнія. Покоривши себѣ достаточно итальянскій языкъ, я главную часть своихъ усилій обратилъ теперь на нѣмецкій, который такъ меня проучилъ, что теперь не оставлю его до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ меня своимъ обладателемъ.

Миръ мой съ Туляками нарушенъ самыми возмутительными для души моей подлостями съ ихъ стороны. Не стоитъ описывать этихъ гадостей Вамъ подробно; довольно того, что еще разъ беру пенатовъ и переселяюсь въ новое жилище. Я нѣсколько пріучилъ себя прощать людямъ ихъ злодѣйства, но не могу, прощая, не страдать чувствомъ обиды. Видъ безнравственности заставляетъ во мнѣ всю кровь болѣзненно волноваться. Я однакожъ перенесъ уже самую бурю, и теперь очень спокойно обдумываю переселеніе, долженствующее совершиться, можетъ быть, и завтра. На всякій случай знайте, что новая моя квартира будетъ въ переулкѣ, идущемъ съ старой Дворянской улицы къ конюшнямъ, въ маленькомъ двухъ-этажномъ, по правую руку стоящемъ трехъ-оконномъ домикѣ Горбунова.

На дняхъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ читалъ я «Исторію завоеванія Перу» Прескотта, по переводу *От. Зап.* Это великое, художественное произведеніе. Я удивлялся историку на каждомъ шагу.

Мы пріобрѣли хорошихъ знакомыхъ въ семействѣ нѣкоего Гусева, пріѣхавшаго сюда недавно изъ Петербурга на службу. Объ этомъ стоитъ Вамъ сказать, потому что въ этомъ семействѣ, къ моей отрадѣ, я нахожу твердыя основанія высокой нравственности, которая больше всего проявляется въ воспитаніи дѣтей. Насъ, кажется, тамъ очень полюбили.

Мы попрежнему здоровы. Какъ ни пошла эта фраза, но я считаю долгомъ помѣстить ее въ дружескомъ письмѣ и самъ того же ожидаю отъ друзей своихъ.

Въ этотъ мѣсяцъ мы вели себя хорошо, но, какъ посмотришь, то какъ будто ничего и не сдѣлано. Впрочемъ, мы собою достаточно довольны, а это главное.

Домашній кругъ нашъ увеличился пріобрѣтеніемъ ученаго кота (служить умѣетъ), который наименованъ мною Пизарро, и цуцыка, наименованнаго Инкою въ память исторіи завоеванія Перу. Цуцыкъ впрочемъ не обѣщаетъ великихъ радостей, и моя «люба хить» усердно проситъ Вашу добрѣйшую сестрицу образовать для нея юнаго потомка Вашихъ псовъ такъ, чтобъ понималъ, когда скажутъ ему, что пора гулять. Обнимаю Васъ, и жинка моя Вамъ и Вашей сестрицѣ низенько кланяется П. К.

45.

1 ноября, 1849. Тула.

Ну, слава Богу! можетъ быть, перемѣна попечителя и министра повлечетъ за собой перемѣну и Вашего положенія въ Москвѣ. Не забудьте увѣдомить, если что-нибудь хорошее, или хоть и нехорошее съ вами случилось. Но подтвердились ли слухи объ оныхъ перемѣнахъ?

Я же получилъ мѣсто помощника редактора губернскихъ вѣдомостей съ 600 р. асс. жалованья. Пожывьвсь, якъ собака мухою! но я доволенъ этимъ мѣстомъ въ томъ отношеніи, что мнѣ остается только брать жалованье и ничего не дѣлать. Оно пожалуй не честно, но я не прочь и отъ дѣла, если бы понадобилось написать что нибудь для этой важной газеты. А жалованье лучше взять мнѣ, нежели какому-нибудь взяточнику.

Подаютъ намъ изъ Петербурга сильную надежду на переводъ въ Москву, только не вѣрится, что-бъ я могъ видѣть Васъ каждый день: это было бы слишкомъ уже хорошо! Если получу вѣрное извѣстіе, то

увѣдомлю Васъ не въ урочное время. А до тѣхъ поръ живите себѣ въ мирѣ, здравіи и благоденствіи. У насъ все по старому и мы совершенно здоровы. Я думаю М. А. Максимовичъ уже былъ у Васъ и разсказалъ о нашемъ бытѣ и о прочемъ. Каково Вы съ нимъ сошлись? пріятно или непріятно Вамъ съ нимъ бесѣдовать?—Что дѣлаетъ Гоголь?—Одинъ человѣкъ просилъ меня освѣдомиться о цѣнѣ книги: Enchiridion Medicum, или Руководство къ медицинѣ. Сочиненіе Гуфеланда. Москва 1845.

Обнимаю Васъ П. К.

---

47 [1]).

1850, января 7, Тула.

Нужно ли увѣрять Васъ, что я отъ всей души раздѣлилъ Вашу радость? Я впрочемъ долго на себя досадовалъ, отчего я не радуюсь возвращенію Вашему на каѳедру такъ, какъ радуюсь счастливому какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ, но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволоку, которая тонкою, но непрерывною нитью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ. Всякой разъ, какъ о Васъ вспомню, я чувствую эту проволоку въ душѣ своей и счастливъ столько, сколько можетъ быть счастливъ человѣкъ, который отъ радости не скаче, а отъ бѣды не плаче. Таковъ я, покрайней мѣрѣ съ нѣкотораго времени таковъ. Ну счасты жъ Вамъ Боже и поможи! А наше дѣло пошло опять въ такую проволочку, что я заблагоразсудилъ основаться здѣсь домикомъ, во избѣжаніе тысячи квартирныхъ непріятностей. Мы, слава Богу, здоровы. По мѣрѣ силъ трудимся. Недавно пріѣхалъ къ намъ братъ Александры Мих., оставивши кадетскій корпусъ по непріятнымъ отношеніямъ, въ которыя онъ, какъ мальчикъ вовсе невоспитанный, поставилъ себя къ начальству. Теперь онъ попробуетъ готовиться къ экзамену въ Медико-хирургическую Академію. Онъ былъ въ Москвѣ и не заѣхалъ къ Вамъ потому, что ему сказали, будто вы въ Казани. Онъ разсыпалъ свои дорожнія деньги и занялъ 3 р. сер. у родственника своего, которому потрудитесь отправить 3 р. сер. при моей запискѣ, а братъ нашъ Василій, получившій уже разрѣшеніе ѣхать изъ Петрозаводска для свиданія съ родными, возвратитъ Вамъ. Я увѣдомлю его объ этомъ, а вы съ своей стороны на всякій случай покажите ему это письмо и онъ Вамъ тотчасъ возвратитъ 3 р. сер. Не посылаю по почтѣ во

[1]) Письмо подъ № 46 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

избѣжаніе безпокойствъ отправки. Василій будетъ ѣхать черезъ Москву не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Родственникъ же оный живетъ у Іоанна Предтечи, у Іоловскаго мосту, въ церковномъ домѣ, а зовутъ его Ѳедоръ Артамоновичъ Сорокинъ; ремесломъ-же онъ костоправъ-старикъ. Бувайте здоровеньки та и насъ не забувайте, а мы обое низенько Вамъ кланяемось. Вашъ Панько К.

48.

1850, февр. 15. Тула.

Ахъ, Осипъ Максимовичъ! стоило ли Вамъ хлопотать для такихъ результатовъ? Какъ это Вы, обстоятельнѣйшій изъ смертныхъ, не поняли, чего я хочу? Мнѣ хотѣлось выгадать рублячку сер., а выходитъ, что я еще сверхъ долженъ приложить — смотрите: за 5 томовъ (Всеобщей Исторіи Лоренца).

въ Тулѣ просили у меня 12 р. сер.

Вы прислали 4 тома за.	9 р.	
На пересылку ихъ издержано		50 к.
Я за объявленіе заплатилъ		6
За письмо къ Вамъ съ вопросомъ		10
За письмо съ деньгами.		23
Вы заплатите за объявленіе.		6
Да за простое письмо заплатили		3
Итого. . .	9 р.	98 к.
Да за 3-й томъ.	2 —	50
Итого. . .	12 р.	48 к.

Все таки я благодаренъ Вамъ за высылку мнѣ Лоренца, какъ за доказательство Вашего усердія.

Я же кончаю одинъ романъ на дняхъ. Онъ изъ современной русско-малороссійской жизни, а заглавіе — *Петръ Ивановичъ Березинъ и его семейство, или люди рѣшившіеся, во что бъ ни стало, быть счастливыми.* Какъ то Господь поможетъ ему пройти чрезъ цензурное мытарство.

3 р. сер. лишнихъ посылаю для костоправа, о чемъ я къ Вамъ писалъ мѣсяца полтора назадъ. Братъ нашъ Василій еще не выѣхалъ изъ Петрозаводска.

Мы живы и здоровы. О прибавкѣ жалованья замолчали, въ чаяніи, вѣроятно, моего поклона, но смѣшно было-бы мнѣ просить о томъ, что имъ приказано изъ столицы. Я себѣ сижу да жду.

Обнимаю Васъ широ. Подружіе Вамъ и Вашей сестрицѣ усердно кланяется. П. К.

49.

10 мая, 1850. Тула.

Я, кажется, давно просрочилъ время, назначенное для увѣдомленія Васъ о себѣ. Не осудите.

Я здоровъ, обстоятельства мои немножечко поправились: мнѣ прибавили 400 р. асс. жалованья и даже—о чудо! передъ праздникомъ дали 30 р. сер. награды. Теперь я титулуюсь редакторомъ неоффиціальной части Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Мнѣ впрочемъ нѣтъ никакой работы (кажется, приказано редактору работать одному, во избѣжаніе какихъ-нибудь казусовъ); а мнѣ и лучше, я занимаюсь дома своими дѣлами. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы я сдѣлалъ мало: одну часть времени я убилъ на безполезныя занятія съ своимъ швагеромъ ex-кадетомъ, страшнымъ лѣнтяемъ, котораго, наконецъ, я предоставилъ на произволъ судьбы; другую на нѣкоторыя услуги пріятелямъ (въ чемъ не раскаиваюсь), а третья пропала сама собою въ досадахъ на глупаго и грубаго мальчишку. Теперь только я начинаю оправляться, возвратясь въ самого себя, и пріобрѣтать душевное спокойствіе, необходимое для умственной дѣятельности. Между прочимъ я совершилъ новый переѣздъ на квартиру, и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ меня сады и пруды, въ которыхъ распѣваютъ безъ умолку водяные жители, что мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи. Никто меня не видитъ, и если такъ прогуляю я въ немъ все лѣто, то много пріобрѣту пользы. У меня особый, отдѣленный отъ хозяйскаго дворъ, который мы превращаемъ въ цвѣтникъ и огородъ. Намъ очень весело, несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя непріятности житейскія. Ожидаемъ пріѣзда новаго губернатора, Козодаева, отъ котораго я надѣюсь улучшенія моего положенія въ Тулѣ. Семейство наше увеличилось: мы выписали изъ Малороссіи семилѣтнюю крестницу и племянницу А—ры М—ны, именемъ Машу, для воспитанія. Она покамѣсть капризна и не до-

ставляетъ намъ много удовольствія, но если А—рѣ М—внѣ удастся искоренить въ ней дурныя начала домашняго воспитанія и дать новую форму ея характеру, то съ нею намъ будетъ веселѣе нежели вдвоемъ, по крайней мѣрѣ будетъ веселѣе А—рѣ М—нѣ въ то время, когда я буду занятъ книгами или службою. Братца же ея я жду не дождусь, чтобъ отъ меня взяли, и, кажется, скоро отъ него освобожусь.

А Вы что? пожалуста увѣдомите обстоятельно обо всемъ, что до Васъ касается. Мы же такъ рѣдко стали съ Вами разговаривать.

Мнѣ нуженъ Англійско-Русско-франц-нѣмецкій словарь Рейфа. Пожалуста поручите книгопродавцу выслать мнѣ его съ первою почтою. Если есть, то въ готовомъ переплетѣ, а нѣтъ—безъ. Да вмѣстѣ съ тѣмъ пускай вышлетъ и Opere Compiute di Silvio Pellico da Salluzzo, 2 volumi, $4^1/_8$ thlr. Эта цѣна выставлена на оберткѣ моего Боккаччіо, а если случится другое изданіе дороже, то и дороже. Если же нѣтъ этой книги, то не найдется-ли сочиненій Манцони или части оныхъ. Если же и тѣхъ нѣтъ, то купите итальянскихъ книгъ по своему выбору. За все прошу заплатить деньги, а я вышлю Вамъ, получа книги и увидя, что они стоятъ.

Будьте увѣрены въ неизмѣнной моей и моего подружья къ Вамъ любви. Поклонъ нашъ, самый усердный, Вашей сестрицѣ. П. Кулишъ.

50.

1850, сент. 6.

Податель этой записки, Г. Соколовъ, бывшій студентъ харьковскаго университета, обратился ко мнѣ съ просьбою, не имѣю ли я въ Москвѣ человѣка, который бы принялъ въ немъ участіе, яко въ человѣкѣ, гонимомъ судьбою или, если угодно, людьми, ну, словомъ, въ человѣкѣ бѣдствующемъ. Будучи на Вашемъ мѣстѣ, я бы, кажется, принялъ въ немъ нѣкоторое участіе, а потому и адресую его къ Вамъ. Я его совсѣмъ не знаю, но онъ мнѣ показался человѣкомъ честнымъ уже потому, что не согласился взять у меня взаймы денегъ при всей наружной его бѣдности.

Я, слава Богу, здоровъ. Совершилъ путешествіе на Куликово Поле, нарисовалъ памятникъ Димитрію Донскому и еще нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ для представленія Великимъ Князьямъ, во время проѣзда ихъ черезъ Тулу. Сегодня все это было имъ пред-

ставлено, при чемъ и самъ я удостоенъ былъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ. Памятникъ будетъ литографированъ, и я пришлю Вамъ одинъ экземпляръ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

51.

1850, дек. 16. Тула.

Наконецъ, добрѣйшій мой Осипъ Максимовичъ, я свободенъ. Мнѣ позволено жить и служить въ Малороссіи и въ обѣихъ столицахъ. Теперь я ѣду на праздники въ Малороссію, а потомъ туда, гдѣ найдется для меня мѣсто. По министерству Нар. Пр. служить мнѣ не позволено, и я, какъ не окончившій курса въ университетѣ, принадлежу ко 2-му разряду чиновниковъ, а для меня, какъ для разсчитывающаго на службу, очень важно быть чиновникомъ 1-го разряда. Нельзи ли мнѣ выдержать въ Москвѣ экзаменъ на кандидата? Я греческаго языка не знаю, латинскій знаю мало, но за то читаю по польски, по французски, по нѣмецки, по итальянски и по англійски, да ще дещо маракую.

Можно-ли сими знаніями восполнить прорѣхи по программѣ, или устроить такъ, что бы я приготовилъ извѣстные вопросы къ экзамену? На все это ожидаю отъ Васъ отвѣта въ Малороссіи. Не найдется ли для меня порядочнаго мѣста въ Москвѣ? Славно бы пріютиться мнѣ у Васъ подъ бочкомъ. Я сильно расположенъ учиться и знаю, что Вы бы своимъ ученикомъ были довольны. Поращуйтесь же вмѣстѣ съ нами нашему освобожденію и напишите ко мнѣ, на мое имя, въ Борзну. Щыро од серця Васъ обыймаю П. Кулишъ.

Жинка моя низенько Вамъ и Вашій сестрыци кланяецца.

52.

1851, февраля 1. С.-Петерб.

Навязалъ я Вамъ, добрѣйшій Осипъ Максимовичъ, трудъ: рукопись моего романа «Березинъ» очень нужна мнѣ, и я покорнѣйше прошу Васъ сыскать мнѣ оную съ первою почтою. Это не пустое желаніе. Она непремѣнно должна быть здѣсь, и потому не подумайте обо мнѣ, какъ о человѣкѣ суетномъ, который то проситъ хранить

его вещь, то требуетъ ее черезъ почту. Нѣтъ, нѣтъ! безъ крайней надобности я бы ее не попросилъ у Васъ. Зачѣмъ? не спрашивайте.

О себѣ не могу еще сказать ничего и долго можетъ быть ничего не скажу; надежды на службу есть, но Вы знаете, что значатъ надежды. Обнимаю Васъ П. Кулѣшъ.

Не поручайте пересылки рукописи Вашему пріятелю, который послалъ книги Никол. Дан. Бѣлозерскому.

Его высокородію, Льву Семенову Кармалѣеву для передачи П. А. Кулѣшу въ С.-Петербургъ. Въ Гороховой, въ домѣ Доливо-Добровольскаго подлѣ московской съѣзжей.

53.

16 апрѣля, 1851. Спб.

Я, наконецъ, нашелъ мѣсто въ Департаментѣ Сельскаго Хозяйства Мин. Гос. Имущ. Меня прикомандировали для усиленія Департамента, предоставя мнѣ исправлять должность редактора въ статистическомъ отдѣленіи и получать его жалованье (715 р. сер.), которое надѣюсь получать съ мая, а можетъ быть и съ іюня. Переводы доставляютъ мнѣ покамѣсть очень мало. Надѣюсь получить работу для Географическаго Общества.

Здравствуемъ оба. Жинка моя посылаетъ Вамъ вмѣстѣ со мною поклонъ и проситъ, да и я тоже, передать его Вашей сестрицѣ.

Въ училищѣ живописи, что противъ почтамта, занимается живописью нѣкто Михайло Ильичъ Бочаровъ. Онъ долженъ прислать мнѣ три картинки (за которыя деньги ему заплачены), но не присылаетъ и не отвѣчаетъ на мои письма. Нельзя ли Вамъ когда-нибудь направить въ ту сторону свою прогулку и, зашедъ въ училище, освѣдомиться о судьбѣ этого молодого человѣка, а потомъ такъ или иначе устроить доставку мнѣ картинъ? Онѣ у него были готовы уже въ проѣздъ мой черезъ Москву, и я только за тѣмъ оставилъ ихъ у него, чтобъ онъ приписалъ на пейзажахъ людей. До сихъ поръ онъ былъ со мною очень честенъ, и я не понимаю, почему онъ не исполняетъ условія.

Съ Срезневскимъ еще нигдѣ не встрѣчался. Дѣла мои идутъ не блистательно, но и не худо. Тружусь довольно. Слава Богу здоровъ, и жинка здорова, чего и Вамъ желаемъ. Вашъ П. Кулѣшъ.

Адресъ: Близъ Владимірской церкви, на углу Загороднаго Проспекта и Щербакова переулка, въ домѣ Костылевой.

54.

1851, мая 19. Спб.

Сколько ни спрашивалъ я въ книжныхъ лавкахъ памятниковъ, касающихся Воронежской губ. и Азова—нѣтъ ихъ нигдѣ.

Удивительно, какъ могъ пропасть слѣдъ живописца Бочарова, столь извѣстнаго въ училищѣ живописи, гдѣ онъ и воспитывался и гдѣ я самъ нашелъ его въ проѣздъ черезъ Москву. Квартира его была тогда за Москвой рѣкой, въ Татарской улицѣ (или слободѣ?), въ домѣ купца Колобова, въ нижнемъ этажѣ, входъ со двора, подъ навѣсомъ вторая дверь.

Мы, слава Богу, здоровы. Я хожу въ англиканскую церковь для усовершенствованія въ англійскомъ языкѣ, а больше нечего Вамъ и сказать о себѣ.

Скоро Васъ посѣтитъ братъ моей жинки Василій, на возвратномъ пути изъ Малороссіи. Покажите ему Вашъ запасъ историческихъ матеріаловъ. Это его займетъ живѣйшимъ образомъ. Бѣдняга долженъ возвратиться въ скучный и безлюдный Петрозаводскъ.

Кланяемось Вамъ и Вашей сестрицѣ нызенько обое. Вашъ П. Кулѣшъ.

Здѣсь въ Апраксиномъ дворѣ попадаются иногда хорошія книги Напишите, не нужно-ли Вамъ какихъ. Я часто роюсь въ этихъ лавочкахъ и могу вамъ служить!

55

1851, августа 1. С.-Петербургъ.

Каждый экземпляръ повѣсти «Магја, etc» стоитъ у Якова Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, по 1 р. 20 к. сер. На 10 или 15 экземпляровъ онъ уступаетъ 20 процентовъ съ рубля. За пересылку должно приложить 50 к. сер. Деньги высылайте на его имя въ книжный магазинъ Якова Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, на Невскомъ проспектѣ.

Туманскаго «Собраніе записокъ о Петрѣ В. и пр.» я нашелъ у одного такого книжника, въ прочномъ и довольно красивомъ переплетѣ, всѣ 10 книжекъ отдѣльно; но меньше 8 р. не отдаетъ.

«Россійскій же Магазинъ» Туманскаго у него неполный, именно не достаетъ изъ 3-й части 2-й, 4-й, и 5-й книжекъ, но и за непол-

ный экземпляръ проситъ 5 руб., а полнаго нѣтъ нигдѣ. Есть, правда, у одного старика, но тотъ проситъ 25 р., что совершенно нелѣпо.

Мы, слава Богу, совершенно здоровы. Я регулярно пью на-тощакъ свѣжую воду и потомъ моюсь переночевавшею въ комнатѣ. Хожу много.

Въ Петербургѣ я началъ изучать испанскій языкъ, и теперь уже почти сплошь разумѣю безъ лексикона Донъ-Кихота, а историческія книжки, такъ и геть-то. Но практическаго приложенія изъ своего язычества я еще не сдѣлалъ. При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не пріобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ. Древними языками не начиналъ еще заниматься, въ ожиданіи возвращенія въ Петерб. Коссовича, которому, если случится, прошу Васъ не преминуть порекомендовать меня въ ученики и попросить его принять меня въ особенную его благосклонность.

Черезъ недѣлю переѣдемъ на другую квартиру. Уже далъ и задатокъ. Ежемѣсячно буду платить по 17 р. сер. безъ дровъ и воды. Адресъ таковъ: въ 5-й ротѣ Семеновскаго полка, въ домѣ Щурова.— Хорошенькія три комнаты, передняя, просторная и свѣтлая кухня, погребъ, сарай для дровъ; квартира во 2-мъ этажѣ, надъ потолкомъ 3-го этажа нѣтъ—стучать никто не будетъ, и что очень важно—въ 5 шагахъ контора омнибусовъ, ходящихъ по Гороховой и потомъ черезъ Васильевскій Островъ на Петербургскую сторону, за 10 к. сер. Эта карета будетъ подвозить меня, въ дурную погоду, очень близко къ Министерству Гос. Имущ., гдѣ я служу. Словомъ—все хорошо.

Не знакомы ли Вы съ Рамазановымъ или другимъ начальствующимъ надъ художественною школою лицомъ? Вы бы могли, при случаѣ, разсказать, какъ Бочаровъ употребилъ во зло мою довѣренность, и получа деньги, не выслалъ картинъ. Можетъ быть, оное лицо усовѣстило бы сего нечестиваго поклонника искусствъ.

Мы съ жинкою низенько Вамъ кланяемось. Вашъ П. Кулѣшъ.

56.

1851, декабря 30. С.-Петербургъ.

Молчаніе мое происходило отъ однообразія моей жизни и занятій. Со мной не случилось ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что теперь служба отнимаетъ у меня гораздо больше время, нежели прежде. Это разстраиваетъ мои домашнія занятія, и я подвигаюсь въ

греческомъ языкѣ (по методѣ Робертсона) очень медленно. Съ Коссовичемъ я не познакомился, потому что имѣю знакомаго грека и латиниста, который во всякое время къ моимъ услугамъ. Не знаю, когда я буду въ состояніи явиться на экзаменъ, но, надѣюсь, поздно не будетъ никогда?

Вы вознегодовали на мои занятія арабскимъ языкомъ. Это такъ, между прочимъ. Случай забросилъ ко мнѣ нѣсколько арабскихъ книгъ, и мнѣ хотѣлось понюхать, чѣмъ онѣ пахнутъ. Теперь я чихаю и кручу носомъ, и не знаю, привыкну ли когда-нибудь къ употребленію этого одуряющаго снадобья.

Мы, слава Богу, здоровы и спокойны. Квартирою своею очень довольны. Выѣзжаемъ очень рѣдко, и у насъ бываетъ не болѣе четырехъ-пяти душъ мужеска и женска пола.

Жинка моя вмѣстѣ со мною усердно кланяется Вамъ и Вашей доброй сестрицѣ. Вашъ П. Кулѣшъ.

---

58 [1]).

1852, февр. 27 С.-Петерб.

Сообщите мнѣ пожалуйста, пане замляче, съ первою почтою, какія можете собрать извѣстія о жизни и дѣяніяхъ Гоголя, чѣмъ премного меня обяжете.

Надѣюсь, Вы получили посланный мною Вамъ черезъ Ханенка гостинецъ.

Мы, слава Богу, здравствуемъ. Осталась ли какая-нибудь рукопись послѣ Гоголя, или все сжегъ? Вашъ П. К.

Я думаю, Вы сами много знаете подробностей, относящихся къ характеру Гоголя. Пожалуйста удружите мнѣ

59.

Я вознамѣрился перемѣститься на службу въ Черниговъ, съ тѣмъ, чтобы, считаясь какимъ-нибудь свехштатнымъ чиновникомъ, приготовиться въ деревнѣ къ экзамену и потомъ искать службы, соотвѣтствующей моимъ познаніямъ. Скоро надѣюсь получить отпускъ и буду переѣзжать черезъ Москву. Потрудитесь увѣдомить меня съ

[1]) Письмо подъ № 57 будетъ помѣщено въ концѣ статьи. —*Ред.*

первою почтою, то-есть сообщить мнѣ заглавіе изданія Гомера, о которомъ Вы мнѣ говорили. Надобно успѣть еще отдать его въ переплетъ. И такъ, скоро увидимся. Вашъ П. К.

1852. авг. 13 С.-Петерб.

60.

1852, авг. 15 С.-Петерб.

Спрашивалъ я у Васъ, какъ называютъ нѣмецкое изданіе Гомера, о которомъ Вы мнѣ говорили, а о Вашей новой квартирѣ, которой адресъ я потерялъ, и позабылъ спросить. Пожалуйста напишите. Мы скоро увидимся. У насъ обратила на себя вниманіе повѣсть въ Современникѣ: Исторія Ульяны Терентьевны, неизвѣстнаго новаго автора. Я тоже нахожу ее хорошею вещью. Прочитайте.

Вашъ П. К.

61.

1852, октяб. 18 Борзна.

Ѣздилъ я въ полтавскую губернію на Михайлову Гору, заѣхалъ къ Вашему брату въ Прилукѣ—онъ уѣхалъ въ Варшаву; заѣхалъ на возвратномъ пути—ушелъ въ казначейство, а у меня время было разсчитано—обождать было невозможно. И такъ до весны.

Максимовичъ здравствуетъ и медлитъ, медлитъ всегда, вездѣ и во всемъ. Я прожилъ у него трое сутокъ. Удивительная мѣстность. Онъ продаетъ мнѣ 8 десятинъ нагорной лѣсной земли, и я намѣренъ съ весны основать подлѣ него колонію, переселивъ туда полторы души своихъ крестьянъ. Туда буду пріѣзжать для отдохновенія изъ столицы, а подъ старость успокоюсь на лонѣ сельской тишины.

Въ Нѣжинѣ заѣхалъ къ Тулову. Онъ говоритъ, что монетъ вырыто плугомъ до 200, изъ которыхъ большая часть серебряныхъ и носятъ названія Владиміра, Ярослава, другого Владиміра и Глѣба (а по мнѣнію другихъ Святополка). Скоро выйдетъ въ Кіевѣ описаніе сихъ монетъ и тогда увидите.

Я буду (или по крайней мѣрѣ надѣюсь быть) въ Москвѣ около 1 ноября. Что это Вы храните столь необычное для Васъ молчаніе на мои немалочисленные вопросы. Особенно нуждаюсь въ теплыхъ

калошахъ, которыя, если точно я позабылъ у Васъ, потрудитесь выслать мнѣ на дорогу, а книги придержите. Я заберу ихъ въ Петербургъ.

Въ Малороссіи я довольно таки работалъ при гульнѣ своей, но оставаться здѣсь далѣе незачѣмъ. Я ѣду въ столицу одинъ, съ тѣмъ чтобы въ маѣ направить путь во-свояси. Вашъ П К.

62.

С.-Петербургъ 1852, ноября 8.

Напрасно я поджидалъ въ Москвѣ извѣстія о квартирѣ. Я до сихъ поръ не получилъ ни перваго, ни втораго моего письма. Но знакомство съ домомъ А. меня вознаградило за просрочку нѣсколькихъ дней. До Петербурга я доѣхалъ въ 22 часа съ половиною. Здѣсь шелъ и идетъ дождь. О Москва! ты настоящая русская барыня, разъѣзжающая въ покойныхъ саняхъ и мирно бесѣдующая въ семейномъ кругу, сидя въ теплой, сухой комнатѣ, а здѣсь.

То дождь, то снѣгъ,
То вялица, то мителица
Крутитъ, мутитъ,
Въ глаза несетъ...

Но увы! Осипъ Максимовичъ! я *долженъ* остаться жителемъ Блатенска. Какое бы мѣсто ни нашлось для меня въ Москвѣ, благоразуміе предписываетъ мнѣ состоять на службѣ въ Петербургѣ. Въ этомъ я тотчасъ убѣдился, лишь только сюда пріѣхалъ. Можетъ быть, современемъ можно будетъ служить и въ Москвѣ, ради моего здоровья, страдающаго отъ Петербургскаго климата; но теперь нечего и помышлять объ этомъ. Увѣдомите запискою или на словахъ И. С. Пускай его заботы обо мнѣ останутся только доказательствомъ его благородной симпатіи. Я рѣшительно остаюсь въ Петербургѣ и пробуду здѣсь до весны. Пани моя съ сестрой пріѣдетъ ко мнѣ черезъ мѣсяцъ или болѣе. Пожалуйста «упустите на нічъ» и проводите ихъ на желѣзную дорогу. Скоро будетъ у васъ съ поклономъ Викторъ Бѣлозерскій. Славный я кавалеръ: получилъ отъ своей жинки воротничекъ для Маремы Никитичны, да вспомнилъ о немъ только въ Петербургѣ. Прилагаю.

Повѣсти моего друга Н. М. возбудили въ Петербургской публикѣ много споровъ за и противъ, что должно служить для него предвѣстіемъ успѣха. Современникъ за нимъ рѣшительно волочится и

самъ говоритъ, что они «скрасили намъ журналъ и придали ему интересу». Кр. бѣсится, что выпустилъ изъ своихъ рукъ. Но какой же онъ дуренъ: зачѣмъ было браниться! Я совѣтовалъ Н. М. не оставаться болѣе въ Совр. на прежнихъ условіяхъ, что онъ и сдѣлаетъ, потому что имъ негдѣ взять ничего лучшаго. Теперь онъ оканчиваетъ третью повѣсть въ томъ же родѣ и когда напечатаетъ въ журналѣ, тогда выйдутъ онѣ всѣ три отдѣльными оттисками подъ общимъ заглавіемъ: «Первые мои знакомые, повѣсти Николая М.» Онъ обѣщаетъ и Вамъ прислать экземпляръ. Я не сказалъ ему, что Вы спали, слушая его Якова Яковлевича; а то бы онъ, пожалуй, разсердился. Вѣдь эти авторы, народъ чрезвычайно щекотливый. Это я знаю по себѣ Слава Богу, что я избавился отъ этой «повѣсти» и вошелъ въ кругъ людей обыкновенныхъ. Вашъ П. К.

Воротничокъ оставляю, потому что надобно отправлять чрезъ почтамтъ, а не черезъ ящикъ, и сегодня мнѣ некогда отправить.

63.

Пишу такъ скоро вслѣдъ за первымъ письмомъ по экстренному случаю. Передайте пожалуста Ив. Сергѣевичу, что Фурманъ продаетъ право изданія Сына Отечества за двѣ тысячи рублей серебромъ. Хорошо бы ему пріѣхать и купить, пока журналъ не попалъ въ руки какому-нибудь кулаку. Вашъ П. К.

1852, ноября 9 С.-Петерб.

Я уже нанялъ себѣ квартиру въ Большой Морской, на углу Гороховой, въ д. Елисеева № 26, ходъ съ Большой Морской.

---

66 [1]).

1853, февр. 17 С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю Васъ за присылку книгъ и за выправку выправки. Въ свое время воспользуюсь Вашими замѣчаніями. Любопытно узнать Вашъ окончательный судъ о новомъ трудѣ моего пріятеля. Мнѣ самому нравится Прокло-Прокловичъ,—тѣмъ болѣе, что онъ не подвергся ни малѣйшему сокращенію со стороны цензора. 3 и 4 части сильно сокращены и измѣнены, 5-я и 6-я опять прошли

---

[1]) Письма подъ №№ 64 и 65 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

безъ большихъ сокращеній, однако въ сложности нѣсколько страницъ выброшено и оттуда.

Увѣдомите пожайлуста меня, или лучше увѣдомляйте, объ успѣхѣ журнальнаго предпріятія г. Леонтьева и его пріятелей. Я отъ всей души желалъ бы видѣть хоть одну путную редакцію на Руси. А то просто курамъ смѣхъ, что за журналисты!

Если найдется путешественникъ, который согласится довести лучшія изъ нашихъ саней до Борзны и оставить тамъ на почтовой станціи, которую содержитъ нашъ родственникъ, то предоставьте ихъ въ его распоряженіе. Намъ бы эта вещь была весьма полезна въ хозяйствѣ на будущее время. Такому путешественнику можно дать наказъ, чтобы онъ сказалъ на станціи, что сани это такого-то и что такой-то просилъ содержателя станціи доставить ихъ для храненія въ хуторъ Николая Даниловича Бѣлозерскаго.

Весною мы намѣрены проѣхать черезъ Москву въ Малороссію. Это будетъ въ маѣ мѣсяцѣ. Тогда ознакомимся съ Москвой основательнѣе, а мнѣ это и нужно: можетъ быть я соберусь съ силами изобразить старинныхъ москвичей въ ихъ столицѣ.

Кланяемся всѣ Вамъ обоимъ усерднѣйше П. К.

Такъ какъ Вы интересуетесь знать, что дѣлаетъ Вашъ пріятель, то довожу до Вашего свѣдѣнія, что въ 1-й кн. Современника его перу принадлежатъ: Прогулки по Петербургу и разборы книгъ: 1, Живописный сборникъ, 2, Исторія Морскаго корпуса, 3, Изюмскій полкъ, 4, Исторія Семеновскаго полка, 5, Исторія Сапернаго Баталіона, 6, Шхеры, 7, Приворотное зелье, 8, Богатая невѣста, 9, Влюбленный въ самого себя; а во второй—Иностранныя извѣстія. Для третьей книжки онъ также пишетъ этотъ фельетонъ.

67.

1853, февр. 24.

Недавно въ Москву прислана изъ Нѣжина книга Тулова объ эстетикѣ. Пожалуйста похлопочите, чтобъ она была похвалена, чего она и заслуживаетъ. Можетъ быть Вы имѣете средства подѣйствовать косвенно, и на Москвитянина. Порученіе Ваше о книгахъ будетъ исполнено.

68.

1853, марта 9. С.-Петерб.

Присутствовалъ я, по словесн Вашему, ажъ три вечера на аукціонѣ дублетовъ и не купилъ ни одной изъ назначенныхъ Вами книгъ, понеже онѣ превзошли мѣру моихъ ожиданій.

Знаете ли, что я хочу дѣлать? Уѣхать изъ Петербурга навсегда,— по крайней мѣрѣ на долго. Въ маѣ будемъ ѣхать чрезъ Москву. Пора пожить естественною жизнью, на родинѣ. Я, конечно, не старикъ, и мнѣ всѣ добрые люди посовѣтовали бы послужить, до чего-нибудь дослужиться; но тяжко дослужиться въ Петербургѣ могилы! Я еще не жилъ на свѣтѣ; я только дослуживался, самъ не зная чего. Теперь хватился за умъ. Дай Богъ, чтобъ не было поздно! Вашъ П. К.

69.

1853, апр. 2 С.-Петерб.

Рекомендую Вамъ Николая Ив. Катенина какъ человѣка образованнаго и прекраснаго. Пригласите его бывать у Васъ по опредѣленнымъ вечерамъ, чѣмъ его и меня много обяжете.

Хрестоматію Бетлинга посылаю. За нее заплачено 1 р. 70 к. сер., а Сакунталу надобно купить у самого издателя, котораго я два раза не засталъ дома. Вашъ П. К.

70.

1853, апр. 13. С. Петербургъ.

Ж. М. Н. Пр. отдѣльными книжками не продается, но мнѣ дали въ редакціи оттискъ нужной Вамъ статьи, который и посылаю.

Послѣ многихъ незаставаній Бетлинга дома, я наконецъ узналъ, что Kalidasa's King Çakuntala можно достать только въ Лейпцигѣ у тамошнихъ книгопродавцевъ, а въ Петербургѣ нѣтъ этой книги.

Вы получите 205 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ сочиненій Н. М. по желѣзной дорогѣ съ товарнымъ поѣздомъ. Изъ нихъ 100 потрудитесь раздать на коммиссію, 100 оставить у себя до новыхъ требованій отъ книгопродавцевъ, одинъ экземпляръ возьмите для своей библіотеки, одинъ потрудитесь передать Вернадскому, одинъ Леонтьеву, одинъ въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей и одинъ пе-

реслать Ив. Кирѣевскому, котораго настоящее мѣстопребываніе намъ неизвѣстно.

Мы собираемся во путь во дорогу, съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто: это minimum, а можетъ быть и совсѣмъ тамъ поселимся. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую свою мебель, книги и разныя вещи, а тутъ еще заболѣла Надежда Михайловна и очень опасно холерою. Мы отчаявались въ ея жизни, но усердіе земляка доктора Пушкарева, свояка извѣстнаго Вамъ доктора Григоровича, спасло ее. Теперь она только лежитъ, но опасность миновала. Я простудился, кашляю и сижу дома, что очень досадно, потому что я въ послѣднее время ежедневно отправлялся на ловитву книгъ въ «книжное царство» на толкучкѣ. У меня въ деревенскомъ уединеніи будетъ весьма порядочная библіотека, и я надѣюсь провести время въ Малороссіи съ большою пользою. Надобно наполнить пробѣлы памяти, которыхъ множество.

Не могу назначить съ точностью времени своего проѣзда черезъ Москву, но желательно было бы выѣхать 1-го мая. Впрочемъ, за недѣлю или болѣе Вы получите отъ меня объ этомъ извѣстіе.

Потрудитесь составить для меня на досугѣ списочекъ источниковъ для изученія эпохи самозванщины въ бытовыхъ отношеніяхъ. Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича введетъ меня въ таинства гражданской и семейной жизни москвитянъ предшествовавшей ему эпохи, слѣдовательно не должно придерживаться въ этомъ случаѣ хронологическихъ предѣловъ. Хотѣлось бы эти книги пріобрѣсть и взять съ собою да хорошенько вчитаться въ нихъ на свободѣ. До свиданья. Кланяемось всѣ обоимъ Вамъ низенько.

Почитающій и преданный П. К.

А что дѣлаетъ у Васъ холера!

Алекс. Однор. продавать по 1 руб. сер., а повѣсти по 75 к. сер. Если найдете нужнымъ, можете дать изъ этой цѣны книгопродавцамъ по 20 процентовъ.

71.

185? г. апр. середа С.-Петерб.

Я забылъ сказать Вамъ въ письмѣ, посланномъ дня три тому назадъ, что Словарь арабскаго языка Казимірскаго въ Петербургѣ еще не полученъ весь, книгопродавцы не знаютъ, оконченъ-ли онъ;

знаютъ только, что вышло 2-го тома десять ливрезоновъ. Съ азіатскими язычниками я не знакомъ, но при случаѣ черезъ своихъ знакомыхъ разспрошу, вышелъ-ли онъ весь въ Парижѣ, гдѣ онъ продается chez Théophile Barrois, libraire Quai Voltaire, B—à la Tour de Babel, какъ сказано на его оберткѣ. Книга эта—1-й томъ и 6 ливрезоновъ 2 го есть у меня. Она принадлежитъ одному путешественнику, котораго возвращеніе въ Россію не иззѣстно. Если для Васъ было бы нужно неоконченное изданіе, то оно можетъ храниться у Васъ до востребованія. Стоитъ же оно полное, по словамъ книгопродавцевъ, 16 р. 50 к. сер.

Посылаю Вамъ билетикъ для полученія съ желѣзной дороги или чугунки книгъ, о которыхъ я писалъ въ предъидущемъ письмѣ.

Я все боленъ. Докторъ запретилъ мнѣ выходить до самаго праздника. П. К.

72.

1853, апр. 20. С.-Петербургъ.

Литовскую библію для Васъ отыщу, лишь только начну шляться по городу: теперь же сижу безвыходно дома, по распоряженію моего врача. Между тѣмъ вотъ къ Вамъ покорнѣйшая просьба. Проситъ меня Никол. Дан. Бѣлозерскій купить для него разныя книги. Вѣроятно, многія изъ нихъ есть въ Москвѣ, поэтому выписываю всѣ требуемыя сочиненія и покорнѣйше прошу Васъ, въ случаѣ обрящете гдѣ, тотчасъ и закупить, о тѣхъ же, которыхъ въ Москвѣ не найдется, увѣдомить меня немедленно, чтобъ я имѣлъ еще время поискать здѣсь. Сіи книги суть.

1) Полное собраніе Р. Лѣтописей съ 4-го тома.

2) Временникъ Общ. И. и Др. Р. съ 12-й книжки.

3) Карта Черногоріи съ объясненіемъ Венгріи, изд. Срезневскимъ.

4) Доктора Ридемахера специф. и универсальн. врачебн. средства.

5) Исторія Боголюбцевъ. Св. Ѳеодорита.

6) Путешествіе по Сициліи 1822, А. Норова.

7) Письма покойнаго алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія 2 экземпляра.

8) Историч. чтенія изъ Ветх. Завѣта 2 экземпляра.

9) Чтеніе изъ 4-хъ Евангелист. 2 экземпляра.

10) Хронологическій циклъ юліанскаго лѣтосчисленія на 11,000 лѣтъ.

11) Шушерина клирика. Записки о. Никонѣ Патріархѣ.

12) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій.

13) Труды и лѣтописи Москов. Истор. Общ. 8 томовъ (непремѣнно *со всѣми* гравюрами).

14) Русскій Истор. Сборн. 7 ч. (съ гравюрами).

15) Исторія Червонной Руси Зубрицкаго.

16) Описаніе древней новгородск. гривны.

17) Предвар. кратк. изслѣдованіе Эверса.

18) Древности Сѣвернаго Понта.

19) Leçont de la litterature et de morale, p. Noël.

20) Хорошую нѣмецкую хрестоматію.

21) Повѣсти и литерат. отрывки Полевого, томы 1 и 2

22) Переводы въ прозѣ. В. Жуковск. Части 1 и 2.

23) Библіотека повѣстей и анекдотовъ изд. Каченовскимъ, части 1 и 5.

24) Московскій Меркурій, журн. 1803 г., части 3 и 4, т. е іюль-декабрь.

25) Вѣкъ Людовика XIV Вольт. т. 1-й.

26) Московскій Вѣстникъ, 1827, № 3.

27) Московскаго Телеграфа.

1825 г. весь и 1834 сколько вышло.

1827, въ части 13, отд. 1 № 1.

» » » 17 » 2 — 19.

1832 № 11-й въ части 45.

Изъ лавки И. В. Базунова въ Москвѣ дана была записочка, что Вѣстникъ Европы съ 1813 по 1849 (?) г. можно получить по 1 р. 50 к. за каждый годъ.

Не уступятъ ли дешевле, если взять всѣ годы? и сколько именно возьмутъ [1])?

28) Если можно, достаньте комедію: «Дядька въ затруднительномъ положеніи», которую давали въ бенефисъ Щепкина и которая переведена съ італ. Гоголемъ.

29) Атласъ Барановскаго.

30) Миргородъ, повѣсти Гоголя.

---

[1]) Если найдете хотя разрозненныя части этого журнала до 1813 года, то всѣ купите.

31) Руководство къ благочестивой жизни Франциски де Саль.
32) Записки Археолог. Общ. по русскому его отдѣленію.
33) Житіе Борпса и Глѣба.
34) Европеецъ. | журналы.
35) Мнемозина. | журналы.
37) Невскій Зритель. | журналы.
37) Брошюрки Иванчина Писарева: «Мих. князь Черниговъ. боляр. Ѳодоръ

Сколько Вы истратите на эти книги денегъ, я возвращу Вамъ съ благодарностью при проѣздѣ черезъ Москву. Если Вы найдете выгоднымъ вымѣнять ихъ на свои книги, то все равно я выдамъ Вамъ деньги по существующимъ цѣнамъ на означенныя 37 сочиненій, этимъ Вы бы меня значительно облегчили. Я все боленъ и не знаю, много-ли будетъ во мнѣ силъ для хожденія по лавкамъ передъ выѣздомъ отсюда и при проѣздѣ черезъ Москву. Надежда Михайловна поправляется едва замѣтно.

Поздравляемъ Васъ обоихъ съ праздникомъ—хоть въ концѣ письма, коли не въ началѣ, и желаемъ увидѣть Васъ въ добромъ здоровьѣ. У насъ въ Москвѣ есть родственникъ Сорокинъ, къ которому заѣдетъ часть нашей громады (мы и двухъ дѣвушекъ повеземъ до дому), а къ Вамъ—только я, пани моя и Маша. Предвѣстникомъ скораго моего прибытія будутъ небольшой сундукъ съ книгами, который я отправлю впередъ съ товарнымъ поѣздомъ, и еще клуночокъ съ разными разностями.

73.

1853, апр. 29 С. Петербургъ.

Вы угадали: я разумѣлъ Петра, а не Ивана.

Письмо Ваше отправлено, какъ это Вы увидите изъ прилагаемой росписки.

Литовской библіи, ниже Литовскаго Новаго Завѣта въ Синодальной книжной лавкѣ нѣтъ, а у книжниковъ до сихъ поръ не отыскалъ; но я заказалъ отыскать одному знаменитому въ книжницѣхъ мужу отыскать у своей братіи и надѣюсь, что успѣхъ увѣнчаетъ его старанія. Онъ доставилъ мнѣ почти всѣ тѣ книги, которыхъ не оказалось въ Москвѣ, и получивъ отъ меня изрядную мзду, будетъ теперь трудиться ревностно.

Книгъ, не упомянутыхъ въ Вашемъ письмѣ, то-есть не означенныхъ «въ нѣтахъ», я не покупаю здѣсь и отыскиваю однѣ «нѣтчицы», въ надеждѣ получить прочія въ Москвѣ.

Пожалуйста записывайте трату на извощика для Андрея, получающаго или отправляющаго мои книги.

На Ваше имя пришлютъ, можетъ быть, изъ Малороссіи 1000 руб. сер. Эти деньги назначены для покупки кареты, которую я и куплю проѣздомъ черезъ Москву для Н. Д. Бѣлозерскаго.

Раньше 15 мая едва-ли можно будетъ намъ выѣхать изъ Блатенска. Сборовъ и хлопотъ бездна. Я совсѣмъ оправился, а Надежду Михайловну обѣщаетъ докторъ починить черезъ недѣлю такъ, что она будетъ похожа на здоровую женщину.

Вы получите въ страховомъ письмѣ два билета, по которымъ выдадутъ на чугункѣ Вашему Андрею тюкъ съ книгами и сундукъ съ книгами же. На этихъ посылкахъ означены еще буквы О. Б. для того, чтобъ не смѣшали ихъ какъ-нибудь съ другими, и надписано: книги. Почитающій и преданный П. К.

Это и есть страховое письмо, о которомъ я, минуту назадъ, пророчествовалъ. Прилагаю и билетики—одинъ за № 805, а другой за № 804.

Обѣ посылки пускай обождутъ моего пріѣзда нераскупоренныя. Przepraszam!

74.

С. Петербургъ 1853, мая, 13.

Lukaszewicza Historia szkół w Koronie i wielkiem księstie Litewskiem, etc. стоитъ здѣсь, по послѣдней переторжкѣ, 8 р. 10 к. сер., но цензура вырѣзала первыя 32 страницы во 2-мъ томѣ. Покупать-ли?

Другой польской книги нѣтъ. Покупку нѣмецкихъ я отложилъ до кануна моего выѣзда, въ началѣ кораблей, которые пополняютъ книжные магазины, оскудѣвшіе зимою. Мы будемъ въ Москву 20 мая или немного раньше[1]). Вашъ П. К.

---

77 [1]).

Хуторъ Мотроновка подъ Борзною 25 іюля, 1853.

Отдохнувъ дома недѣли полторы, я пустился въ Полтавскую губернію для покупки себѣ хутора. Заѣхалъ къ Вашему брату и обѣщалъ ему быть на возвратномъ пути; но какъ на станціяхъ меня задерживали, то я не могъ разсчитать время своего проѣзда черезъ Прилуку и проѣхалъ черезъ нее ночью, да еще въ дождь. Хуже всего, что я, выѣзжая изъ дому, позабылъ взять книгъ, которыя обѣщалъ ему доставить. Теперь уже откладываю этотъ пріятный для меня долгъ до осенняго переѣзда черезъ Прилуку. Очень виноватъ передъ Вами и передъ нимъ, но постараюсь свою вину загладить.

Хуторъ я купилъ въ 30 верстахъ отъ Лубенъ, близь села Оржицы. У Стороженка быть не могъ. Но погодите: вѣрно Вы интересуетесь знать, что за хуторъ. 80 десятинъ земли степной пахатной и 40 подъ усадьбою, подъ низменнымъ сѣнокосомъ и лѣсомъ. Все въ одномъ отрубномъ кускѣ. Что касается до платы, то о ней не для чего упоминать, потому что это куплено у человѣка весьма близкаго, для котораго важнѣе было услужить мнѣ, нежели сбыть съ рукъ землю. Въ сентябрѣ поѣду устраивать крестьянскія помѣщенія. Зимовать, вѣроятно, буду въ Петербургѣ, если не въ Москвѣ. А весною надобно строить домикъ. Въ осеннюю поѣздку въ хуторъ (ему же имя Зàрогъ, общее съ сосѣдними козацкими хуторками) побываю и у Стороженка. Боюсь только, чтобъ онъ не принялъ со мной такого тона, какъ генералъ 12 года съ молодымъ своимъ сосѣдомъ Тентетниковымъ. Кстати: ожидаю отъ Васъ обѣщанныхъ копій по сему предмету. Кланяемся etc.

Вашъ П. К.

78.

Хуторъ Мотроновка, 25 августа 1853.

Что Вы скажете, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, о книгѣ, носящей сицевое заглавіе: «Статутъ Великого Князтва Литовского отъ наяснейшаго м҃лти Жикгимонта третего на коронацыи

---

[1]) Письма подъ № № 75 и 76 будутъ напечатаны въ концѣ статьи.—*Ред.*

въ Кракове выданный року ҂аф҃пи. Зъ ласки и за привилеемъ короля его м҃ти. Въ Вильни, друковано въ дому Мамоничовъ.»

Сію рѣдкую книгу я не нашелъ и не открылъ, а отрылъ въ такомъ сору, который въ состояніи былъ бы разгребать развѣ Ольдбукъ Вальтера Скотта. Она сохранилась въ цѣлости только благодаря своему плотному кожаному переплету, окружала же ее гниль и мерзость запустѣнія. Куча ненужныхъ книгъ и бумагъ свалена была въ какой-то ящикъ и оставлена безъ вниманія въ амбарѣ лѣтъ на 20. Мыши и крысы, проникнувъ туда единственно изъ любопытства, не удостоили устроить въ этомъ дранохранилищѣ своихъ гнѣздъ, а обратили его въ свой н.....ъ. Подъ вліяніемъ сего учрежденія, кипы бумагъ, перегнивъ, сбились въ большіе комья и составили съ крысьими ковтяхами нѣчто однородное. То были ученическія записки по части реторики, піитики и другихъ ковтяхоподобныхъ мудрованій, вмѣстѣ съ какими то тактиками, лечебниками и прошеніями—словомъ погоданское дранохранилище ни дать ни взять. Рою, рою и уже прихожу въ отчаяніе, но подкрѣпляемый Вашимъ добрымъ геніемъ, или, можетъ быть, демономъ, скалящимъ на Васъ зубы изъ за Вашихъ всепоглощающихъ шкаповъ, коснулъ еще разъ—признаки книги. Выставившійся наружу уголъ надгрызенъ мышами. Думаю—видно опять лечебникъ или тактика: мыши попробовали и бросили. Воздвигаю книгу изъ бездны смрадной тлѣни и вижу то, что послѣ подобныхъ трудовъ и самоотверженія можно было бы увидѣть и у Погодина. На заглавномъ листѣ полустертая надпись: «Troph Onieszkiewicz Ano 1633», а по листамъ внизу другая: «Сей Ста—тутъ Госпо—дина Коллеж—скаго регис—тра—тора Григо—рія Яков—лева сы—на Богда—нова.» На оборотѣ выпускнаго листа надъ портретомъ Сигизмунда рукописная надпись: «Кролъ п҃ски.» На стр. с҃кд, с҃ке и с҃л рукою XVI вѣка по русски означены ошибки въ размѣщеніи артыкуловъ, а на стр. у҃кс другою, современною рукою приписаны по польски краткія поясненія къ тексту. По засаленнымъ угламъ листовъ видно, что книга была въ работѣ не у одного стариннаго юриста. На раздѣлѣ «о грабежахъ и о навезкахъ» положена закладка. Когда и кѣмъ? и гдѣ теперь господинъ, которому понадобилось справиться, что присуждаютъ законы за грабежи и навезки... Долго я нюхалъ и ворочалъ на всѣ стороны старый нашъ кодексъ, но ничего не вынюхалъ. Старина отшумѣла, откричала свое и опѣмѣла; слѣдъ ея такъ неясенъ и сбивчивъ, что мое чутье совсѣмъ не

беретъ, воображеніе мое заблудилось въ дремучемъ лѣсу невѣдѣнія и стало въ тупикъ, оглядываясь дико на всѣ стороны. Ничего не подсказала мнѣ эта книга; не слѣдуетъ же мнѣ и владѣть ею. Иди, о мой найденышъ, къ Осипу Максимовичу. Онъ тебя оцѣнитъ достойнымъ образомъ и приметъ въ многочисленную семью своихъ захребетниковъ. До свиданья Вашъ П. К.

Хотѣлъ было послать Вамъ этотъ гостинчикъ по почтѣ, но раздумалъ; лучше самъ привезу въ концѣ сентября на пути въ Петербургъ.—Для Васъ не не интересно будетъ узнать, что мнѣ прислалъ одинъ господинъ два предлинныхъ письма Гоголя 1827 года—безцвѣтные матеріалы для біографіи—и записку о родѣ Гоголя. Еще я досталъ письма два заграничныхъ. Подлинники первыхъ, по снятіи съ нихъ копій для употребленія, будутъ принесены въ даръ тому-же, кому и статутъ, на зло демону, смѣющемуся изъ-за шкаповъ. Хочу составить нѣчто вродѣ полной біографіи Гоголя (съ гробовымъ молчаніемъ объ А-выхъ). Имѣйте это въ виду и пораспросите, у коро случится, какъ и гдѣ живалъ Г. за границею. Василій Бѣлозерскій получилъ свободу жить и служить, гдѣ угодно. Костырь умеръ на возвратномъ пути въ Харьковъ.

79.

18 сентября, 1853. Мотроновка.

Нашелъ я книгу рукописную: «Мнѣніе Ѳеофана Архіепископа Великоновгородскаго, каковымъ образомъ и порядкомъ удобно отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ. Року 1729 мця.» Переписана она въ 1753 году войсковымъ канцеляристомъ Леонтіемъ Юзефовичемъ, и начинается сице: «Всякому отроку а наипаче к владѣнію народа растущему, и владѣющему духовное наставленіе содержится по моему мнѣнію в слѣдующихъ предложеніихъ или показаніяхъ» Листовъ въ ней 62, in 4. Увѣдомите меня, напечатана-ли она или нѣтъ.

Извѣстите также, интересуетесь-ли Вы книгою, записанною въ каталогѣ Кастерина подъ № 207. Нѣтъ заглавнаго листа и листовъ: 13, 350—354, 357.

Найдена мною большая книга проповѣдей, списанная, судя по почерку, въ 17 в. на польско-славянскомъ языкѣ, безъ начала и конца. Собственно говоря нѣтъ только заглавнаго листа, а прерывается она на листѣ 105.

Еще Густынская лѣтопись, прекрасно переписанная почеркомъ 17 в., безъ перваго листа, а прервана на раздѣлѣ: «Фундушъ кн. Мих. Корыбута Вишневецкого.» Еще «..... книжка рекомая пчела, в хрупичполѣ (Борз. уѣзда) при храмѣ сл҃я хв҃а Николая през мене многогрѣшнаго Петра виноградскаго переписана року ҂а҃χ҃о҃д҃ и п҃ го». Начинается она статьею: Житіе с҃т҃ое равноапостолнаго вел кн҃зя кіевского владимера всея россіи самодержца... выбрано з лѣтописца русскаго преподобнаго Нестора Печерскаго.» На 28 листкахъ in 4. Затѣмъ слѣдуетъ: «Сказаніе како состави святый Кириллъ философъ азбуку по языку словенску и книги прежде (sic) отъ греческихъ на словенскій.» Потомъ переписанъ «Выкладъ о церквѣ святой и о церковныхъ речахъ»... напечатанный при Печерской Лаврѣ въ҂а҃χ҃ч҃з году. Потомъ разныя житія святыхъ. Я остановился на «Словѣ во время бездожлыя» весьма интереснома. Ораторъ упрекаетъ мірянъ въ политическихъ смутахъ, въ грабежѣ церквей во время воинъ козацкихъ и заключаетъ такъ: «.... воеводъ царскихъ повыгоняли и не только мѣдяными деньгами знехтили, але и срѣбныхъ по копѣйци не приняли, только по чеху и по осмаку.» Далѣе слѣдуетъ сицевое заглавіе: «Ламентъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли.» Это вирша на отпаденіе отъ Польши и присоединеніе къ Россіи.

На дняхъ я ѣздилъ въ Сосницкій уѣздъ и записалъ 12 большихъ думъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (о Хмельницкомъ, о гетманѣ Хвескѣ Кганжѣ Андыберѣ и пр.) совершенно новыя, а другія заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя нравоописательныя и историческія новыя черты и подробности [1]). Кромѣ того мнѣ доставилъ много пѣсенъ черниговскій Бѣлозерскій. Я къ Вамъ явлюсь съ весьма вижнымъ сборникомъ; но когда же наступитъ время изданія Вашей коллекціи? Я слышалъ, что Срезневскій гдѣ то обѣщаетъ выпустить скоро томъ историческихъ думъ. Тамъ, конечно, будутъ и тѣ, которыя онъ у меня укралъ. А мы спдимъ съ своимъ сокровищемъ.

Черезъ 3 или 4 дня я ѣду въ свой хуторъ и буду непремѣнно у Вашего брата. Оттуда ворочусь не раньше 10, слѣдовательно въ

---

[1]) Я разшевелилъ того самаго Андрея Шута, о которомъ пишетъ священникъ Базилевичъ въ этнографическомъ сборникѣ. Дума, напечатанная тамъ, пополнена весьма важными подробностями.

Москвѣ буду около 14. Отвѣчайте на всякій случай въ нѣсколькихъ словахъ. Можетъ быть что нибудь задержитъ меня долѣе въ Малороссіи. Вашъ П. К.

80.

23 окт. 1853, С. Петербургъ.

Я позабылъ передать Вамъ просьбу Николая Даниловича Бѣлозерскаго, помѣщенную имъ въ данной мнѣ памятной запискѣ, изъ которой лоскутокъ прилагается. Прошу Васъ исполнить ее, если не для него, то для Вашего пріятеля Базунова, къ которому, вѣрно, перейдутъ всѣ деньги, какія Вы получите, по довѣренности Бѣлозерскаго, изъ Опекунскаго Совѣта.

Еще я забылъ сказать Вамъ, что «Житіе Варлаама и Іосафа» принесено Вамъ въ даръ только по моему внушенію, а не отъ меня. Это даритъ Вамъ одинъ изъ Вашихъ почитателей и подражателей, черниговскій Бѣлозерскій.

Потрудитесь, улучивъ свободное время, отобрать для меня отдѣльные оттиски лѣтописей, а если Вы располагаете еще хоть однимъ экземпляромъ «Чтеній», то и этотъ экземпляръ прислать мнѣ вмѣстѣ съ таковыми. Возить съ собою «Чтенія» съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ неудобно, а потому весьма пріятно было бы имѣть ихъ сѣмо и овамо. Вы уже подарили мнѣ ихъ два раза, но не сдѣлаете большого грѣха, подаривъ и въ третій.

Дамы мои позабыли у васъ два пальто, благоволите уложить ихъ въ колясочный сундукъ и хранить до личнаго свиданія, или до увѣдомленія, какъ поступить съ ними.

Въ одинъ изъ будущихъ прекрасныхъ дней соизвольте направить Вашу прогулку къ каретнику Мякишеву и удостовѣриться, что фаетонъ нашъ дѣйствительно стоитъ въ сараѣ, а не подъ открытымъ небомъ. При этомъ передайте Мякишеву мою просьбу, чтобъ онъ исправилъ его, не дожидаясь весны, ибо тогда у него будетъ много работы. Я чувствую, что порядочно надоѣдаю Вамъ разными своими дрязгами, но увѣдомляю Васъ, что знаю всю цѣну Вашимъ одолженіямъ.

Квартирою мы остались довольны,—только очень далеко; почему мы и помышляемъ современемъ перемѣнить ее на болѣе близкую къ Невскому проспекту.

Непріятные пріятели мои надавали мнѣ разныхъ работъ, отъ которыхъ да избавитъ меня Небо какъ только возможно поскорѣе!

Тяжело рубить дрова тому, кто умѣетъ написать картину или отличить статую! но таково наше время, что вѣрнѣе можно заработать копѣйку рубкою дровъ, нежели произведеніями фантазіи — по крайней мѣрѣ вѣрнѣе для меня. Впрочемъ Петербургъ произвелъ на меня чрезвычайно живительное впечатлѣніе, и я не знаю, когда буду въ состояніи оставить его навсегда! Вашъ П. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ одесскомъ еженедѣльномъ журналѣ „По морю и сушѣ“ былъ напечатанъ разсказъ о бурлакахъ, въ которомъ находимъ описаніе оригинальнаго свадебнаго обряда у этихъ „забиглыхъ душъ.“—„Знаете, вѣдь мы сами и вѣнчались (сказалъ старый бурлака).—Какъ же вы вѣнчались?—„А вотъ видите ли, какъ. Подъ праздникъ идетъ кто нибудь изъ нашихъ—атаманъ, или старшій годами—къ эконому и проситъ дать хлѣбъ, цѣлый хлѣбъ.—На что тебѣ?—спрашиваетъ тотъ.—Да знаете, тамъ надо намъ обвѣнчать!—Вотъ, беретъ тотъ хлѣбъ, втыкаетъ сверху грудочку соли и къ нему подходятъ молодой съ молодою. Выберемъ посаженныхъ отца и мать, молодые кланяются имъ, а они ихъ благословляютъ и учатъ, какъ надо жить; потомъ молодые подходятъ къ тому, что держитъ хлѣбъ, цѣлуютъ тотъ хлѣбъ и обѣщаютъ Богомъ и хлѣбомъ жить дружно. Тѣмъ вѣнчанье и кончается“ [1]). Намъ передавали еще, что при этой церемоніи хлѣбъ клали на дижу и молодыхъ обводили вокругъ дижи (с. Компанѣевка елисаветгр. у.). Замѣчательно, что люди, сбившіеся съ обычной бытовой колеи, очутившіеся въ „невѣнчаной“ губерніи, всетаки считали для себя обязательнымъ изъ всего сложнаго свадебнаго обряда сохранить обрядный хлѣбъ, съ дижою въ качествѣ аксессуара, да благословеніе родителей.

---

[1]) „Изъ прошлаго нашихъ степей“ І. Л. „По морю и сушѣ“ 1895 г. № 12.

Одного этого уже достаточно, чтобы судить, какое видное мѣсто занимаетъ въ понятіяхъ народа обрядный хлѣбъ въ свадебномъ дѣйствіи.

Обрядному хлѣбу было посвящено у насъ особое изслѣдованіе Н. Ѳ. Сумцовымъ [1]). Но до сихъ поръ не издано рисунковъ малорусскаго обряднаго, въ частности—свадебнаго хлѣба, кромѣ единственнаго рисунка, напечатаннаго въ изданіи Кольберга „Pokucie“, мало распространенномъ въ Россіи [2]). Между тѣмъ, въ вопросѣ о значеніи разныхъ видовъ свадебнаго хлѣба особенности формъ ихъ должны быть самыми важными показателями. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, предлагаемъ описаніе разныхъ видовъ свадебнаго хлѣба, по экземплярамъ, доставленнымъ намъ изъ губерній кіевской, подольской и херсонской.

Описаніе свое начнемъ съ болѣе простыхъ формъ, *шишки* и *голубка*, которыя, въ качествѣ украшеній, входятъ также въ составъ коровая, лежня и дивня.

Простая *шишка* приготовляется слѣдующимъ образомъ. Раскатывается продолговатая полоса тѣста, въ видѣ ленты, на одной сторонѣ ея дѣлаются прямыя или косыя насѣчки и потомъ лента сворачивается и внизу стягивается кольцомъ изъ тѣста: такимъ образомъ получается подобіе сосновой шишки, откуда происходитъ и самое названіе хлѣба. Такихъ шишекъ пекутъ къ свадьбѣ очень много. Женихъ и невѣста подносятъ шишки лицамъ, приглашаемымъ на свадьбу; на самомъ *весильи* шишки раздаютъ гостямъ. Иногда приготовляются *шишки* особаго типа, пышнѣе предыдущихъ, преимущественно для подарка старшей дружкѣ. Такъ, изъ с. Константиновки черкасскаго у. намъ доставлена роскошная *шишка*, украшенная голубками и маленькими шишечками и позолоченная, которая представляетъ собою миніатюрное повтореніе *коровая*.

Голубки, похожіе на средопостныхъ *жаворонковъ*, приготовляются изъ двухъ продолговатыхъ кусковъ тѣста: одинъ изъ нихъ заканчивается головкой съ одной стороны и хвостикомъ съ

[1]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1895.

[2]) Pokucie, I. 226. Указаніемъ этимъ мы обязаны Н. Ѳ. Сумцову.

другой; другой обхватываетъ снизу первый пониже головки, скрещивается концами вверху и заканчивается крыльями. Въ с. Компанѣвкѣ елисаветгр. у. такими голубками дарятъ свадебныхъ бояръ.

При описаніи способа приготовленія *коровая* пользуемся разсказомъ старухи изъ того же с. Компанѣвки, откуда мы получили два различные экземпляра коровая; у той же женщины заимствуемъ и объясненіе узоровъ на нихъ. По ея словамъ, коровай приготовляется такъ. Въ основаніе кладется большой коржъ, называемый *подошвой* коровая. На него кладутъ „для доли“ монету и три вареника [1]). Потомъ кладутъ *перехрестье*, т. е. двѣ полосы тѣста на подобіе креста. Сверхъ перехрестья ставятъ булку. Подошву опоясываютъ кольцомъ изъ тѣста и противъ концовъ перехрестья прикрѣпляютъ четыре голубка. Наверху булки прикрѣпляется *шишка*, а бока ея украшаются маленькими шишками, изображеніями листьевъ барвинка и *петельками* изъ тѣста. Всѣ эти украшенія прикрѣпляются къ булкѣ тоненькими прутиками.

Очень красивый экземпляръ коровая доставленъ намъ изъ с. Константиновки черкасскаго у. кіевск. г. На немъ шишками украшены только вершина и подошва, четыре голубка посажены на бокахъ булки, а промежутки между ними заполнены рядами зубчиковъ. Вся поверхность коровая обильно покрыта позолотой и украшена живыми листьями барвинка (vinca minor) [2]). На вершинѣ его былъ воткнутъ вѣтвистый прутикъ, украшенный тѣстомъ и также покрытый позолотой; украшеніе это заключалось въ зубчатой полосѣ тѣста, нанизанной на вѣточки, концы которыхъ, кромѣ того, украшены были маленькими голубками.

---

[1]) Объ обрядовомъ употребленіи *сыра* на свальбахъ у Н. Ѳ. Сумцова „О свадеб. обр.,“ 121. Въ лубенск. у. въ середину коровая кладутъ еще 5 сырыхъ яицъ („Кіев. Стар.“ 1890 г., прилож., 152); изъ описанія свадьбы въ бѣльскомъ у сѣдлецк. губ. у Чубинскаго мы узнаемъ, что въ середину коровая кладутъ изображенія солнца и мѣсяца изъ тѣста (IV, 672); но извѣстіе это кажется намъ сомнительнымъ по нецѣлесообразности помѣщенія изображенія свѣтилъ небесныхъ не на верху, а внутри коровая, гдѣ они къ тому же тотчасъ затѣмъ заплывутъ тѣстомъ.

[2]) Барвинкомъ украшаютъ себѣ головы невѣста и *коровайницы*. Въ пѣснахъ барвинокъ—символъ красоты и невинности. Сумцовъ, О свадебн. обр., 184.

Варіантъ изъ с. Папевки литинскаго у. подольск. губ. украшенъ на вершинѣ звѣздой, быть можетъ—подражаніе цвѣтку,—а по бокамъ петлями изъ тѣста, на подобіе французской буквы S; кромѣ того, поверхность была украшена живыми листьями барвинка, пучками калины [1]), цвѣтами безсмертника и позолотой. Въ середину коровая было воткнуто *гильце*, въ видѣ еловой вѣтки; къ вершинѣ послѣдней прикрѣпленъ былъ также пучокъ калины, боковыя же развѣтвленія украшены были, кромѣ пучковъ калины, цвѣтами безсмертника, листьями барвинка, гусиными перьями, полосками красной бумаги, пучками гаруса краснаго и синяго цвѣта и позолотой.

Оригиналенъ по своей простотѣ экземпляръ изъ м. Глодоссы елисаветградскаго уѣзда. Поверхность его украшена рядами полосокъ изъ тѣста съ зубцами наверху; въ вершину воткнуты въ наклонномъ положеніи къ серединѣ три прутика, такъ называемые *теренки* (отъ слова *теренъ*), обвитыхъ зубчатыми полосками тѣста, въ подражаніе шипамъ терновника, и украшенныхъ наверху изображеніями голубковъ изъ тѣста и пучкомъ живой калины. *Теренки* эти связываются красной заполочью, которая потомъ, „если чесна молода,“ роздается въ понедѣльникъ гостямъ [2]).

Подобный предыдущему *молдаванскій* коровай, привезенный изъ Новоукраинки елисаветградскаго уѣзда, отличался только зубчатой подошвой и еще тѣмъ, что теренки на немъ были вѣтвистые.

Изъ Компанѣевки елисаветградскаго у. намъ доставленъ, кромѣ описаннаго выше, еще одинъ экземпляръ коровая; онъ отличается тѣмъ, что перехрестье на немъ положено *сверхъ* булки; украшенія состоятъ также изъ четырехъ голубковъ, расположенныхъ въ промежуткахъ перехрестья, у подошвы, изъ шишки на верху и изъ зубцовъ, расположенныхъ по пере-

---

[1]) Въ народной поэзіи *калина* служитъ символомъ молодой замужней женщины, символомъ брачной потери невинности. Сумцовъ, О свад. обр., 183.

[2]) Въ бѣльск. у. сѣдлецк. губ. такія вѣтки называются *торочками*. Чубин. IV, 672. Подобныя же вѣточки, также числомъ три, украшаютъ коровай изъ Покутья у Кольберга. Pokucie I, 226.

хрестью рядами, а въ промежуткахъ между концами его—по два и по три зубца вмѣстѣ. Подобнаго рода хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи называется *верчъ* [1]).

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ мнѣніе, что *коровай*, въ качествѣ свадебнаго жертвоприношенія, замѣнилъ собою *корову*, и самое названіе *коровая* сближаетъ съ словомъ *корова* [2]). Но, разсмотрѣвъ доставленные намъ изъ трехъ губерній варіанты коровая, мы не нашли фактическаго подтвержденія этому мнѣнію въ видѣ украшеній на подобіе коровьихъ головъ, роговъ, хвостовъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны у г. Сумцова. Точно также не видѣли мы среди украшеній коровая и изображеній солнца и луны, которыя могли бы быть сочтены за остатокъ солярнаго культа. Нѣтъ ничего невозможнаго, что подобныя изображенія гдѣ нибудь найдутся, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что такъ какъ коровай, какъ и всѣ вообще свадебные хлѣбы, изготовляется изъ кислаго тѣста, то при печеніи, какъ бы круто ни было замѣшано тѣсто, онъ до извѣстной степени утрачиваетъ первоначальную форму, что можетъ легко подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, въ украшеніяхъ глодосскихъ *теренковъ* не трудно было бы усмотрѣть бараньи головки, если бы сама женщина, изготовлявшая коровай, не утверждала, что это—голубки. Изъ предложенныхъ толкованій слова *коровай* толкованіе Пикте, который производитъ его отъ праарійскаго *кр* (дѣлать), въ смыслѣ просто *хлѣба*, имѣетъ, по нашему мнѣнію, преимущество простоты.

Мы видѣли, что украшенія короваевъ бываютъ двухъ родовъ: съ одной стороны—гильце въ видѣ древесной (на нашемъ экземплярѣ—еловой) вѣтки, съ другой—подражаніе, или замѣна гильца, въ видѣ сухого прутика, украшеннаго тѣстомъ; съ одной стороны—живые листья барвинка, съ другой—подражанія имъ изъ тѣста. Естественно поэтому предположить, что и другіе элементы орнаментики коровая представляютъ собою тоже замѣну предметовъ, когда то имѣвшихъ самостоятельное

---

[1]) Чубинскій IV, 236. Но въ лубенскомъ у. онъ также называется короваемъ. „Кіев. Стар." 1890 г., прилож., 152.

[2]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣснях, 122—124.

значеніе въ свадебномъ обрядѣ. Въ этомъ отношеніи интересна пѣсня, которую поютъ при разрѣзываніи коровая: „Привезено *зилля* зъ трохъ гиръ на весилле, поставлено зилля на столи—престоли..... Що-жъ то за зиллячко?... Ты нашъ святый короваю"; еще интереснѣе другая пѣсня: „Розбирайся короваю зъ зеленого розмаю, зъ червонои калины, зъ зеленого барвинку на тисовую тарилку" [1]).

Среди всѣхъ видовъ свадебнаго обряднаго хлѣба коровай принадлежитъ первое мѣсто по значенію. Для приготовленія его за 1—2 дня до *весилля* въ домъ невѣсты сходятся замужнія женщины, такъ называемыя *коровайницы* и сопровождаютъ свою работу обрядами, танцами и пѣснями. Во время самаго *весилля* дружко торжественно вноситъ коровай въ хату, разрѣзываетъ его и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ, при чемъ также поются особыя пѣсни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи передъ началомъ этой церемоніи отецъ молодой, самъ совершивъ крестное знаменіе, креститъ коровай и произноситъ слѣдующія слова: „Благослови Богъ и мы благословимо, щобъ сей хлибъ бувъ благословенный на вашъ викъ, щобъ вы булы щаслывы, одынъ другого шанувалы, отця и матиръ не зневажалы, то васъ буде Богъ благословить и добріи люде" [2]). Невѣстѣ даютъ обыкновенно верхнюю шишку, музыкантамъ—подошву Любопытна слѣдующая пѣсня при раздачѣ коровая, по обрядовымъ указаніямъ, заключающимся въ ней: „Ой край, дружбонько, коровай, все хорошенько роздавай, усимъ жиночкамъ шишечкы, молодымъ боярамъ кришечкы, а намъ, дружечкамъ, обручи, щобъ насъ любылы панычи" [3]).

Лежнемъ называется продолговатый хлѣбъ, на который, при входѣ молодого, молода склоняетъ голову или которымъ покрываетъ себѣ голову, откуда, очевидно, происходитъ и названіе его. Въ нашемъ распоряженіи было два экземпляра лежня. Первый изъ нихъ (изъ с. Константиновки черкасскаго у.) представляетъ собою продолговатую булку, но подошвѣ окруженную

[1]) Чубин. IV, №№ 1055 и 1059.

[2]) Тамъ же, стр. 657.

[3]) Чубин., IV. 693.

поясомъ изъ тѣста и украшенную четырьмя голубками, расположенными крестъ на крестъ, поперечными гладкими и зубчатыми валиками тоже изъ тѣста и позолотой. Второй экземпляръ, изъ с. Ингульской Каменки александрійскаго у. херсонск. губ., составленъ изъ большихъ зубцовъ, раздѣленныхъ на три гнѣзда, по 5 зубцовъ въ каждомъ; обвиваетъ ихъ круглая полоса изъ тѣста, а окружены всѣ они общимъ поясомъ, къ которому прикрѣплены шишки, поочередно. Въ лубенскомъ уѣздѣ въ лежень запекаютъ яйца и деньги [1]).

Дивынь или *калачъ*. Два имѣющіеся у меня экземпляра очень близки по формѣ. Одинъ изъ нихъ (молдаванскій) изъ м. Новоукраинки елисаветгр. у. представляетъ собою большого размѣра бубликъ, украшенный поперечными рядами зубцовъ и валиковъ и окруженный поясомъ изъ тѣста съ крупными зубцами на немъ. Второй (изъ с. Компанѣевки того же уѣзда) отличается тѣмъ, что зубья по поясу расположены то въ одиночку, то гнѣздами по 4 и по 5 въ каждомъ. Сквозь отверстіе дивня молода *дывыцця* на молодого, когда онъ войдетъ въ хату на *весилья*, при чемъ дружки поютъ: „Ой глянь, Оксано, кризь калачь карымы очыма та й заплачъ“ и пр. [2]). Осюда, очевидно, происходитъ и названіе *дивынь*.

Борона представляетъ собою изображеніе земледѣльческаго орудія того же названія, всегда зубьями вверхъ. Въ нашемъ распоряженіи было пять экземпляровъ бороны. Экземпляръ, приготовленный женщиной изъ с. Компанѣевки елисаветгр. у., полнѣе другихъ, такъ какъ съ бороною изображены и два вола, и погонычъ; волы представлены безъ ногъ, по технической невозможности изобразить ихъ; налыгачъ во время печенія лопнулъ. Другой экземпляръ, привезенный изъ того же села, былъ безъ погоныча. Третій, изъ с. Губовки александрійскаго уѣзда—съ погонычемъ, но безъ воловъ. Четвертый—изъ м. Гладоссы елисаветгр. у.—составленъ изъ множества зубцовъ, перевитыхъ внизу тѣстомъ и окруженныхъ поясомъ изъ тѣста, снабженъ

[1]) „Кіев. Стар.“ 1890, прилож., 151.

[2]) С. Григоро-Денисовка (Тимковка) александрійск. у. херс. губ. Сообщила А. А. Ильичевская.

байломъ, т. е. кольцомъ для упряжи, на одномъ изъ угловъ. На пятомъ эклемплярѣ (молдаванскомъ) изъ Новоукраинки, того же уѣзда, байло придѣлано не съ боку, а посединѣ и на передкѣ представленъ бочонокъ, съ шероховатой поверхностью. *Борона* употребляется, какъ подарокъ отцу невѣсты, „щобъ нею волочывъ“ (Гладоссы) [1]).

Матери невѣсты дарятъ *гребень*, а въ иныхъ мѣстахъ (Гладоссы) *пранык*ъ, послѣдній затѣмъ, „щобъ збывала полотно,“ братьямъ—*боченки* изъ тѣста. Но этихъ видовъ свадебнаго хлѣба намъ не доводилось видѣть.

В. Ястребовъ.

[1]) Осиновой бороны боятся вѣдьмы. Чуб. Ш. 13. Ею прикрываютъ мартовскаго щенка въ погребѣ, чтобы не тронула вѣдьма. Ястреб., Матер. по этногр. Новор. кр. 9. Зубъ отъ бороны въ кіевс. губ. кладутъ подъ подушку новорожденнаго мальчика, чтобы родъ не пресѣкся (сообщилъ Е. И. Борисовъ).

ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО.

(1805—1834 г.г.).

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ (15 марта 1847 г.) умеръ въ Петербургѣ Дан. Мих. Велланскій, бывшій профессоръ медико-хирургической академіи и первый проповѣдникъ философіи Шеллинга въ Россіи. Въ 1824 г. Велланскій писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей: „почти за двадцать лѣтъ передъ симъ я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на феософическомъ понятіи, которое хотя и зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ... Этотъ „первый провозвѣстникъ шеллингизма въ Россіи“ былъ родомъ изъ г. Борзны (род. 1774 г.) и былъ сыномъ тамошняго не то козака, не то мѣщанина—Михайла Кавунника [1]). О дѣтствѣ и юности Велланскаго существуетъ разсказъ одного изъ его учениковъ, Н. И. Розанова, основанный на свѣдѣніяхъ самого Велланскаго [2]). По этому разсказу Велланскій, научившись грамотѣ у дьячка, захотѣлъ учиться дальше; выучился латыни у одного студента кіевской академіи и по совѣту тогдашняго борзенскаго врача Костенецкаго, пробрался въ Кіевъ, гдѣ и поступилъ на пятнадцатомъ году въ тамошнюю академію. Замѣна фамиліи Кавунника на Велланскаго, по сообщенію Розанова, произошла такимъ де образомъ: обижаясь насмѣшками товарищей своего дѣтства надъ прозвищемъ *Ка-*

[1]) Въ замѣткахъ Н. М. Бѣлозерскаго (см. ниже) отецъ Велланскаго называется то козакомъ, то мѣщаниномъ.

[2]) Русск. Вѣстникъ 1869 г., ноябрь.

вунника (кавунъ=арбузъ), Данило подѣлился своимъ горемъ тоже съ товарищемъ дѣтства, сыномъ одного изъ борзенскихъ *пановъ* Мих. Вл. Бѣлозерскимъ, который будто бы и назвалъ его Велланскимъ, встрѣтивъ въ этотъ моментъ въ бывшей у него въ рукахъ книгѣ слово—vaillant... Но у насъ подъ руками имѣется другая версія происхожденія этого прозвища. Въ замѣткахъ о Велланскомъ, записанныхъ сыномъ М. В. Бѣлозерскаго—Николаемъ [1]), повидимому со словъ отца, сообщается слѣдующее: „отецъ Велланскаго, козакъ борзенскій Михайло Кавунникъ, отдалъ своего сына въ городническое правленіе въ Борзнѣ. Велланскій былъ едва грамотенъ, не любилъ писать и прятался въ крапиву. Данила (Леонтія?) и Михайла Бѣлозерскихъ везли въ Кіевъ въ академію; Велланскій и сталъ просить дѣда нашего Василія—взять и его; взяли; учился отлично. *Боролись—Велланскій съ Мих. Бѣлозерскимъ; Велланскій и поборолъ папеньку.—Ну, коли такъ, такъ будешъ ты Велланскій.*—(Сказалъ при этомъ М. В. Б—ій), заимствуя названіе отъ франц. слова vaillant—могучій". Эта версія о происхожденіи фамиліи Велланскаго—какъ будто представляется болѣе правдоподобною... Въ тѣхъ же замѣткахъ Ник. Мих. Бѣлозерскаго о Велланскомъ находимъ еще свѣдѣніе, что В—ій изъ желанія учиться, *бѣжалъ* въ Кіевъ: братья Бѣлозерскіе, Михаилъ и Леонтій, желая помочь Велланскому пробраться въ Кіевъ, согласились взять его туда съ собою тайкомъ, для чего посовѣтовали В—ому спрятаться въ день своего выѣзда въ Кіевъ, гдѣ учились въ академіи, за городомъ, въ рожь, откуда Б—іе и взяли его къ себѣ на повозку, выѣхавъ за Борзну... Самъ Велланскій о тогдашнемъ своемъ отъѣздѣ изъ Борзны такъ говоритъ, въ письмѣ къ Мих. Вас. Б—ому: „за сорокъ лѣтъ предъ симъ [2]), *выѣзжая съ вами первый разъ въ жизни, изъ Борзны*, оставлялъ я сей городъ съ крайнимъ восхищеніемъ и молилъ Бога, чтобы онъ не судилъ мнѣ жить когда-либо въ томъ мѣстѣ... Къ концу моего пребыванія въ оной (въ Борзнѣ) духъ мой такъ стѣснялся, *что*

[1]) См. о немъ „Кіевск. Стар." 1897 г., январь, 146—150.

[2]) См. ниже, письмо 7-е, писанное въ 1828 г., изъ чего видно, что В—ій выѣхалъ въ Кіевъ, учиться, въ 1788 г., т. е. 14-ти лѣтъ отъ роду.

я былъ, какъ дикая птица въ клѣткѣ"... Такое состояніе духа у Велланскаго-отрока указываетъ, что бѣгство его изъ родительскаго дома, въ Кіевъ для ученія, было вполнѣ возможно.

Разсказывая о поѣздкѣ Велланскаго заграницу, для окончанія образованія, Розановъ не говоритъ, что В—ій учился въ парижскомъ университетѣ; не говорятъ объ этомъ и другіе его біографы (впрочемъ, большею частью повторяющіе свѣдѣнія Розанова); а между тѣмъ о пребываніи В—аго въ парижскомъ университетѣ въ замѣткахъ Н. М. Б—аго записано слѣдующее: „Велланскому представился случай ѣхать заграницу съ какимъ-то папомъ; папъ опредѣлилъ (?) В—аго въ парижскій университетъ, В—ій прожилъ всѣ деньги и пришелъ въ такую бѣдность, что оставилъ университетъ и нанялся къ какому-то французу—чистить сапоги (?). Однажды французъ засталъ своего лакея за разрѣшеніемъ трудныхъ математическихъ задачъ и страшно удивился. Распросивъ В—аго—кто онъ и что, французъ на свой счетъ отправилъ его въ парижскій университетъ. Изъ Парижа папенька (т. е. Мих. В. Б—ій) получилъ отъ Велланскаго письмо, въ которомъ онъ писалъ: „Велланскій, Велланскій! думалъ ли ты, бывши Кавунникомъ, попасть въ Парижъ!"—Трудно сказать, насколько вѣренъ этотъ разсказъ о подробностяхъ пребыванія В—аго въ Парижѣ, такъ какъ извѣстно, что заграницу онъ былъ посланъ на казенный счетъ.

Печатаемыя здѣсь письма Велланскаго доставлены (въ подлинникахъ) въ редакцію Кіевск. Старины В. И. Бѣлозерскою, вдовою Н. М. Бѣлозерскаго, въ бумагахъ котораго они найдены. Вмѣстѣ съ письмами доставлены и записанныя Н. М. Б—имъ отрывки изъ преданій о В—мъ. Важнѣйшія изъ нихъ приведены нами выше.—Печатаются всѣ полученныя десять писемъ; изъ нихъ одно 1805 г., писано къ сестрѣ, а остальныя девять—къ „другу" Велланскаго—Михаилу Васильевичу Бѣлозерскому, какъ видно, занимавшему видное мѣсто въ судьбѣ нашего даровитаго шеллингиста. Письмо, писанное къ сестрѣ, заключаетъ въ себѣ довольно подробныя свѣдѣнія о семьѣ Велланскаго и о его къ ней отношеніяхъ. Письма къ Б—ому даютъ

интересныя дополненія къ тому, что до сихъ поръ мы знаемъ о Велланскомъ, какъ ученомъ и частномъ человѣкѣ.

Монографія о Велланскомъ еще не написана, но матеріала для нея подготовлено уже достаточно. Кромѣ очерка Розанова, обстоятельный сводъ свѣдѣній о Велланскомъ имѣется въ *Кр.-Біогр. Словарѣ* г. Венгерова (V, 215—221), гдѣ приведена и полная библіографія Велланскаго [1]). О значеніи Велланскаго въ исторіи русской философіи подробно говоритъ г. Филипповъ (*Судьбы русской философіи*, Русск. Богатство 1894 г., № 3) и г. Милюковъ (*Главн. теченія русской историч. мысли*, I, 228).

А. Л.

---

1) Любезная сестрица Наталія Михайловна!

Сего августа 25 дня прибылъ я изъ чужихъ краевъ въ Слуцкъ. Здѣсь засталъ я матушку, хотя не совсѣмъ здоровую, которая посылаетъ тебѣ свое благословеніе. Письмо твое отъ 23 декабря 1804 года получилъ я въ чужихъ краяхъ, въ Вирцбургѣ. Пріѣхавши въ россійскія границы, первое попеченіе мое было о тебѣ. Я хотѣлъ послать тебѣ отсюда больше нежели сколько ты просила; но обстоятельства матушки и нашего зятя, отца Петра, требовали тоже моего пособія, почему я теперь болѣе десяти рублей тебѣ послать не могу. Матушка приходитъ въ глубокую старость, на глаза такъ ослабѣла, что едва видѣть можетъ. Сестрица Агафія тоже сдѣлалась почти старухою. Хотя матушка сначала прибытія въ Польшу имѣла желаніе возвратиться въ Малую Россію, однако нынѣ старость и слабое зрѣніе заставляютъ ее остаться при Агафіи до своей кончины. Какъ онѣ разсказали жизнь и поступки покойнаго твоего мужа, то я о твоемъ вдовствѣ не сожалѣю больше, а еще радуюсь, что ты отъ него избавилась. Живи, сестрица, такъ, какъ жила матушка наша. Она осталась вдовою съ пятью дѣтьми и была щастлива и довольна трудами рукъ своихъ. Ежели ты еще не состарѣла и случится честный человѣкъ по твоему состоянію и лѣтамъ, то вы-

---

1) Добавимъ указаніе на письма В—аго къ Ив. Р. Мартосу, „Кіевск. Стар.“ 1896 г., октябрь, 81—84.

ходи замужъ, только берегись пяницы, ибо нѣтъ большаго нещастія въ жизни, какъ жить съ пяницею. Когда же не то, то живи и вдовою. Ты имѣешъ собственный домикъ, отяготительныхъ податей отъ тебя не требуютъ и собственными трудами въ своей родимой сторонѣ пропитаться можешь. Я теперь вижу, что здѣсь, въ Польшѣ, гораздо хуже, нежели въ Малой Россіи, наипаче для новоприбывшихъ. Дороговизна тутъ большая, нежели тамъ, а иновѣріе и различность нравовъ здѣшнихъ жителей пресѣкаютъ всякое пособіе для пришельцевъ. Матушка и сестрица Агафія съ толикими же трудами живутъ, какъ и ты, и не почитаютъ себя нещастливыми. Я совѣтую и тебѣ подражать ихъ примѣру. Что же касается до меня, то я, сколько могу, всегда пособлять тебѣ буду. Получивши сіе письмо, отвѣчай тотъ часъ отцу Петру въ Слуцкъ на оное, которій въ томъ увѣдомитъ меня въ Петербургъ. По нѣкоторомъ времени напишу я тебѣ самъ—куда ты можешь адресовать письма свои ко мнѣ. О Матвѣи не имѣю я здѣсь никакого извѣстія. Онъ кажется пошелъ теперь изъ Бѣлой Церкви въ походъ къ австрійскимъ границамъ и ежели такъ, то пойдетъ... съ полкомъ либо въ Италію, либо въ Германію противъ французовъ. О Василѣ не знаю я также, гдѣ онъ теперь поворачивается. Я надѣялся застать его въ Слуцкѣ у отца Петра и взять его съ собою въ Петербургъ, такъ какъ я ему и писалъ съ чужихъ краевъ въ Кіевъ. Отецъ Петръ получилъ отъ него письмо отъ 7-го іюля, въ которомъ онъ ему объявляетъ, что онъ идетъ пѣшкомъ изъ Кіева въ Слуцкъ. Уже проходитъ два мѣсяца и нѣтъ Василя въ Слуцкѣ, почему мы и заботимся, не случилось ли съ нимъ что нибудь на пути, который онъ по своей глупости осмѣлился предпринять пѣшкомъ. Слуцкъ отъ Кіева отстоитъ почти на 500 верстъ и ему безъ денегъ и безъ повозки никто ѣхать не велѣлъ и не совѣтовалъ. Какъ бы то ни было, ожидать его здѣсь не могу и чрезъ четыре дня отправляюсь въ Петербургъ чрезъ Бѣлую Русь, т. е. Могилевъ и проч. Кланяйся и благодари отъ меня нижайше Василію Дмитріевичу господину Третьякову за его къ тебѣ и сестрицѣ моей Евфросиніи усердіе. Я ему напишу изъ Петербурга особливо. Ежели мужъ Евфросиніи въ состояніи отку-

питься у своего господина, то я буду просить сына его Іакима, который въ бытность мою въ Петербургѣ служилъ въ гвардіи, оказать человѣколюбіе надъ моимъ сродникомъ о чемъ..... также просить нашего отца Никиту и отца Симеона; и надѣюсь на ихъ великодушіе и доброту, что прозьба моя не будетъ отъ нихъ вовсе отринута. Судомъ и упрямостію искать вольности не можно, ибо сіе противно россійскимъ законамъ. Въ Россіи многіе миліоны живутъ подъ игомъ рабства[1])... причины, никто изъ оного освободиться не можетъ. Сверхъ того, для его нужно имѣть въ губерніи и сенатѣ судебную тяжбу. Михайлу Васильевичу (Бѣлозерскому?) напишу изъ Петербурга. Братъ твой Д. Д. (?) Велланскій.

31 августа, 1805 года. Слуцкъ.

2) Дражайшій, любезнѣйшій другъ
Михайло Васильевичъ!

Вчерашній день, въ 7 часовъ вечера, получилъ я письмо ваше. Завтра въ 4 часа послѣ обѣда принимаютъ на почтѣ; и я спѣшу отвѣчать вамъ. Но прежде всего поздравляю васъ искренно, сердечно съ счастливымъ бракомъ. По древности моихъ лѣтъ, я очень еще помню покойнаго дѣдушку вашей супруги, Сотника Рыбу, при которомъ, кажется, былъ городничимъ Барабанъ. Все сіе происходило въ прошедшемъ столѣтіи. А въ нынѣшнемъ, сначала отъ холоднаго вѣтра на полѣ получили вы ревматическую боль въ ухѣ и около шеи, съ воспаленіемъ, и, можетъ, быть съ опухолью въ горлѣ, что и называютъ жабою. Это весьма обыкновенная болѣзнь, излѣчивается грудянымъ чаемъ, теплымъ содержаніемъ и припарками къ болящему мѣсту. Оставшаяся у васъ слабость, при ревностномъ исполненіи новой вашей должности усугубилась, отъ чего появлялась и увеличивалась судорожная боль въ грудяхъ, которая, какъ зависитъ отъ поврежденія нервовъ, при всякомъ возмущеніи духа ожесточается и усиливается.—Ежели она теперь поутихла, нѣтъ кашля и колотья въ грудяхъ, а только разслабленіе и усталость во всемъ тѣлѣ, то сіе означаетъ общее поврежденіе нервной си-

[1]) Точками означены выцвѣтшія слова.

стемы, а не чахотку, которая состоитъ въ частномъ поврежденіи какой ни есть внутренности, а особливо легкихъ. Но кто легко получаетъ жабу, кашель и колючія боли въ грудяхъ, тому не трудно достать и чахотку, ибо происшедшее воспаленіе въ легкихъ, ежели вскорѣ не будетъ уничтожено посредствомъ припарокъ, нарывныхъ пластырей, или Шпанскихъ мухъ, либо кровопусканія и проч., приходитъ въ нагноеніе, которое и есть чахотка. По вашему описанію, я нахожу у васъ нервную слабость, которая обыкновенно сопряжена бываетъ съ гипохондрическими припадками. На нѣсколько времени, старайтесь избѣгать всѣхъ душевныхъ возмущеній. Физическимъ упражненіямъ предавайтесь какъ можно рѣже.....кіе[1]) три дни употребляйте одинъ разъ теплую ванну, въ которую прежде кладите душистыхъ и горькихъ травъ, какъ то: сушеной мяты, садовой ромашки и полыню, по равной долѣ, къ которымъ прибавляйте еще по четверти фунта столченныхъ въ порошекъ горчичныхъ сѣменъ. Въ пищу употребляйте то, къ чему имѣете аппетитъ, кромѣ жирнаго. Супъ съ цыплятами и овсяною крупою, говяжая студень, желе, или кисель изъ сушенныхъ фруктовъ, какъ то: вишень, сливъ, грушъ и проч., могутъ быть для васъ очень полезны. Вскипятивъ кварту хорошаго пива, положите въ оное четыре яичные желтка, разболтанные съ мелкимъ сахаромъ, и придайте лотъ истолченной въ мелкій порошекъ корицы, или имбиру; все сіе смѣшавши пить по стакану къ вечеру, да и раза два или три въ сутки теплымъ. Либо употребляйте hogel-mogel, то есть: красное вино по равной доли съ водою, и съ маленькимъ количествомъ корицы вскипятить, примѣшать нѣсколько яичныхъ желтковъ съ сахаромъ, и пить по стаканчику. Вмѣсто чаю, употребляйте по утрамъ траву, прописанную въ приложенномъ при семъ рецептикѣ. Наливъ кипяткомъ, сколько нужно, и настоявъ крѣпко, пейте не съ сахаромъ, а съ бѣлымъ медомъ (mel virgineum), который пчелы берутъ изъ липовыхъ цвѣтовъ. Покуда совершенно оправитесь, берегитесь, какъ можно простуды. Почувствовавъ колючую, постоянную боль въ груди,

[1]) Оторвана часть письма.

прикладывайте на болящее мѣсто синапизмы, т. е. квашеное тѣсто съ толченою горчицею и уксусомъ, и держите покуда покраснѣетъ, при чемъ ставьте ноги въ теплую воду. Читать вамъ медицинскія книги совсѣмъ ненужно, ибо вы, читая тамъ всякой зброд, только себя разстроите и встревожите напрасно, приспособляя всякіе припадки къ своей болѣзни, какъ сіе обыкновенно случается съ гиппохондриками, хотя васъ и не можно считать въ числѣ оныхъ. Вы сами можете чувствовать, что вамъ противно, и что сносно и полезно изъ предписанныхъ здѣсь средствъ. Я наставляя и пользуя столько времени другихъ, никогда еще не имѣлъ нужды мучить самого себя лѣкарствами; и благодаря моему тѣлосложенію и тихому роду жизни, нахожусь совершенно здоровъ. Прошлаго генваря 13-го дня минуло два года, какъ я живу съ моею Анною Николаевною, которая составляетъ наибольшее удовольствіе моей жизни. 6-го ноября истекшаго года родила она сына, Михайла, весьма похожаго на себя, которымъ мы теперь утѣшаемся.

Миру съ англичанами нѣтъ, и не будетъ! Это... Борзнѣ не примѣтно, а здѣсь весьма тягостно. Заплативши 35 рублей за аршинъ сукна, и покупая... вещь въ пять разъ дороже противу прежняго, скоро сдѣлаемся мы здѣсь всѣ банкротами!

Я хотѣлъ вамъ прислать книжицу моего сочиненія о физикѣ, но которая еще изъ цензуры не вышла... когда будетъ готова, то вы получите оную отъ любящаго и почитающаго васъ Данилы Велланскаго [1]).

P. S. Le bruit se fait à Petersburg, que l'empereur de Fransais va èpouser la grande duchesse de Russie.

3 го февраля 1810. С.-Петербургъ.

3) Дражайшій Пріятель
Михайло Васильевичъ!

Письмо ваше доставило мнѣ великое удовольствіе. Я радуюсь, что друзья мои живутъ еще въ мірѣ семъ! Планета, правда, незавидная, и квартировать здѣсь не слишкомъ сладко;

[1]) Точками означены слова, находившіяся на оторванныхъ частяхъ письма.

но при всемъ томъ не худо еще поболтаться на оной. Прошлое лѣто, когда пранци (французы) стремились къ Москвѣ, проводили мы въ чрезвычайной тревогѣ. Ужасно было смотрѣть, какъ укладывались на суда и уѣзжали сухимъ путемъ! Но намъ бѣжать было не на чемъ и не съ чѣмъ. При таковой самотохѣ августа первыхъ чиселъ, въ два дня умерло у меня два сына: Мишенька 2-хъ лѣтъ и 9-ти мѣсяцовъ и Николенка 8-ми мѣсяцовъ. Печаль по онымъ содѣлала меня равнодушнымъ къ предстоявшей опасности. Теперь остаются у меня двѣ дочечки: Катинька двухъ лѣтъ съ половиною, и Анинька 3-хъ мѣсяцовъ. Благодаря плодородію Анны Николаевны и моему сложенію, въ чадахъ недостатка у насъ не будетъ, но мнѣ чрезвычайно жалко первыхъ моихъ молодцовъ!

Я имѣлъ намѣреніе при выгодномъ случаѣ переселиться въ Москву, гдѣ можно бы имѣть лучшую практику, но она, матушка, такъ раззорена, что за нашей жизни не возстановится. Кто не имѣетъ доходу 10000 ф. въ годъ, тому жить теперь въ Петербургѣ съ семействомъ трудно. Получая жалованья 2000 ф., а изъ практики 1000 ф. и имѣя казенную квартиру, дрова, свѣчи и служителя, живу я въ небольшомъ недостаткѣ; и при строжайшей экономіи, не остается у меня ни гроша въ годъ. Бѣднякъ тотъ, кто не имѣетъ такого мѣста, гдѣ бы (могъ?) казну воровать, или другимъ способомъ общество грабить!

Нынѣшняя эпоха самая нещастная, и господствующее состояніе духа людей не подаетъ надежды къ лучшему жребію оныхъ. При всемъ томъ въ нынѣшнемъ теченіи міра можно уже видѣть нѣкоторое предначертаніе къ блаженной эпохи онаго; хотя находится она въ несмѣтной отдаленности отъ настоящей.

Истина, благость и лѣпота не суть общимъ удѣломъ духа человѣческаго, а обитаютъ только въ нѣкоторыхъ, и то весьма не многихъ; посему-то общее мнѣніе и постановленіе суть самыя неистовыя.

Льву Васильевичу мое усерднѣйшее почтеніе! Я думалъ, что онъ находится еще въ арміи. Но не вѣкъ таскаться за Марсомъ; надобно сколько нибудь пожить и въ тишинѣ. Съ того времени, какъ онъ видѣлъ мою Анну Николаевну, родила она

два сына и три дочери, но не перемѣнилась, а только немного пополнѣла. Я не помню, какая бы это была пѣсня малороссійская, которую слыхалъ у насъ Левъ Васильевичъ? Между нотами Анны Николаевны нѣтъ ни единой; а она играетъ наизустъ: *ѣхавъ козакъ за Дунай, сказавъ дивчино прощай...* Я здѣсь у кого нибудь отыскавши спишу, и при случаѣ къ вамъ пришлю.

Данила Васильевича, дражайшаго моего современника, поздравляю брачнымъ его состояніемъ, и желаю ему и мнѣ прожить еще по 40 лѣтъ. Я столь моложавъ и свѣжъ, что меня никто не считаетъ сорокалѣтнимъ, а полагаютъ мнѣ около 30-ти лѣтъ. Но сѣдина начинаетъ уже украшать главу мою.

Съ нѣкотораго времени слухи о военныхъ дѣйствіяхъ не такъ для насъ пріятны. Сраженія происходили на Элбѣ, и наши принуждены отступать. Говорили и писали, что Австрія вступаетъ въ союзъ съ Россіею и Пруссіею противъ общаго врага; но ничего положительнаго о семъ еще нѣтъ. Боже сохрани теперь проиграть нашимъ! мы пропадемъ.

Господинъ Сенильниковъ въ Петербургѣ; и его стараніемъ выполнена коммиссія вашего батюшки, которому посылается здѣсь копія Сенатскаго Опредѣленія.

Пожелавъ вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, остаюсь навсегда преданнымъ вамъ слугою Данило Велланскій.

P. S. Прежде сего я никакого письма отъ Васъ не получилъ.

С.-Петербургъ. 19 мая, 1813.

4) Дражайшій мой
Михайло Васильевичъ!

Нынѣшняя окказія есть такого свойства, что нельзя опустить оной безъ всякаго къ вамъ отзыва. Григорій Ивановичъ Кисилевскій возвращается въ Кіевъ чрезъ Борзну, гдѣ вѣрно не проминетъ онъ посѣтить и васъ. Посылаю Вамъ для любопытства мое сочиненійце, показывающее въ тѣснѣйшей краткости обширнѣйшіе, величайшіе предметы, которыми изъ всѣхъ ученыхъ Россіянъ занимается только одинъ Борзенскій урожe-

нецъ Велланскій,—не изъ какого либо пустого тщеславія, а изъ чистой любви и священной склонности къ истинному и высокому. Мнѣ весьма пріятно помышлять, что проницательный, необыкновенный духъ друга моего Михайла Васильевича можетъ найти въ положеніяхъ моихъ многое для него понятное!

23-го сего сентября, въ 7 часовъ утра, родился у меня сынъ Петръ, при крайней опасности для моей Анны Николаевны, которая страдала 40 часовъ родами. Но благодаря природѣ, дѣло рѣшилось благополучно, какъ для матери, такъ и для младенца!

Леонтію Васильевичу и Данилу Васильевичу свидѣтельствую мое искреннѣйшее почтеніе и вѣрнѣйшую преданность, и желая вамъ съ вашею супругою благополучнѣйшихъ дней щастливой жизни, остаюсь истинный вашъ другъ Данило Велланскій.

P. S. Около трехъ мѣсяцевъ назадъ, какъ писалъ я въ Борзну Ивану Федоровичу Гордѣенку, но не получаю отъ него отвѣта! При случаѣ прошу его попенять, ежели онъ не въ отлучкѣ.

26 сентября, 1815; С.-Петербургъ.

5) Любезнѣйшій дражайшій мой
Михайло Васильевичъ!

Зная Ваше любопытство ко всему необыкновенному, посылаю Вамъ книгу о животномъ магнитизмѣ. Первыя двѣ части будутъ вамъ довольно понятны, а послѣдняя требуетъ предварительныхъ свѣденій въ физическихъ наукахъ. Она отпечатана въ половинѣ прошедшаго августа. Изъ всѣхъ почти мѣстъ въ Россіи приходятъ ко мнѣ требованія на оную; и изъ 1000 экземпляровъ, которые напечатаны, остается у меня только 200. Петербургская и Московская публика весьма довольны оною; а наипаче русскіе врачи изъявляютъ мнѣ благодарность свою.

Братъ мой Матвѣй Велланскій пишетъ ко мнѣ изъ Полтавы, что онъ въ бытность его въ Борзнѣ навѣщалъ васъ и пользовался благосклоннымъ Вашимъ пріятіемъ.

Данилу Васильевичу и Леонтію Васильевичу свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ, оставаясь навсегда искреннѣйшимъ Вашимъ другомъ Д. Велланскій.

С.-Петербургъ. 14 ноября, 1818.

16 сентября 1826 г. Санктпетербургъ.

6) Любезнѣйшій, дражайшій, благотворительнѣйшій другъ, Милостивый Государь

Михайло Васильевичъ!

Письмо ваше, отъ 1-го іюля 1826, получилъ я 9 августа. Господинъ Карамалія, доставившій мнѣ оное, не принесъ тогда формулярнаго списка г. Сорокина, который былъ нуженъ для справки по его дѣлу; и спустя три недѣли, я могъ только достать оный. Вотъ причина укоснительнаго моего отвѣта!

По воинскому узаконенію въ Россіи, г. Сорокинъ изъ полку въ городъ переведенъ быть не можетъ. Костоправы и фельдшеры въ арміи суть равнаго достоинства.—Въ семъ низшемъ медицинскомъ званіи, солдатскій сынъ долженъ прослужить, по прежнему постановленію 25, а по новому 22 года. За двадцатилѣтнюю, безпорочную службу фельдшеръ и костоправъ производятся въ 14 й классъ. Подлѣкарскаго званія, какъ въ арміи, такъ и въ гражданской медицинской службѣ, теперь нѣтъ; а въ каждомъ уѣздѣ, или въ повѣтѣ, положена должность врача, который можетъ имѣть при себѣ, для услуги по должности, двухъ лѣкарскихъ учениковъ, избираемыхъ имъ самимъ и утверждаемыхъ Губернскою Медицинскою Управою.

Я очень сожалѣю о непріятномъ обстоятельствѣ съ Леонтіемъ Васильевичемъ! но таковыя встрѣчи должны быть весьма обыкновенны между людьми, коимъ чужды: лѣпота, истина и благость духа человѣческаго. Мы живемъ въ области двухъ односущественныхъ, но противоположныхъ міровъ: Натуры и Культуры, и тѣмъ различаемся отъ животныхъ, пребывающихъ только подъ вліяніемъ Натуры. Весь процесъ жизни человѣческой состоитъ въ трехъ *актахъ*: въ чувствованіи, знаніи и хотѣніи, коихъ идеалы, или законы, сообразные творческой цѣли суть: лѣпота, истина и благость, какъ предметы эстетики, фи-

лософіи и этики, составляющихъ божественную область культуры. Пилипенко, Долинскій и подобные имъ, не понимая законнаго содержанія сей области, живутъ въ ней такъ, какъ Корсеры въ Африкѣ, или звѣрь въ дикихъ лѣсахъ; и дѣянія ихъ жизни весьма натуральны. Но Давидъ написалъ справедливо: „Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе! зане яко трава скоро изсхутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ“. Нарушеніе законовъ Культуры никогда и никому не остается безъ наказанія, въ которомъ только и состоитъ все несчастіе людей. Кто наиболѣе страждетъ въ общественномъ состояніи? Конечно тотъ, кто наименѣе культированъ, или просвѣщенъ, т. е. черной народъ. Простые люди суть естественные грѣшники; и единственный источникъ ихъ грѣховъ есть темное невѣжество, за которое они должны страдать во всю ихъ жизнь C'est pourquoi, la vie de vulgair n'est autre chose, que l'assemblage des malheurs!

Бонапарте столько же былъ просвѣщенъ, сколько и Пилипенко.—Духъ его, увлекаясь одними чувственными занятіями, удалялся отъ истины и благости; посему онъ оглупѣлъ до такой степени, что теряя власть свою надъ 75 милліонами людей, лучше захотѣлъ погибнуть, нежели остаться владѣтелемъ 25-ти милліоновъ однихъ Французовъ! Недавно богатѣйшій банкиръ въ Австріи, Гольдшмидъ, застрѣлился, потерявши, по какимъ-то причинамъ, нѣсколько милліоновъ гульденовъ; и хотя у него оставалось еще 60 милліоновъ, однако онъ не хотѣлъ жить, не бывши богатымъ такъ, какъ прежде. Другой такой же банкиръ въ Лондонѣ повѣшенъ за то, что потерпѣвши уронъ на нѣсколько милліоновъ, надѣлалъ множество фальшивыхъ облигацій, въ надеждѣ уничтожить оныя со временемъ; но подлогъ хищнаго богача узнали, и по аглинскимъ законамъ его повѣсили: sic transit gloria mundi!

Общая цѣль всѣхъ нынѣшнихъ стремленій есть: быть богатымъ и сильнымъ; и достиженіе оной, какими бы то способами ни было, почитается верховнымъ благополучіемъ! Посему сцена общественной нашей жизни столь трагическа, и представляется одинакимъ образомъ: какъ въ Борзнѣ, такъ въ Петер-

бургѣ, такъ Лондонѣ, такъ въ Парижѣ, такъ въ Константинополѣ, такъ въ Испаганѣ, Пекинѣ, Каирѣ и на всѣмъ лицѣ земномъ! Я, будучи космополитъ (гражданинъ всего міра), привыкъ смотрѣть на таковую сцену равнодушно; и хотя случалось и мнѣ самому проходить здѣсь колючія тропинки, однако я пробѣгалъ оныя, какъ можно, скоро и увертливо, не получивъ—gloria sit Deo!—слишкомъ ощутительныхъ язвинъ на стопы моя. Живу очень весело, и можетъ быть такъ, какъ жилъ Платонъ въ Аѳинахъ,—онъ бесѣдовалъ со своими учениками въ рощѣ, называемой Академія. Подобнымъ образомъ и я преподаю въ академическомъ амфитеатрѣ физіологическія наставленія: о сущности всей природы и человѣка, коими юные слушатели мои, стекающіеся сюда изъ всѣхъ провинцій Россіи, бываютъ восхищены до крайности.

Моя Анна Николаевна, первые двѣнадцать лѣтъ рождала каждый годъ, но дѣти умирали или въ самыхъ родахъ, или послѣ году, отъ труднаго выхожденія зубовъ; и остались только двѣ дочери: одной 13, а другой 15 лѣтъ, кои воспитываются въ пансіонѣ.

Почтеннѣйшему отцу Евфимію Ковалевскому прошу отъ меня кланяться! Свидѣтельство о его дворянствѣ еще не вышло изъ герольдіи; хотя Степанъ Тимофѣевичъ и я хлопочемъ за него усердно. По закону слѣдуетъ ему выдать оное; но здѣсь трудно ѣхать, когда оси не подмажетъ! Мои знакомцы и земляки, служащіе въ Сенатѣ, по моей прозьбѣ, обѣщали непремѣнно выхлопотать свидѣтельство протоіерею Ковалевскому. Поклонъ мой отцу Петру Семироду и женѣ его! Мнѣ очень желательно побывать въ Малороссіи! но удобнѣйшее для сего время, іюль и августъ, занято въ нашей академіи публичными экзаменами и производствами, гдѣ я долженъ участвовать непремѣнно. По новому штату Академіи, который еще не вышелъ, экзамены полагаются въ іюнѣ. Тогда я могу отлучиться на іюль и августъ, и заѣхать изъ Кіева въ Борзну, чтобы посѣтить васъ, повидѣть Семирода, и взглянуть на мѣсто, гдѣ я родился. Отъ Троицкой церкви провесть прямую линію къ болоту, подлѣ коего родился в. п. слуга Д. Велланскій.

7) Итакъ, почтеннѣйшій, любезнѣйшій другъ Михайло Васильевичъ! желаніе мое, видѣть родимую страну, должно оставаться и теперь безъ удовлетворенія! Греки думали основательно: что боги, управляющіе міромъ, сами управляются судьбою, и трепещутъ отъ всякаго покушенія къ преступленію ея опредѣленій! За 40 лѣтъ предъ симъ, выѣзжая съ вами, первый разъ въ жизни, изъ Борзны, оставлялъ я сей городъ съ крайнимъ восхищеніемъ, и молилъ Бога, чтобы онъ не судилъ мнѣ жить когда либо въ томъ мѣстѣ. Въ дѣтскихъ лѣтахъ, и не зная другихъ обстоятельствъ жизни, я, по настоящему, не имѣлъ причины быть столь недовольнымъ Борзною; но къ концу моего пребыванія въ оной, духъ мой такъ стѣснялся, что я жилъ, какъ дикая птица въ клѣткѣ! Таковое стѣсненіе напечатлѣлось глубоко въ моей памяти; и мнѣ часто приходитъ теперь желаніе повидѣть Борзну, но не удается исполнить оное.

По разсказамъ г. Косенка, у котораго распрашивалъ я о всѣхъ борзенскихъ обстоятельствахъ, непримѣтно никакой перемѣны въ физическомъ положеніи и нравственномъ образованіи Борзняковъ. Каковыми были они за полвѣка, таковыми остаются и теперь. Физическій свѣтъ пробѣгаетъ въ одну секунду 40000 геометрическихъ миль (изъ коихъ въ одной содержится 7 нашихъ верстъ), а психическій ползетъ медленнѣе улитки; и въ провинціяхъ могущественной, огромной Россіи едва ли появляется утреннее мерцаніе европейскаго просвѣщенія! Мнѣніе сіе весьма не многіе признали бы основательнымъ; поелику наибольшая часть людей имѣютъ совсѣмъ другое понятіе о просвѣщеніи: такъ какъ о добрѣ и злѣ, о блаженствѣ и несчастіи, о совершенствѣ и недостаткѣ всякъ думаетъ по своему.

Мнѣ очень жалко, что въ теченіе толикаго времени не имѣлъ я случая видѣться съ вами лично. Нашимъ разговорамъ не было бы конца; но въ одинъ часъ разсказалъ бы я вамъ болѣе, нежели можно написать въ цѣлый годъ. Г. Косенко слишкомъ простъ. Раціональныя понятія для него чужды; и я немогъ ему растолковать всемірнаго механизма земли: какъ она ежедневно поворачивается колесомъ, и въ годъ обходитъ вокругъ солнца. Мнѣ хотѣлось сообщить ему, хотя самое поверх-

ностное, знаніе о физическомъ мірѣ; mais il en etait incapable. Одинажды я ему сказалъ, по секрету, что чорта нѣтъ на свѣтѣ, и что онъ выдуманъ только для того, дабы пугать имъ простой народъ. Это привело его въ нѣкоторое смущеніе, и хотя онъ мнѣ на то не возражалъ, но внутренно не повѣрилъ. Мы говорили о вѣдьмахъ, о ворожкахъ и знахаркахъ, о колдунахъ и упыряхъ. Я ему изъяснялъ физическимъ образомъ, что таковыя проказницы и проказники дѣйствительно не существуютъ, и что чортъ въ ихъ дѣяніяхъ не участвуетъ ни малѣйше.

Кажется, что г. Косенко изъ разговоровъ моихъ мало почерпнулъ пользы; но разсказы его много удовлетворяли моему любопытству. Бесѣдуя съ нимъ часто о Горознѣ, я столько получилъ о ней свѣденій, что какъ будто-бы съѣздилъ въ оную. За то я старался доставить ему, сколько можно болѣе, познанія о Петербургѣ; хотя онъ, по чрезвычайнымъ своимъ работамъ въ Сенатѣ, не могъ пріобрѣсть значительнаго свѣденія въ эстетическомъ вкусѣ, топографическомъ величіи и политическомъ тонѣ блестящей европейской столицы. Ни разу не удалось ему побывать въ русскомъ театрѣ, ни въ итальянской оперѣ, ни въ музыкальномъ концертѣ. Едва одинажды зимою успѣлъ я свезти его въ Олимпійскій циркъ Турніера, гдѣ на лошадяхъ, бѣгающихъ во всю прыть кругомъ, дѣлаютъ весьма ловкія пляски и скачки мужчины и женщины, такъ что Косенко сначала не вѣрилъ своимъ глазамъ и думалъ, что плясуны пускаютъ *ману*. Хотѣлось еще повести его къ Кіарини, гдѣ чудеснѣйшія штуки дѣлаютъ на канатахъ, но онъ за сенатскими хлопотами не успѣлъ воспользоваться симъ зрѣлищемъ. При концѣ пребыванія его въ Петербургѣ, я совѣтовалъ ему настоятельно, чтобы онъ побывалъ еще въ Парижѣ, т. е. посмотрѣлъ панораму Парижа, которая сдѣлана съ превосходнѣйшимъ искусствомъ перспективной живописи, гдѣ взирающему представляется весь городъ Парижъ, въ натуральной величинѣ, фигурѣ и цвѣтѣ домовъ и другихъ зданій, мостовъ на рѣкѣ Сенѣ, улицъ, площадей и садовъ; весьма явственно въ той части города, гдѣ живописецъ снималъ видъ онаго.

Братъ мой хвалился вашею благосклонностію и гостепріимствомъ, коими онъ пользовался, будучи въ Борзнѣ, что я почитаю доказательствомъ дружескаго Вашего ко мнѣ расположенія. Г. Косенко разсказывалъ мнѣ о счастливыхъ обстоятельствахъ домашней и фамильной вашей жизни, чему я сердечно радуюсь, имѣя къ вамъ неограниченную преданность и доброжелательство.

Данiилъ Велланскiй.

30 мая, 1828. С.-Петербургъ.

8) Милостивѣйшій, любезнѣйшій, дражайшій мой Михайло Васильевичъ!

Извѣстіе о новорожденномъ вашемъ Олимпіи было для меня восхитительно! Поздравляя васъ съ полученіемъ такового дара небесъ, возношу мольбу мою къ онымъ о ниспосланіи благой судьбы на прозябшую отъ васъ новую отрасль!

Между тѣмъ, за физическіе ваши подвиги, приношу вамъ плодъ психическихъ моихъ занятій, который, можетъ быть, доставитъ сколько-нибудь удовольствія любопытному вашему духу.

Леонтію Васильевичу, другу и любезнѣйшему мосму товарищу въ юныхъ лѣтахъ, свидѣтельствую искреннѣйшій мой поклонъ! Да хранитъ его десница Всевышняго въ тихой и мирной сельской жизни!

Остаюсь съ истинною къ вамъ любовію и безмѣрною преданностію. Д. Велланскій.

22 марта, 1832. С.-Петербургъ.

9) Милостивѣйшій, любезнѣйшій, дражайшій мой Михайло Васильевичъ!

Причиною медленнаго сего отвѣта на письмо ваше, отъ 5-го мая 1832 г., есть податель онаго г. Шкляревичъ. Онъ былъ у меня только одинъ разъ; въ другой разъ зашелъ еще и посидѣлъ минуты три, сказывая, что онъ скоро уѣзжаетъ изъ Петербурга. На прозьбу мою онъ обѣщалъ побывать у меня предъ своимъ отъѣздомъ и назначилъ день своего посѣщенія, но не удостоилъ меня онаго!

Наканунѣ того дня приготовилъ я къ вамъ письмецо, которое здѣсь и прилагается. Дивій поступокъ г. Шкляревича со мною показываетъ, что я ему весьма не понравился. Но какъ я не подалъ ни малѣйшаго повода къ его неудовольствію, а паче старался, откровенно и притворно, пріобрѣсть его пріязнь, то онъ долженъ имѣть антипатію къ людямъ одинаковаго со мною качества.

Вы желаете, чтобы сынъ вашъ Викторъ успѣлъ быть профессоромъ физики и химіи. Это будетъ зависѣть отъ его способности и склонности къ физическимъ наукамъ, которыя, хотя весьма обширны и разнообразны, однако требуютъ познанія ихъ цѣлости. Физика и химія имѣютъ предметомъ неорганическую или мертвую природу, которой познаніе неважно безъ понятія объ органической или живой природѣ. Не можно быть великимъ физикомъ или химикомъ, не имѣя довольнаго свѣдѣнія въ фитологіи (наука о растительномъ царствѣ), зоологіи (о царствѣ животныхъ) и антропологіи (о человѣкѣ).

Посему желающій посвятить себя ученому роду жизни долженъ проходить медицинскій факультетъ, въ которомъ преподаются всѣ физическія науки; и степень доктора медицины получаютъ только по строгомъ испытаніи изъ оныхъ наукъ. Докторъ медицины имѣетъ много выгодъ на своей сторонѣ. Онъ можетъ заниматься практикою, которая составляетъ главнѣйшій способъ къ пріобрѣтенію хорошаго куска хлѣба. Но кто не имѣетъ терпѣнія, особливой способности и свѣтской ловкости, необходимыхъ для практическаго врача, тотъ, по его склонности къ какой-либо изъ физическихъ наукъ, можетъ легко сдѣлаться профессоромъ оной. Для гимназическихъ и народныхъ учителей есть педагогическій институтъ, а для профессоровъ нѣтъ предуготовительнаго заведенія, и они, какъ члены высшихъ училищъ, т. е. академій и университетовъ, должны приготовлять сами себя къ избираемой ими профессурѣ, для которой нужно курсировать не малое время въ высшихъ училищахъ и карабкаться чрезъ многія ступеньки, покуда всунешься въ профессорскую каѳедру.—Хотя у насъ на Руси многіе лѣзутъ въ оную напро-

ломъ другою дорогою и берутся учить тому, о чемъ сами не имѣютъ настоящаго понятія.

Если вы хотите опредѣлить вашего сына въ ученое состояніе, то по окончаніи словесныхъ и математическихъ наукъ въ гимназіи или въ лицеѣ, пошлите его въ университетъ, гдѣ бы онъ занялся предметами медицинскаго факультета столько, чтобы могъ получить степень доктора медицины, къ чему потребно 6 или 9 лѣтъ. Тутъ вы должны потрясти нѣсколько своею худобою, для содержанія его на собственномъ иждивеніи, ибо казенныхъ студентовъ, послѣ трехъ или четырехлѣтняго курса, дѣлаютъ лѣкарями и посылаютъ въ армію или во-флотъ на службу, гдѣ должно разстаться навсегда съ тихими и покойными музами. Но паче всего долженъ онъ изучиться совершенно нѣмецкому языку, который теперь необходимъ для учености, ибо важнѣйшія философическія и физическія сочиненія нынѣшняго времени писаны только на нѣмецкомъ языкѣ, безъ котораго не можно пріобрѣсти глубокихъ свѣдѣній ни въ какой физической наукѣ. Я всѣмъ моимъ знаніемъ одолженъ нѣмцамъ, которыхъ и считаю только истинно учеными. Умственныя произведенія всѣхъ европейскихъ націй мнѣ также извѣстны но я не нахожу въ оныхъ ничего важнаго, путнаго и основательнаго.

Вашъ искреннѣйшій Д. Велланскій.

18 ноября, 1832. С.-Петербургъ.

10) Милостивый государь, дражайшій, великодушный другъ мой Михайло Васильевичъ!

Искренній, дружескій вашъ пріемъ, оказанный мнѣ въ проѣздѣ моемъ чрезъ Борзну, возобновилъ въ духѣ моемъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое произведено тамъ благотвореніями вашими съ юныхъ лѣтъ моихъ! Поѣздка моя въ Малороссію, хотя по привычкѣ моей къ сидячей жизни была для меня довольно тягостна, однако доставила мнѣ чрезвычайное удовольствіе видѣть васъ со всѣми вашими домочадцами, имиже благословилъ васъ Господь! Кіевъ произвелъ во мнѣ живое воспоминаніе о жизни моей, проведенной тамъ въ моленіи и бла-

говѣніи, необыкновенномъ отроческому юношескому возрасту. Но въ нынѣшнемъ состояніи моего духа показался онъ мнѣ чуждымъ. Москва удивила меня внѣшнимъ своимъ видомъ. Это фениксъ, возродившійся изъ своего пепла, и выросшій такъ скоро до совершенной величины. Я пробылъ въ Москвѣ 4 дня. Академическіе и университетскіе профессоры приняли меня, принца ученаго свѣта! Они дѣлали для меня торжественный обѣдъ и съ пелицемѣрнымъ усердіемъ восклицали за шампанскимъ: да здравствуетъ Велланскій, Русскій нашъ Философъ! Послѣ обѣда бесѣдовалъ я съ ними часовъ шесть о физическихъ предметахъ, излагалъ имъ трудныя проблемы въ моей физикѣ, которую они мало поняли, потому что основанія Натуральной Философіи, изъ которыхъ она выведена, имъ вовсе неизвѣстны; однако они столь прозорливы и правдолюбивы, что могли тотчасъ видѣть всю силу моихъ доказательствъ, и не оспаривали ихъ пустыми возраженіями. Они просили меня остаться хотя на одинъ мѣсяцъ въ Москвѣ и дать имъ нѣсколько лекцій изъ Умозрительной Физики. Но я долженъ былъ спѣшить въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ августа, ибо 1-го сентября начинается академическій курсъ лекцій.

Москва есть настоящее сердце Россіи, и жители, какъ самой Москвы, такъ и всей московской губерніи, составляютъ цвѣтъ Русскаго народа. Простой московскій народъ отличается отъ всѣхъ народовъ другихъ провинцій своею живостію, веселостію, красотою тѣла, особливо мужчинъ, и наружнымъ самодовольствіемъ. Люди высшаго и средняго класса вездѣ почти одинаковы, а настоящій характеръ и состояніе націи можно только видѣть въ простомъ народѣ. Какая разница между Бѣлорусцами, Малороссами и Москалями! Тѣ вообще бѣдны, печальны и глупы; а послѣдніе хотя не богаты, но довольны, веселы и чрезвычайно смѣтливы.

Въ началѣ прошлаго декабря московскіе профессоры приглашаютъ меня пріѣхать въ Москву на одинъ генварь или февраль мѣсяцъ для преподаванія тамъ публичныхъ лекцій изъ Натуральной Философіи. Они предлагали мнѣ за 20 лекцій 20 тысячъ рублей, которыя, на случай моего согласія, хотѣли они

собрать отъ 200 добровольныхъ слушателей, по 100 рублей съ каждаго. Но я, не имѣя адъюнкта или помощника, не могу во время курса отлучиться и на два дня изъ академіи. Въ году одинъ августъ имѣемъ мы свободнымъ, или вакаціоннымъ временемъ; и ежели въ слѣдующемъ августѣ отыщутся 50 слушателей для моихъ лекцій въ Москвѣ, то я поѣду на 28 дней. Лѣтомъ богатые студенты и роскошные дворяне уѣзжаютъ изъ Москвы на вакаціи и въ деревни, а посему не много слушателей подпискою собрать можно.

Братъ мой не рѣшился еще оставить службу и жить въ Борзнѣ.—Да я ему совѣтовалъ доканчивать вѣкъ свой въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ привыкъ заниматься лѣченіемъ больныхъ, и безъ чего ему вездѣ будетъ скучно. Онъ пишетъ ко мнѣ, что Семиродъ купилъ для него домъ, еще недодѣланный, и что онъ просилъ васъ поставить его на томъ дворикѣ въ *замкѣ*[1]), гдѣ мы пили воду изъ криницы. Но онъ вѣрно не знаетъ, что къ дворику нѣтъ проѣзда, и только могутъ проходить къ нему свиньи, да пѣшіе люди. Посему мнѣ кажется лучше поставить домъ на Семиродовомъ дворѣ подлѣ его жилища, тамъ гдѣ мы предполагали; и ежели братъ жить въ Борзнѣ не будетъ, то не обдѣлывать дома понапрасну, а продать его такъ, какъ онъ купленъ. Я совѣтовалъ брату купить у Семирода домикъ прежняго нашего жилища въ *замкѣ*, дабы приписать къ оному его людей, которые послѣ его смерти должны достаться мнѣ. У него 4 души мужеска пола: парнишка лѣтъ тринадцати и три мальчика, рожденные его дѣвкою. Мнѣ хочется развести колонію въ Борзнѣ! Когда они возрастутъ, куплю для нихъ землю, поженю ихъ, буду снабжать всѣмъ нужнымъ, и платить за нихъ всю казенную повинность.

Недавно познакомился со мною здѣсь кандидатъ Харьковскаго Университета, бывшій долго въ Лондонѣ и нынѣ назначаемый профессоромъ въ Кіевскій Университетъ св. Владиміра. Онъ постарается опредѣлить вашего Виктора Михайловича при Университетѣ. Но онъ пробудетъ еще здѣсь нѣсколько мѣся-

[1]) Часть города Борзны.

цевъ; ибо долженъ выдержать экзаменъ въ здѣшнемъ Университетѣ, сдѣлаться магистромъ философіи. Почтеннѣйшей вашей супругѣ и любезнѣйшимъ дѣтямъ свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ, и остаюсь преданнѣйшій Вашъ

Д. Велланскій.

P. S. Третьяго дня извѣстилъ меня Николай Даниловичъ о смерти Леонтія Васильевича. Онъ перешелъ только изъ частнаго бытія въ общее существованіе, откуда мы возникаемъ рожденіемъ и куда возвращаемся смертію!

20 марта, 1834. С.-Петербургъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Въ сѣверовосточной части гадячскаго уѣзда, полт. губ., лежитъ небольшое с. Беевъ, иначе называемое Чернышевка или Чернышевая слобода, основанное извѣстнымъ Ив. Чернышемъ въ бытность его гадяцкимъ полковникомъ (1709—1714 гг.). Въ приходской церкви этого села хранится небольшой образъ Б. Матери, украшенный старинной серебряной ризой, на краяхъ которой, на каждой изъ четырехъ сторонъ, вырѣзаны славянскія вирши. Немногіе изъ грамотныхъ людей въ состояніи прочесть эти старинныя силлабы, испещренныя надстрочными знаками и сокращеніями, смыслъ же ихъ остается совсѣмъ непонятнымъ для мѣстныхъ грамотѣевъ, ибо въ нихъ идетъ рѣчь о лицахъ и событіяхъ давно минувшихъ: о гетманѣ Мазепѣ, о полковникѣ Чернышѣ и о томъ, какъ заступленіемъ Богородицы послѣдній былъ избавленъ отъ «лютости» перваго. Въ свое время этотъ эпизодъ былъ настолько общеизвѣстенъ, что виршеслагатель могъ ограничиться однимъ намекомъ на постигшее Черныша злоключеніе, имѣя въ виду лишь увѣковѣчить въ памяти грядущихъ поколѣній «лютую злобу» Мазепы и невинное терпѣніе его жертвы; но въ наше время намекъ этотъ понятенъ только лицамъ хорошо знакомымъ съ данной эпохой, поэтому прежде чѣмъ приведемъ текстъ виршей, напомнимъ читателямъ небезъинтересный эпизодъ, послужившій поводомъ къ ихъ составленію.

Иванъ Чернышъ былъ типичнымъ представителемъ малороссійской старшины XVIII ст. въ ея главныхъ качествахъ: искательствѣ, ненасытномъ стяжательствѣ и неразборчивости въ средствахъ для

достиженія намѣченной цѣли. Подобно большинству своихъ собратій, онъ стремился выдвинуться въ войсковой службѣ не военными доблестями, а службой въ генеральной канцеляріи, гдѣ скорѣе можно было выслужиться, служа не столько дѣлу, сколько лицамъ. Уже въ 1701 г. Чернышъ былъ «войсковымъ канцеляристой» и неоднократно ѣздилъ къ царю съ порученіями отъ гетмана. Въ 1703 г. онъ является сверхъ того „господаремъ“ замка Батурпнскаго и управляющимъ ранговыми имѣніями Мазепы. Когда въ мартѣ 1706 г. былъ убитъ въ Несвижѣ Стародубскій полковникъ Михайло Миклашевскій, Чернышъ, все еще остававшійся въ скромномъ званіи войсковаго канцеляриста, задумалъ занять вакантный урядъ. Не знаемъ, потворствовалъ ли этому домогательству гетманъ, только извѣстно, что Чернышъ отправился въ Москву, гдѣ находился тогда царь, и пользуясь лично пріобрѣтенными связями и знакомствами въ средѣ царедворцевъ, сталъ настойчиво, именемъ Мазепы, добиваться стародубскаго полковничества и, какъ кажется, заручился настолько серьезными обѣщаніями, что когда Мазепа представилъ на тотъ же урядъ болѣе угоднаго ему кандидата, генеральнаго есаула Ив. Скоропадскаго, то Чернышъ, возвратясь въ Малороссію, разглашалъ, будто онъ, помимо гетмана, на тотъ урядъ пожалованъ, но при этомъ, вѣроятно, не стѣсняясь поносилъ Мазепу за его вѣроломство и криводушіе. Раздраженный гетманъ неоднократно писалъ графу Головкину и Шафирову, будто Чернышъ при этомъ «всѣвалъ многіе плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристойства къ возмущенію народа малороссійскаго», а въ бытность въ Москвѣ гетманъ лично жаловался о томъ царю, и царь велѣлъ ему судить и карать дерзкаго канцеляриста «по воинскимъ правамъ». Но, вѣроятно, вины Черныша были не очень серьезны или же онъ успѣлъ вымолить у Мазепы прощеніе; по крайней мѣрѣ, ни откуда не видно, чтобы онъ былъ преданъ суду. Но въ 1708 году возникло извѣстное дѣло Кочубея и Искры, и въ розыскѣ по этому ужасному дѣлу вдругъ промелькнуло имя Черныша. Этого было достаточно, чтобы самъ царь, въ грамотѣ къ Мазепѣ отъ 20 апрѣля, писалъ слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ прилучные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чернышъ, того ради повелѣваемъ... дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлѣнно взявъ за крѣпкой караулъ, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя держалъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Голицыну... пока привезены будутъ отсюда

вышепомянутые воры Кочубей и Искра»; а черезъ три дня послѣдовалъ новый царскій указъ съ подтвержденіемъ того же повелѣнія. Мазепа по особымъ разсчетамъ выгородилъ Апостола, но съ Чернышемъ не церемонился: онъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму Бѣлоцерковскаго замка, гдѣ въ то время находился Мазепа. Передъ нимъ прошли всѣ ужасы суда и казни Кочубея и Искры, а безстрашный эксъ-канцелярист, сидя въ оковахъ, твердилъ одно, что Головкинъ и Шафировъ по личной немилости къ нему на погибель ему указы посылаютъ, о чемъ гетманъ троекратно извѣщалъ послѣднихъ. Присланъ былъ и самый розыскъ о Чернышѣ, въ которомъ его прикосновенность къ дѣлу Кочубея и Искры выразилась въ слѣдующемъ: 1) На допросѣ 19 апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ подлинно, кто изъ старшинъ, знающихъ объ измѣнѣ гетмана, не доноситъ о томъ изъ «преклонности» къ нему или изъ страха, «а ежели бъ былъ Чернышъ, то бъ онъ пространнѣе о томъ донесть могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и естли бъ онъ вѣдалъ о ихъ поѣздѣ, то бъ и онъ былъ съ ними». 2) 21-го апрѣля Петръ Яценко показалъ, что въ концѣ 1707-го года присылалъ Чернышъ къ полтавскому протопопу Тимоѳею своего человѣка съ письмомъ, въ которомъ и «цидула» была вложена, а въ ней написано, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чернышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Конечно, улики были крайне слабы и никакого отношенія къ дѣлу Кочубея и Искры не имѣли; но если припомнимъ, что ни одно изъ лицъ, такъ или иначе соприкосновенныхъ къ этому злосчастному дѣлу, не было пощажено, что даже писаря и слуги доносчиковъ по особымъ политическимъ соображеніямъ были удалены изъ предѣловъ Малороссіи, если ктому же вспомнимъ, что всесильные Шафировъ и гр. Головкинъ были сильно раздражены противъ Черныша за его нареканія, то становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ ему удалось выйти благополучно изъ этого крайне опаснаго дѣла. По всей вѣроятности, Черныша спасъ не кто другой, какъ отчимъ его жены[1]), стародубскій полковникъ Ив. Скоропадскій, съ которымъ Мазепа поддерживалъ постоянно найлучшія отношенія, разсчитывая

---

[1]) Чернышъ былъ женатъ (вторымъ бракомъ) на Евдокіи Голубъ, дочери генеральнаго бунчужнаго Конст. Голуба и его жены, знаменитой Настасьи Марковичевны, по второму браку Скоропадской, будущей гетманши.

(ошибочно) имѣть въ немъ вѣрнаго соучастника въ задуманномъ политическомъ переворотѣ. Самъ Чернышъ приписывалъ свое «избавленіе отъ бѣдъ» исключительно чудесной помощи Б. Матери. По его словамъ, въ то время, когда онъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ, возлагалъ единственную надежду на помощь свыше, а его жена, томимая страшнымъ безпокойствомъ о судьбѣ мужа, изливалась въ слезахъ и молитвахъ, ей «въ тонкомъ снѣ» явилась сама Пресвятая Дѣва и утѣшила ее обѣщаніемъ, что ея супругъ получитъ свободу. И точно, въ тотъ самый день Чернышъ неожиданно для него самого былъ освобожденъ. Это случилось 18 іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры.

Годъ спустя Чернышъ, какъ жертва гоненія измѣнника-гетмана и какъ близкій родственникъ Скоропадскаго, получилъ урядъ гадячскаго полковничества и въ благодарную память о чудесномъ избавленіи отъ бѣдъ сдѣлалъ серебряную ризу на ту самую фамильную икону Б. Матери, предъ которой молилась о немъ его жена въ роковые дни, когда онъ томился въ оковахъ, а на краяхъ этой ризы велѣлъ вырѣзать слѣдующія вирши:

Полковництвомъ Гадяча от Бога почтеній,
Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ егда обложеній
Желѣзы в Бѣлой-Церквѣ от лютѣйша звѣрных
Мазепи, полковництва ради от безмѣрных
Сылъ царя наданого Стародуба града
За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
Едина Дѣва Мати, къ Нейже взирахъ вину,
Дабы-мъ обрѣлъ свободы радостну годину.
Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
Риданія: въ то время, воньже мя избавы,
Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
Свѣтлѣйшіми от солнца украшенна вѣнцы,
Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
Аки птенецъ, изиде из руки губяща
Твой господінь воскори, умолих бо Сына,
Яко избавлен (будетъ) от узъ; тому вина
Сей ест, Егоже зрішы на рукахъ, преславній
Судія, злим отмстітель, Богу Отцу равній.
Внегда прейдетъ в радосты путы сіе тѣсны,
Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
Збавлень от бѣдъ, услішахъ сей глас торжественій,

Верху защищенія Дѣвы подложеній.
Сію исповѣдую чудотворну быти,
Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого ҂аѱі (1710), мца юля дня ні (18).

Этотъ образъ до послѣдняго времени хранился въ родѣ потомковъ Черныша, въ с. Беевѣ, и лишь въ 1860-хъ годахъ послѣдняя представительница этой семьи Н. В. Чернышъ († 1871 г.) передала его въ мѣстную приходскую церковь.

Остается лишь прибавить нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Ив. Черныша. За стяжательность онъ потерялъ въ 1714 г. полковничество въ Гадячѣ и былъ переведенъ на должность генеральнаго судьи, на которой былъ извѣстенъ своей подкупностью. Когда въ 1719 г. освободился стародубскій полковничій урядъ, Чернышъ, добивавшійся этого уряда, какъ мы видѣли, еще въ 1706 г., употреблялъ крайнія усилія, чтобы получить его; между прочимъ, съ этою цѣлью онъ, года еще за два до смерти прежняго полковника, началъ скупать земли въ Стародубовскомъ полку, желая сдѣлаться своимъ человѣкомъ между тамошними полчанами. Но въ Петербургѣ давно знали о его стяжательности, и его кандидатура потерпѣла неудачу. Мало того, гетману Скоропадскому приказано было отобрать у Черныша всѣ насильственно скупленныя имъ козачьи грунты и возвратить прежнимъ владѣльцамъ. Съ тѣхъ поръ слѣдствіе о земельныхъ захватахъ Черныша въ Старод. полку продолжалось до его смерти, послѣдовавшей 30 ноября 1728 г. Умеръ онъ въ Москвѣ и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

О. Левицкій

Литовская метрика, давно ожидающая *обстоятельнаго* своего изданія, готовится къ появленію въ свѣтъ въ значительной по крайней мѣрѣ своей части. Директоръ московскаго архива минист. юстиціи г. Самоквасовъ перечисляя настоящія работы своихъ сослуживцевъ [1]), между прочимъ говоритъ: «одному изъ вольнослужащихъ въ архивѣ поручена выборка и печатанье образцовыхъ (?) и особо важныхъ въ научномъ отношеніи документовъ отдѣленія «Литовской метрики», относящихся къ литовскимъ сеймамъ и экономическому состоянію народонаселенія литовскаго государства. Эта послѣдняя работа въ объемѣ около сорока печатныхъ листовъ, заканчивается печатаніемъ».

[1]) Журн. М. Н. Пр., **автустъ, стр. 65.**

Хотя изъ этого указанія и трудно уразумѣть—какого именно рода документы изъ литовск. метрики нынѣ печатаются, но думается, что документы послѣдней всѣ «важны въ научномъ отношеніи», а потому слѣдуетъ желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ этого изданія.

Дьячки старой Малороссіи такъ описывали свое неприглядное положеніе:

Хто въ N... не бувавъ
Той и лыха не знававъ;
А я въ N прожывавъ
И много бидъ прыпавъ:
Дякувавъ, паламарувавъ,
И попа до церкви рано пробуждавъ;
И ще жъ до того людямъ угождавъ:
И М... панщыну работавъ.
Бо чуть-свитъ свитае,
То есаулъ Кирносъ до школы прыхожае
И глашае:
Дьяче, на панщыну, косыть!
Або будешь брусья носыть..
Ще криниче гонить
На ленъ паньскій
Иванъ Пивторацкій...
Лыде говорять:
„Горе тоби, горе, дьяче!
Згынешь ты въ насъ небораче"..
Здѣ читатель мене изъвини
И назадъ листокъ переверни...

Далѣе, вѣроятно тотъ же авторъ говоритъ еще и слѣдующее:

Хто хоче лыха зазнаты,
Нехай иде въ N дьякуваты:
То буде панщыну въ будни робыты,
А въ субботу ходыть звоныты,
Сала по сели прохаты
И скризь за хлибомъ шмаруваты.
Въ церкви же горшка (для угольевъ) не маемъ,
И покрышку для воги позычаемъ.
Сіе вамъ изображаю
И самъ въ N утикаю.

Этотъ интересный голосъ прошлаго записанъ въ «Ирмологіи», изд. 1757 г. (Вѣстн. И. Геогр. Общ. 1858 г., № 7, стр. 52, и Подольск. Епарх Вѣд. 1897 г., № 39, стр. 1035),

---

Сборникъ узоровъ писанокъ. «Въ Кіевской Старинѣ» въ свое время сообщалось о предположенномъ г-жею Скаржинскою изданіи рисунковъ писанокъ. Еще въ 1895 году «Лубенскимъ Музеемъ» г-жи Скаржинской была издана брошюрка, въ которой Музей, сообщая о томъ, что онъ обладаетъ значительной коллекціей писанокъ (болѣе тысячи экземпляровъ), приглашалъ «всѣхъ любителей народнаго искусства» помочь ему въ еще большемъ пополненіи этой коллекціи присылкою новыхъ экземпляровъ.

Въ брошюркѣ предлагалась подробная программа для собиранія писанокъ и всякаго рода свѣдѣній о нихъ; программа эта могла показаться инымъ собирателямъ, пожалуй, даже черезчуръ подробной: рекомендовалось присылать при экземплярахъ писанокъ не только свѣдѣнія о томъ, кто, гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, какимъ способомъ и орудіемъ, для какой цѣли раскрашивалъ писанку, но даже высказывалось желаніе знать общественное и семейное положеніе мастера, или мастерицы, отъ которыхъ была пріобрѣтена писанка... Правда, при этомъ въ программѣ говорилось, что «и отрицательные отвѣты имѣютъ для Музея цѣну почти равную съ положительными» (?) и что «если не всегда можно дать отвѣты даже на немногіе изъ предложенныхъ вопросовъ, то для Музея будетъ знаменательна уже самая такая невозможность»...

Очень интересно было бы знать, много-ли Музей нашелъ корреспондентовъ, много-ли было прислано экземпляровъ писанокъ и относящихся къ нимъ свѣдѣній.—Какъ-бы то ни было, черпая-ли матеріялъ изъ своего запаса, или пополняя его присланнымъ, г-жа Скаржинская предприняла большое хромолитографированное изданіе узоровъ писанокъ.

Намъ пришлось видѣть двѣ первыя таблицы этого сборника, уже отпечатанныя; оставляя болѣе подробный отчетъ до выхода всего сборника, мы скажемъ теперь нѣсколько словъ по поводу этихъ первыхъ таблицъ. Каждая таблица представляетъ собою довольно большой листъ, на которомъ помѣщено 16 рисунковъ писанокъ въ натуральную величину, отлитографированныхъ соотвѣтствующими красками; части узора, которыя не могли помѣститься на рисункѣ, при нѣкоторыхъ писанкахъ помѣщены отдѣльно.

Изданіе обѣщаетъ быть очень солиднымъ: намъ сообщаютъ, что оно будетъ состоять изъ 30-ти такихъ таблицъ. Солидно оно и по содержанію,—матерьялъ въ немъ собранъ обширный и разнообразный, что и должно было оказаться, такъ какъ узоры писанокъ для сбор-

ника собраны въ 13-ти губерніяхъ. Но если коллекція собиралась на такомъ большомъ районѣ, то вѣроятно, рисунки принадлежатъ различному по національности населенію; если такъ, то нужно, чтобы это было подробно отмѣчено въ примѣчаніяхъ, иначе интересъ матеріала въ значительной мѣрѣ будетъ утраченъ.

При несомнѣнномъ разнообразіи матеріаловъ, въ сборникѣ г-жи Скаржинской будетъ, очевидно, много варіантовъ однихъ и тѣхъ же мотивовъ, о чемъ можно судить уже и по первымъ двумъ таблицамъ: такъ, на табл. I-й—рисунокъ писанки съ фигурой цвѣтка, (такъ называемой «повной рожи»), изображенъ восемь разъ, при чемъ на нѣкоторыхъ рисункахъ варьируется только *раскраска*, а именно,—на одномъ рисункѣ изображена «рожа» красная на коричневомъ фонѣ, на другомъ тотъ же цвѣтокъ на томъ же фонѣ—зеленый, на третьемъ тотъ же точно рисунокъ, на томъ же полѣ—бѣлый и т. д. Мы не знаемъ, для какой именно публики предназначается сборникъ; если имѣется въ виду обычная публика, покупающая вообще «узоры», то для такой публики сборникъ съ обиліемъ варіантовъ покажется однообразнымъ, а такъ какъ при томъ варіанты увеличиваютъ объемъ изданія. а слѣдовательно и цѣну экземпляровъ, то сборникъ можетъ показаться и слишкомъ дорогимъ.

Но если сборникъ предназначается для спеціалистовъ, ученыхъ этнографовъ, то они скажутъ г-жѣ Скаржинской большое спасибо, такъ какъ обиліе варіантовъ даетъ возможность судить какъ о степени распространенія извѣстнаго мотива, такъ и о подробностяхъ обработки; это наблюдается при изслѣдованіи словесныхъ этнографическихъ матеріаловъ (сказокъ, пѣсенъ); то-же самое должно быть, конечно, и въ области орнаментики. Нужно только прибавить, что если сборникъ долженствуетъ быть этнографическимъ, то надо, чтобы онъ былъ систематическимъ.

Что касается до внѣшняго вида, то сборникъ, судя по первымъ таблицамъ, будетъ имѣть довольно хорошій видъ. Печатается онъ на хорошей, плотной бумагѣ, краски тоже хороши. Но литографная работа нѣсколько грубовата и не отчетлива,—на что мы совѣтуемъ издательницѣ обратить вниманіе и имѣть въ виду при печатаніи слѣдующихъ таблицъ: контуры нѣкоторыхъ писанокъ не совсѣмъ ровны (рис. 4-й, 5-й, 7-й на I-й табл. и первый на II-й табл.); надписи,—представляющія на писанкахъ большой интересъ, сдѣланы такъ неотчетливо, что даже долго нельзя разобрать, надпись ли это, или

случайный разводистый орнаментъ. Мы совѣтуемъ—въ примѣчаніяхъ всѣ надписи повторить печатными буквами.

Нельзя не пожалѣть, что изданіе г-жи Скаржинской печатается не въ Кіевѣ, а въ московской типографіи: можно думать, что напр. типографія г-на Кульженка исполнила бы ту же работу лучше, такъ какъ еще 20 лѣтъ назадъ г. Кульженко печаталъ образцы писанокъ гораздо изящнѣе и отчетливѣе, а вѣдь за 20 лѣтъ литографія г-на Кульженка еще усовершенствовалась.

То обстоятельство, что сборникъ г-жи Скаржинской печатается въ Москвѣ, наводитъ насъ даже на одно сомнѣніе: на нѣкоторыхъ писанкахъ стоятъ въ надписяхъ слова—«ково», «тово», и опять—«*каво* люблю, *таво* дарю». Для малорусскихъ писанокъ такая фонетика странна; не есть ли это, такъ сказать, діалектическая погрѣшность литографа-москвича? Что въ типографіяхъ московскихъ подобныя ошибки возможнѣе, приведемъ примѣръ: въ текстѣ при одной иллюстраціи, относящейся къ извѣстной малорусской пѣснѣ и отпечатанной въ одной изъ лучшихъ московскихъ типографій, намъ пришлось прочесть: «війско йде, *коровиньки* маютъ»... Очевидно, кіевскій корректоръ такого не пропустилъ бы, а московскій рѣшилъ, что «можетъ быть, оно тамъ такъ и нужно»... Поэтому-то мы совѣтуемъ обратить больше вниманія на печатаніе всей работы, относящейся къ сборнику, въ московской типографіи.

Вотъ все, что можно сказать по поводу первыхъ образцовыхъ таблицъ сборника. Повторяемъ—въ общемъ и внѣшній видъ его довольно хорошъ, и внутреннее содержаніе богато и интересно, такъ что изданіе г-жи Скаржинской обѣщаетъ быть очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей этнографіи.

Гоголь и В. Я. Ломиковскій. Читателямъ нашего журнала извѣстна личность Вас. Як. Ломиковскаго. Въ только что вышедшемъ четвертомъ томѣ сочиненія В. Шенрока «Матерьялы для біографіи Гоголя». (Москва 1898 стр. 215) встрѣчаемъ упоминаніе о немъ, особенно интересное, такъ какъ оно относится къ дѣятельности Гоголя. Г. Шенрокъ приводитъ письмо къ Гоголю друга и земляка его А. С. Данилевскаго, отъ 1842 года, по поводу выхода перваго тома «Мертвыхъ душъ», гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее:

«Ты спрашиваешь меня, что здѣсь говорятъ о твоей поэмѣ? Я не вижу почти никого и никуда не выѣзжаю. Тѣ немногіе, съ ко-

торыми имѣю сношеніе, не нахвалятся ею. Патріоты нашего уѣзда, питая къ тебѣ непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадилъ Миргородъ. Я слышалъ между прочимъ мнѣніе одного, который можетъ служить оракуломъ этого класса господъ, осыпавшаго такими похвалами твои «Мертвыя души», что я сначала усомнился было въ его искренности: но жестокая хула и негодованіе на твой «Миргородъ» помирили меня съ нею. «Какъ!»—говорилъ онъ: Миргородскій уѣздъ произвелъ до тридцати генераловъ, адмираловъ, министровъ, путешественниковъ вокругъ свѣта (чортъ знаетъ гдѣ онъ ихъ взялъ!) проповѣдниковъ (не шутка!), водевилиста, который началъ писать водевили, когда ихъ не писали и въ Парижѣ!» (это относилось къ Нарѣжному, какъ послѣ объяснилъ онъ) и пр. и пр.—всѣхъ припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противникъ не кто таковскій, какъ Василій Яковлевичъ Ломиковскій.»

Ошибка миргородцевъ, даже такихъ почтенныхъ, какъ Ломиковскій, состояла въ томъ, что они не поняли, что гоголевскій Миргородъ есть обобщеніе, а не реальный Миргородъ и его уѣздъ. Населеніе этой мѣстности дѣйствительно отличается особенной даровитостью и во всѣхъ отрасляхъ произвело много крупныхъ дѣятелей, имена которыхъ всѣмъ извѣстны. Ломиковскій не зналъ еще тогда Гоголя послѣдняго періода его жизни, съ которымъ у него такъ много близкаго, общаго во всемъ міросозерцаніи и во взглядахъ.

О впечатлѣніи «Мертвыхъ Душъ» на родинѣ автора Данилевскій прибавляетъ еще слѣдующее:

«Всего болѣе тѣшило меня, что мошенникъ М. (эпитетъ, безъ котораго никто не можетъ произнести его имени), но котораго *чортъ не взялъ*, какъ говорилъ мой зять, хохоталъ до упаду, читая «Мертвыя души» (вѣроятно, отъ меня косвенными путями дошедшія) въ кругу всей сорочинской bourgeoisie и поповщины. «Ревизоръ» ему очень извѣстенъ и нерѣдко, говорятъ, перечитывается въ томъ же кругу и надрываетъ бока смѣшливымъ молодымъ попамъ и попадьямъ...»

Судя по письму Данилевскзго, Гоголь несомнѣнно лично зналъ Ломиковскаго, такъ какъ Данилевскій считаетъ достаточнымъ назвать лишь фамилію говорившаго, защитника Миргорода, чтобъ Гоголь дополнилъ и выяснилъ себѣ заочно всѣ подробности и смыслъ его рѣчи.

Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда *(5 октября 1897 г.)* Подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, при секретарѣ М. Н. Ясинскомъ, присутствовали члены: П. В. Владиміровъ, П. В. Голубовскій, В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, И. М. Каманинъ, И. Н. Корольковъ, В. А. Кордтъ, Ю. А. Кулаковскій, П. А. Лашкаревъ, О. И. Левицкій, В. Г. Ляскоронскій, І. А. Малиновскій, В. П. Науменко, Н. И. Петровъ, Т. Д. Флоринскій, Ѳ. Я. Фортинскій и В. И. Щербина.

1) По открытіи засѣданія, секретаремъ Отдѣленія былъ прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія 20 іюня настоящаго года, каковой затѣмъ и былъ подписанъ всѣми присутствовавшими въ означенномъ засѣданіи.

2) Слушали сообщеніе г. предсѣдателя о полученіи напечатанныхъ уже правилъ будущаго XI-го Археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 17 Мая 1897 г., а равно и списка вопросовъ и запросовъ, предложенныхъ на обсужденіе XI-го Археологическаго съѣзда; вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдатель пояснилъ, что означенный списокъ можетъ быть пополненъ новыми вопросами и запросами, о которыхъ и будетъ своевременно доведено до всеобщаго свѣдѣнія въ одномъ изъ ближайшихъ изданій Московскаго Предварительнаго Комитета.

Постановлено: Всѣ имѣющіе быть предложенными членами Отдѣленія новые вопросы и запросы доводить до свѣдѣнія секретаря Отдѣленія для занесенія ихъ, по мѣрѣ поступленія, въ протоколы засѣданій Отдѣленія и сообщенія затѣмъ Московскому Предварительному Комитету.

3) Слушали предложеніе г. предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ о приглашеніи къ содѣйствію трудамъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и участію въ нихъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ и учрежденій: 1) Общества древностей и искусствъ (въ г. Кіевѣ), 2) Историко-филологическаго общества при Нѣжинскомъ институтѣ, 3) Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета и 4) Черниговской архивной коммиссіи, а равно и слѣдующихъ лицъ: профессора Нѣжинскаго института М. Н. Сперанскаго, 2) профессора Кіевскаго университета Н. П. Дашкевича, 3) вице-предсѣдателя Кіевскаго Общества древностей и искусствъ Б. И. Ханенка, 4—6) владѣльцевъ коллекцій древностей: Н. Я. Тарновскаго,

В. В. Тарновскаго и І. А. Хойновскаго, 7) Секретаря Херсонскаго Статистическаго комитета В. Г. Гошкевича и 8) живущаго въ г. Ровно С. С. Гамченко.

Постановлено: Принявъ и одобривъ всѣ эти предложенія, обратиться къ вышеозначеннымъ учрежденіямъ съ просьбой оказать всяческое содѣйствіе трудамъ мѣстнаго Отдѣленія Комитета, вышепоименованныхъ же лицъ избрать въ члены комитета и просить ихъ принять участіе въ занятіяхъ Отдѣленія, а тѣхъ изъ нихъ, которые владѣютъ коллекціями древностей,—прислать, сверхъ того, свои коллекціи на предполагаемую при Съѣздѣ Археологическую выставку.

4) Г. предсѣдатель сообщилъ, что онъ обращался съ просьбой о содѣйствіи трудамъ Отдѣленія въ дѣлѣ предстоящихъ ему предварительныхъ работъ по устройству Съѣзда между прочимъ въ г. Житомиръ къ имѣющемуся тамъ Волынскому Церковно-Археологическому Обществу. На это обращеніе распорядительный Комитетъ означеннаго общества отвѣтилъ полнымъ своимъ согласіемъ всячески содѣйствовать трудамъ предварительнаго Комитета по устройству Съѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать слѣдующее предложеніе: если Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета составитъ программу для собиранія свѣдѣній о памятникахъ Волынской старины и обратится къ содѣйствію Высокопреосвященнаго Архіепископа Волынскаго Модеста, то таковыя свѣдѣнія можно собрать и довольно скоро получить черезъ посредство духовенства Волынской епархіи.

Постановлено: Принять съ благодарностью вышеупомянутое предложеніе, выработать соотвѣтственную программу, напечатать ее и обратиться къ Высокопреосвященному Архіепископу Волынскому Модесту, какъ предсѣдателю Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества, съ покорнѣйшею просьбою разослать эту программу всѣмъ священникамъ Волынской губерніи съ предложеніемъ имъ доставить всѣ свѣдѣнія въ возможной полнотѣ и возможно скорѣе.

5) Обсуждался вопросъ о составѣ вышеназванной программы Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса рѣшено: 1) составить программу изъ 3-хъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) древности первобытныя b) древности историческія (памятники архитектуры и прочія вещественныя, древнія не позже XVII в. рукописи и книги и с) древности церковныя; 2) просить составить программу по собиранію свѣдѣній о древностяхъ первобытныхъ – В. Б. Антоновича, — объ историческихъ памятникахъ—П. В. Голубовскаго, О. И. Левицкаго и И. М. Каманина, и о церковныхъ древностяхъ—П. А. Лашкарева, Н. И.

Петрова и В. З. Завитневича и 3) черезъ 2 недѣли, т. е. 19 октября, къ каковому сроку всѣ поименованныя лица нашли возможнымъ исполнить возложенное на нихъ порученіе, разсмотрѣть составленныя программы въ общемъ собраніи Отдѣленія Комитета и, по одобреніи, напечатать ихъ

6) Въ дополненіе къ постановленію Отдѣленія Комитета, изложенному выше въ пунктѣ 4-мъ, проф. Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ слѣдующее приблизительно предложеніе: желательно не ограничиваться разсылкой составленной программы одними лишь предѣлами Волынской губерніи при посредствѣ Архіепископа Модеста, а слѣдуетъ распространить программу и въ другія мѣстности, въ какія Отдѣленіе Комитета найдетъ нужнымъ.

Постановлено: Принять это предложеніе и въ виду этого напечатать программу въ достаточномъ количествѣ экземпл.

7) Слушали прочтенные г. предсѣдателемъ краткіе отчеты Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, г-жи Е. Н. Мельникъ и В. Б. Антоновича о произведенныхъ ими нынѣшнимъ лѣтомъ, по порученію Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета, изслѣдованіяхъ и раскопкахъ въ предѣлахъ Волынской губерніи. Изъ этихъ отчетовъ видно: 1) что Н. Ѳ. Бѣляшевскій, вслѣдствіе краткости времени, которымъ онъ располагалъ, ограничился лишь осмотромъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ предѣлахъ Ковельскаго и Владиміръ-Волынскаго уѣздовъ, при чемъ описалъ и сфотографировалъ тамъ памятники старины, снялъ планы съ нѣкоторыхъ земляныхъ укрѣпленій и раскопалъ 3 кургана въ могильникѣ, лежащемъ близъ м. Устилуга Владиміръ-Волынскаго уѣзда; 2) что г-жа Е. Н. Мельникъ занималась разслѣдованіями и раскопками въ Ровенскомъ уѣздѣ, при чемъ ею было раскопано 120 кургановъ, расположенныхъ въ 4-хъ могильникахъ близъ с.с. Пересопницы, Стараго-Жукова и Бѣлева, изслѣдовано 16 могилъ на 2-хъ древнихъ кладбищахъ у с. Пересопницы, открыто двѣ стоянки неолитическаго періода, сняты планы 3-хъ городищъ и описана древняя утварь нѣсколькихъ церквей и 3) что В. Б. Антоновичъ раскопалъ нынѣшнимъ лѣтомъ 18 кургановъ въ 3-хъ могильникахъ у с. Суражи близъ Шумска и у с. Зимно, а также изслѣдовалъ и собралъ планы 24 городищъ въ уѣздахъ: Житомірскомъ, Новоградволынскомъ, Заславскомъ и Кременецкомъ. Послѣ прочтенія упомянутыхъ отчетовъ, г. предсѣдатель сообщилъ, что на производство археологическихъ экскурсій онъ издержалъ 200 руб., а г-жа Мельникъ 250 рублей, ассигнованныхъ Отдѣленіемъ, и что, сверхъ того, предстоитъ уплатить еще 7 руб.

19 коп. за пересылку 4-хъ ящиковъ съ предметами, добытыми г-жей Мельникъ при ея раскопкахъ; что же касается г. Бѣляшевскаго, то имъ изъ высланной ему суммы въ 200 руб. издержано только 50 руб. въ виду того, что истекшимъ лѣтомъ онъ выполнилъ лишь самую небольшую часть предположенныхъ имъ изслѣдованій и раскопокъ (остальные же 150 руб. удержаны пока г. Бѣляшевскимъ въ надеждѣ, что ему еще въ теченіе текущаго года удастся произвести раскопки въ Сѣдлецкой или Люблинской губ.).

8) Г. предсѣдатель представилъ соображенія о необходимости составленія каталога будущей археологической выставки, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ списокъ тѣхъ извѣстныхъ ему археологическихъ коллекцій, какія имѣются въ юго-западномъ краѣ и ближайшихъ къ нему губерніяхъ и какія желательно привлечь на предполагаемую Археологическую выставку во время съѣзда въ г. Кіевѣ.

Коллекціи эти слѣдующія:

А. Въ предѣлахъ юго-западнаго края:

1) барона Ѳедора Рудольфовича Штейнгеля въ с. Городкѣ, близъ г. Ровно.

2) г. Людвига Житинскаго въ с. Лагодовкѣ близъ г. Луцка.

3) Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства.

4) г. Сигизмунда Любы-Радзиминскаго въ с. Сивкахъ близъ г. Острога.

5) Эдуарда Руликовскаго въ с. Высоцкѣ Ровенскаго уѣзда.

6) Владиміръ—Волынскаго братства.

7) Ивана Александровича Орлова въ окрестностяхъ г. Кременца.

8) Волынскаго епархіальнаго древлехранилища.

9) Каменецъ-Подольскаго епархіальнаго древлехранилища.

10) Казиміра Адамовича Пуласкаго въ Завадинцахъ Каменецкаго уѣзда.

11) Григорія Александровича Венгржиновскаго, служащаго контролеромъ на Северинскомъ сахарномъ заводѣ въ Гайсинскомъ уѣздѣ.

12) Евг. Алекс. Зноско-Боровскаго въ с. Берестнягахъ Каневскаго уѣзда.

13) Н. Я. Тарновскаго въ с. Тростинцѣ Каневскаго уѣзда.

14) Кн. Лопухина-Демидова въ м. Корсуни.

Б. Въ Полтавской и Харьковской губ.:

15) С. А. Мазараки въ с. Талалаевкѣ Роменскаго уѣзда.

16) Е. Н. Скаржинской въ г. Лубнахъ.

17) П. И. Тиховскаго въ г. Харьковѣ.

В. Въ г. Кіевѣ:

1) Университетскій музей 2) музей Духовной Академіи 3) музей г. Хойновскаго 4) коллекція В. В. Тарновскаго 5) коллекція Б. И. Ханенка, 6) коллекція Ч. В. Хвойки и 7) коллекція В. Б. Антоновича.

Постановлено: Отнестись посредствомъ печатнаго циркуляра къ вышеупомянутымъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой прислать принадлежащія имъ коллекціи на Археологическую выставку, имѣющую быть устроенной ко времени XI-го Археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ. Кромѣ того, въ виду того, что обширной коллекціи церковныхъ древностей музея Кіевской Духовной Академіи удобнѣе и цѣлесообразнѣе оставаться на своемъ обычномъ мѣстѣ и фигурировать во время Съѣзда отдѣльно отъ предполагаемой Археологической выставки, а равно и въ интересахъ единства и полноты какъ этой выставки, такъ и музея Духовной Академіи,—рѣшено ходатайствовать передъ начальствомъ Духовной Академіи, чтобы она передала на выставку лишь свою сравнительно небольшую коллекцію первобытныхъ древностей, а передъ начальствомъ Университета, чтобы оно, взамѣнъ того, разрѣшило передать на время Съѣзда въ музей Духовной Академіи свою небольшую коллекцію церковныхъ древностей.

9). Въ дополненіе къ постановленію, изложенному въ предыдущемъ пунктѣ, Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ предложеніе о напечатаніи въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ объявленія или обращенія ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ археологическими коллекціями, съ просьбой сообщить Кіевскому Отдѣленію свѣдѣнія о мѣстонахожденіи и составѣ своихъ коллекцій.

Постановлено: Принять это предложеніе.

10) Членъ Отдѣленія и редакторъ «Кіевской Старины» В. П. Науменко выразилъ готовность напечатать въ редактируемомъ имъ журналѣ выработанную Отдѣленіемъ Комитета программу для собиранія свѣдѣній о древностяхъ, а равно помѣщать тамъ же протоколы засѣданій Отдѣленія или извлеченіе изъ нихъ и извѣщенія или объявленія отъ имени Отдѣленія Комитета.

Любезное предложеніе это принято съ благодарностью.

11) Послѣ обсужденія вопроса о каталогѣ будущей Археологической выставки, по предложенію Т. Д. Флоринскаго, поддержанному и г. предсѣдателемъ, рѣшено избрать коммиссію, на которую и возложить дѣло устройства выставки и детальное обсужденіе вопроса о

классификаціи каталога, порядкѣ описанія коллекцій и способахъ составленія каталога, а равно и самое составленіе каталога и руководство этимъ дѣломъ.

Въ составъ означенной коммиссіи избраны слѣдующія лица: В. Б. Антоновичъ, В. З. Завитневичъ, Ю. А. Кулаковскій, В. Г. Лясковронскій, П. В. Владиміровъ, Н. И. Петровъ, И. М. Каманинъ и В. А. Кордтъ.

12) Г. предсѣдатель, указавъ на значительность предстоящихъ въ будущемъ году расходовъ по составленію и печатанію каталога археологической выставки, на производство новыхъ археологическихъ раскопокъ и изысканій и на другія предварительныя работы по устройству Съѣзда 1899 г., предложилъ Отдѣленію ходатайствовать предъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ ассигнованіи на будущій годъ достаточной суммы.

Постановлено: Ходатайствовать предъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ ассигнованіи Кіевскому Отдѣленію достаточной суммы на составленіе и печатаніе каталога выставки, на производство раскопокъ и изысканій и на прочія мѣстныя предварительныя работы по устройству XI-го Археологическаго Съѣзда.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) Отъ *конотопцевъ* во время земскаго собранія—*70 руб.*; 2) изъ *Звенигородки*—Котляревская *2 р.*, Захарьевичъ, П. А. Славинскій, М. Цытовичъ—по *1 руб*, Антониковскій, Д. С. Лосовицкій и Мартыновскій—по *50 коп.*; 3) изъ *Новограда-Волынска*—Волынецъ *2 р. 20 к.*, А. А. Косачъ, Вѣра Молосъ, И. А. Шафарукъ—по *1 руб.*, А. Ѳ. Домбровскій—*50 коп.*, П. А. Ж. и М. М. Х.—по *30 коп.*, А. С. Б—*20 коп.*; 4) отъ *отдѣльныхъ лицъ*—Гребенюкъ—*5 руб.*, М. Лободовскій—*2 руб.*, Д. Дорошенко, Г. Осинскій,—по *1 руб.*—а *всего 92 р.*, что, вмѣстѣ съ прежними *725 р. 77 к.* (см. №. 10), составитъ—*817 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. *Спб. 1896. 8 д. л. 297+31 стр.*

Мы уже говорили о первыхъ трехъ томахъ писемъ И. С. Аксакова, изданныхъ его вдовою [1]). Настоящій томъ изданъ И. Публичною библіотекою, куда поступили бумаги И. С. Аксакова, послѣ смерти его вдовы. Въ этомъ томѣ напечатаны письма Аксакова къ М. Ф. Раевскому, къ А. Ф. Тютчевой, къ гр. А. Д. Блудовой, къ Н. И. Костомарову и къ Н. П. Гилярову—Платонову. Большая часть изъ напечатанной переписки заключается въ письмахъ къ А. Ф. Тютчевой, писанныхъ лѣтомъ 1865 г., во время путешествія по Россіи. Переписка эта въ высшей степени интересна уже по одному тому, что въ этотъ моментъ Аксаковъ видѣлъ въ Тютчевой свою невѣсту, съ которою онъ повѣнчался въ январѣ 1866 г.—Проѣзжая Малороссію, Аксаковъ передаетъ Тютчевой свои впечатлѣнія о послѣдней, какъ и прежде, восторженныя.—«А что за прелесть Малороссія! Вотъ она должна вамъ понравиться. Въ ея природѣ нѣтъ ничего яркаго, рѣзкаго, но столько мирнаго, мягкаго, ласковаго, такой поэтическій колоритъ подернулъ ее всю, что въ ней есть неотразимая прелесть».. Изъ переписки съ Костомаровымъ здѣсь напечатано лишь одно письмо Аксакова съ отвѣтомъ Костомарова. Изъ обоихъ этихъ писемъ приводимъ здѣсь значительныя выдержки въ виду того живого интереса, съ которымъ гг. Аксаковъ и Костомаровъ относились къ спору южанъ съ сѣверянами».

Въ письмѣ Аксакова читаемъ:

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г. № 10.

«М. Г. Николай Ивановичъ! Я получилъ ваше письмо. Я не сталъ бы отвѣчать на него, еслибъ оно не было подписано вами. Оно написано въ такомъ тонѣ, съ употребленіемъ такихъ выраженій, которыя дѣлаютъ споръ невозможнымъ. Я бы могъ легко на дерзости отвѣчать еще сильнѣйшими дерзостями—браниться дѣло не головоломное—но это было бы недостойно дѣла, которому мы оба служимъ. Охотно извиняя ваши выраженія раздраженіемъ племеннаго самолюбія, и полагая, что вы сами не желаете дѣлать споръ невозможнымъ, не уклоняетесь отъ спора, я отвѣчаю вамъ sine ira et studio.

Вы говорите, что моя газета задираетъ двѣ родственныя народности, южно-русскую и польскую... На малорусскую народность никто не нападалъ, а если напали такъ не на народъ и не на народность, а на тенденціи нѣкоторыхъ «патріотовъ», касающіяся вопроса объ языкѣ. Вообще между мною и вами та существенная разница, что я стою на сторонѣ исторіи и народа, а вы противъ исторіи и противъ народа. Какъ противорѣчащее народу, вашѣ ученіе можетъ быть названо аристократическимъ. Такъ, напр., вы хотите игнорировать вопросъ вѣры, столь важный для народа южнорусскаго и полагающій несокрушимую преграду между имъ и католиками-поляками; вы, или авторъ статьи «Современника» (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться подъ нею), утверждаете, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права «угашаются послѣднія искры» вражды между малороссами и поляками (это вы даже пишете въ вашемъ письмѣ), забывая о борьбѣ вѣроисповѣданій—двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ. Народъ этого не забываетъ—и я также... Вы идете наперекоръ не только народнымъ тенденціямъ вашей Малороссіи, но и тенденціямъ 3-хъ милліоннаго народа въ Галиціи. Страданія, влеченія, ожиданія всего этого народа не трогаютъ сердца шляхтича и «патріотовъ» малорусской петербургской колоніи! Относительно Малороссіи и Галиціи вотъ мое profession de foi. Малороссіи я не только вполнѣ сочувствую, но люблю ее всею душой, любовью вполнѣ свободной и такъ сказать объективной, не только физіологической. Съ этою любовью я остаюсь вполнѣ русскимъ и великороссомъ, не жалуя себя въ малороссы, какъ мой пріятель Жемчужниковъ. Я не постигаю полноты русскаго развитія—безъ Малороссіи. Слѣдовательно—послѣднее соединеніе съ Малороссіей, во всѣхъ отношеніяхъ, есть по моему мнѣнію такая же историческая необходимость для Россіи, какъ головы и сердца въ организмѣ, или придумайте другое сравненіе. Это соединеніе есть и будетъ, и безъ нашихъ

хлопоть, но вотъ мое убѣжденіе, которое проводить и высказывать, хотя бы и не въ полемической формѣ, вы не можете поставить въ вину человѣку убѣжденному. Что касается до народа Малорусскаго, то, при всей нелюбви къ москалю и кацапу, народъ своимъ историческимъ смысломъ остается и останется всегда вѣрнымъ однажды данному имъ изволенію: для него, хотя бы и несознательно, такъ же, какъ и для великоросса, дорого единство земли Русской; для него царь православный имѣетъ то же значеніе, что для рязанца или владимірца. Я жилъ въ Малороссіи, и хорошо это знаю.—Козаки, превратившіеся такъ охотно въ высокоблагородныхъ, и принявшіе отъ русскаго правительства подачку—крѣпостное право, стали въ глазахъ малорусса-крестьянина на одну степень со всѣми московскими панами. Точно также какъ и велилорусскій народъ видитъ въ русскомъ царѣ демократическое нивелирующее начало, точно такъ же и малороссъ видитъ въ немъ свой оплотъ противъ пановъ и другихъ налегающихъ на него сословій. Во сколько ошибаются оба, это другой вопросъ, но и вѣрятъ, и видятъ, и ошибаются они одинаково. Что касается до языка, то я не вѣрю въ возможность образованія малорусскаго общаго литературнаго языка,—кромѣ чистонародныхъ художественныхъ произведеній,—не вижу къ этому никакой возможности, не желаю и не могу желать никакихъ искусственныхъ попытокъ нарушить цѣльность общерусскаго развитія, отклонить малороссійскихъ художниковъ отъ писанія на русскомъ языкѣ. Слава Богу, что Гоголь жилъ и дѣйствовалъ раньше, чѣмъ возникли эти требованія: у насъ не было бы «Мертвыхъ Душъ»; вы бы или Кулишъ наложилъ бы на него путы племеннаго эгоизма и съузилъ бы его горизонтъ кругозоромъ одного племени! И какая, признаться сказать, звучитъ во всемъ этомъ фальшивая нота. Вотъ и теперь два малоросса, Максимовичъ и Кулишъ, спорятъ между собой о малороссѣ Гоголѣ, писавшемъ по русски, и о великороссіянкѣ (Маркѣ Вовчкѣ), пишущей по малорусски!! Чувствуете ли вы, какъ все это противорѣчитъ жизни и исторіи! Но разумѣется, никто изъ насъ никогда не хотѣлъ и не думалъ мѣшать вамъ. Пишите, сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на малорусское нарѣчіе, одѣвайте героевъ Гомера и греческихъ боговъ въ малороссійскій кожухъ и очипокъ,—вольному воля! Но не можетъ же русская литература пройти молчаніемъ такое явленіе. О томъ, что мы враги всякой репрессивной мѣры, всякаго стѣсненія свободы, всякаго безпрепятственнаго самообличенія лжи—говорить нечего. Только сознающіе всю несостоятельность и слабость

своихъ основаній, могутъ насъ обвинять въ этомъ, хватаясь за это, какъ за единственное свое оружіе или способъ для менѣе постыдной ретирады. Въ Галиціи я былъ. Нужно имѣть каменное или польское, но не малорусское сердце, чтобъ несочувствовать стремленіямъ народа, который страданіями своими выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбіе, потопить узкій племенной эгоизмъ въ эгоизмѣ всерусскаго народа, созданнаго изъ разныхъ русскихъ племенъ исторіей. А вы его подчуете племенными «особностями»! Вполнѣ, разумѣется, сочувствуя этому стремленію галицкаго народа, могу ли я быть равнодушенъ къ статьѣ «Современника», идущей наперекоръ тенденціямъ, которыя я признаю за истинныя, смущающей бѣдный народъ, да еще выдающей себя за голосъ Россіи. Будь эта статья подписана полякомъ, появись она въ польскомъ журналѣ, появись даже въ «Основѣ», значеніе ея было бы другое. Но допустить, чтобы голосъ польскій самозванно, исподтишка прикидывался русскимъ и морочилъ опаснымъ мороченьемъ цѣлый народъ, намъ сочувственный, допустить это было бы величайшей низостью для всякаго истиннаго русскаго»...

Во второй половинѣ этого письма, нами опускаемой, Аксаковъ распространяется о Польшѣ.

Вслѣдъ за письмомъ Аксакова напечатанъ и отвѣтъ Костомарова. Приводимъ изъ него начало, касающееся того же вопроса.

М. Г. Иванъ Сергѣевичъ. Прежде всего я почитаю обязанностью просить у васъ извиненія, мало того прощенія въ моихъ выраженіяхъ, которыя вы находите дерзкими. Я имѣлъ дѣло не съ личностью вашею, а со школою и съ ученіемъ. Во всякомъ случаѣ, буду воздержнѣе. Вы находите, что стремленіе писать по малорусски и создавать особую литературу противно исторіи и жизни. Да, противно исторіи, но какой? — Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, насильственнымъ размежевкамъ краевъ, составленію данныхъ и купчихъ на милліоны человѣческихъ душъ, живущихъ и грядущихъ въ земной жизни. Но оно не противно исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно не противно и жизни. Коль скоро существуетъ народъ съ собственной физіономіей, съ своеобразными пріемами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни, и его своеобразное развитіе. Вы не видите возможности. Я, признаюсь, не вижу впереди ни условій неизбѣжной возможности, ни безусловной невозможности. Все зависитъ отъ послѣдующей исторіи. Будьте логичны и вѣрны

себѣ. Откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ...

Вы пишете, что знаете малорусскій народъ; да, вы знаете край, его внѣшность; это доказываетъ ваше превосходное сочиненіе о «Ярмаркахъ». Но едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозрѣваете, что на днѣ ея у каждаго почти думающаго не глупаго южнорусса спитъ Выговскій, Дорошенко, Мазепа—и проснется, когда наступитъ случай. Душа чистаго южнорусса совсѣмъ не такая распашная, какъ великорусская. Это высказывается постоянно и въ обыденной жизни. Не вѣрьте южноруссу, ибо онъ вамъ не вѣритъ, сколько вы ему ни открываете вашу душу. Не расчитывайте на народъ въ той степени, въ какой вы подмѣтили его. Онъ выскажется только тогда, какъ, оглядѣвшись вокругъ, увидитъ и убѣдится, что его спрашиваютъ не затѣмъ, чтобъ надѣть на него веревку, если онъ отвѣтитъ не въ тотъ тонъ...»

Повидимому, оба корреспондента, и А—въ, и К—въ, горячо относились къ спору «южанъ и сѣверянъ» ... Споръ этотъ вообще очень интересовалъ А—ва и онъ нерѣдко касался его на страницахъ своего «Дня». Одна изъ статей, напечатанная здѣсь въ 1862 г., вызвала не менѣе интересныя два письма—Н. С. Соханской (Кохановской) и Аксакова, напечатанныя въ майской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» за настоящій годъ. Думаемъ, что будетъ *кстати* привести здѣсь отрывки и изъ этихъ двухъ писемъ.

Въ февралѣ 1862 г. Соханская писала Аксакову:

«...Воротившись домой, я прочла разомъ 5 №№ вашего *Дня*—пріемъ довольно великъ, чтобы вполнѣ почувствовать терпкій вкусъ и острую соль, и количество перца, очень и очень достаточное для разгоряченья многихъ умовъ. «Если *меня День* бѣситъ иногда», говорилъ мнѣ Потебня, занимающій каѳедру славянскихъ древностей въ (харьковскомъ) университетѣ, «какъ же этотъ *День* долженъ бѣсить другихъ,» и не расположенныхъ такъ много къ основамъ и убѣжденіямъ Дня, и болѣе горячихъ, чѣмъ кроткій и благородно-скромный Потебня. Мы разговорились о вопросѣ отдѣльной малорусской литературы. «Любопытно было бы знать, какъ самъ Аксаковъ смотритъ на этотъ вопросъ? сказалъ онъ. И вполнѣ ли онъ раздѣляетъ мнѣніе Ламанскаго?»—«А вы какъ смотрите?» спросила я.—«А вотъ какъ: литературный русскій языкъ становится все болѣе и болѣе *великорусскимъ*. Это его шагъ въ развитіи; посудите: что, напр., произведенія Островскаго имѣютъ общерусскаго для малорусса?

Ничего... И вотъ, чтобы пополнить этотъ оказывающійся недостатокъ, который впослѣдствіи, вѣроятно, во многомъ скажется, и должна существовать отдѣльная малорусская литература, на сколько у нея станетъ силъ для отдѣльнаго существованія. Изъ этого не слѣдуетъ ожидать непремѣнно ослабленія общаго народнаго языка русской литературы. Можно почти утвердительно сказать, что пройдетъ еще вѣрныхъ *сто лѣтъ*, въ теченіе которыхъ всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе въ научномъ отношеніи и вообще сознающее себя развитіемъ общечеловѣческой мысли никакъ не явится на *малорусскомъ*, а непремѣнно на *великорусскомъ* языкѣ. А что будетъ за предѣлами *тѣхъ ста лѣтъ*, намъ думать и гадать нечего! Человѣческимъ выводамъ и заключеніямъ, ни малорусскимъ, ни великорусскимъ, не дано заходить въ такую даль. А между тѣмъ развитіе отдѣльной малорусской словесности живѣе и благодѣтельнѣе всего подѣйствуетъ на простой народъ. Оно прямѣе и полнѣе дастъ ему живую родную грамоту, дастъ народу близкое и сподручное *первоначальное* образованіе. Далѣе этого первоначальнаго образованія отдѣльная малорусская литература, по крайней мѣрѣ, долго еще не въ состояніи будетъ вести, и вотъ столько людей съ врожденнымъ, поэтическимъ чувствомъ малорусса, съ его тонкимъ умомъ, поставленные на дорогу просвѣщенія зачатками своего частнаго образованія, чтобы разширить и пополнить его, обратятся никуда же болѣе какъ къ всенародно-русской, т. е. великорусской литературѣ. Это разумѣется только тѣнь разговора, который я слышала почти мѣсяцъ тому назадъ, и вы можетъ быть скажете, что для васъ здѣсь нѣтъ ничего новаго. Очень можетъ быть, уважаемый Иванъ Сергѣевичъ, ничего новаго въ *мысли*,—а въ приложеніи къ дѣлу?... Хомяковъ встрѣтилъ горячимъ привѣтомъ проповѣди Гречулевича на малорусскомъ языкѣ. *Русская Бесѣда* объявила, что ей дорога всякая народность; вы сами и вашъ *День* думаете быть (и должны быть) преемниками и распространителями идей Русской Бесѣды и высокаго чувства Хомякова. А между тѣмъ что выходитъ на дѣлѣ? Вы и *День* въ открытой непріязни съ представителями заявляющей себя малорусской народности; у васъ завязалась перебранка чуть-чуть не словами: «бісовъ москаль» и «проклятый хохолъ», и какъ это тяжело, какъ неумѣстенъ въ высшей степени этотъ раздоръ! Конечно, Кулишъ, немножко по жидовски—самъ бьетъ и самъ кричитъ; но вы то, Иванъ Сергѣевичъ—вамъ этого простить нельзя, что вы не уберегли вашего *Дня* отъ криковъ г. Кулиша! Съ вашей стороны, со стороны братскаго всеславян-

скаго значенія вашей гаазеты, это такая недальновидность—такая неполитичность въ вашемъ положеніи ввязатьсн вамъ въ оборону по вѣстей Гоголя и поднять на себя всю *Основу*. Но и *Основа* во многомъ права. Она права именно въ томъ, въ чемъ виновата предъ нею вся наша текущая литература газетъ и журналовъ. Эта родная литература по извѣстному камертону, выводитъ «верхнія нотки» и твердитъ: народность! Всѣ права—итальянской народности! и вотъ на глазахъ родная славянская народность заявила свое литературное существованіе—и въ какомъ общественномъ органѣ слова встрѣтила она сочувствіе и дружный привѣтъ? Ни даже въ вашемъ, а напротивъ славянофильскій *День* съ первыхъ же №№ ввязался въ укоры и перекоры, забывъ то исключительное обстоятельство, что не всегда бываетъ возможно отдѣлить *ремесло* отъ *лица*, и вотъ, поссорившись съ г. Кулишемъ, *День* открыто и непріязненно разошелся съ *Основой*. Если бы вы знали, съ какимъ искреннимъ сожалѣніемъ я выставляю на видъ эти ошибки вашего бурнаго *Дня*—именно—бурнаго....

На это письмо А—въ отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее.

«...Я не знаю г. Потебню и даже вовсе не слыхалъ о немъ, я воображалъ себѣ, что каѳедру славянскихъ древностей занимаетъ Лавровскій. По крайней мѣрѣ въ ученомъ мірѣ имя его еще неизвѣстно. Но не въ томъ дѣло. Я не вижу причинъ, почему *День* можетъ иногда бѣситъ его, когда его слова (Потебни) не только не представляютъ ничего новаго, но были неоднократно выражены въ *Днѣ*. Онъ говоритъ о томъ, что развитіе малорусской словесности даетъ народу близкое и сподручное *первоначальное* образованіе. Кто жъ противъ этого споритъ? Развѣ *Русская Бесѣда* не привѣтствовала прежде и горячѣе всѣхъ—проповѣди Гречулевича? Развѣ въ отвѣтѣ Кулишу (на его статью противъ Максимовича) я не выразилъ ту же самую мысль? Развѣ не тоже говоритъ и Ламанскій? Еслибы кто издалъ на мордовскомъ языкѣ проповѣди и т. п., я былъ бы не менѣе радъ. Даже, можетъ быть, болѣе, потому что мордвинъ вовсе лишенъ возможности понимать напр. литургію,—тогда какъ для малоросса и для великорусса это возможно въ одинаковой степени.

Но внѣ этой области литературы сельской, для первоначальнаго образованія и т. п., я считаю усилія малороссовъ создать особую отъ нашей литературу празднымъ препровожденіемъ времени. Незачѣмъ... Вы указываете на Островскаго, что онъ чуждъ малороссу. Совершенно согласенъ, и я первый сдѣлалъ это указаніе въ своемъ введеніи по описанію украинскихъ ярмарокъ. Но Хома Брутъ, Черевикъ, типы

Гоголевскихъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, развѣ они близки великоруссу? Однако жъ русское общество сочло ихъ себѣ близкими и родными,—потому именно, что наше общество свободнѣе отъ племенной узкости, въ какую непремѣнно хотятъ упрятать себя Кулишъ и К°, не относится непріязненно къ чужимъ особенностямъ, можетъ, наконецъ, относиться объективно ко всѣмъ явленіямъ. У насъ общество должно быть едино. Жалко видѣть, что тупоуміе Кулиша и прочихъ стремится добровольно ограничить развитіе малороссійской народности, указывая ей тѣсныя племенныя границы, сузить ея горизонтъ, лишить достоянія, лишить доли въ общемъ достояніи русскаго самосознанія. Если бы школа *Основы* привела къ тому, напр., чтобы лишить Россію Гоголя, она принесла бы зло, а не добро. Я удивляюсь, что вы порицаете меня за полемику съ Кулишемъ. Неужели вы въ состояніи признать въ нападеніяхъ Кулишовыхъ на Гоголя хоть каплю смысла и правды? Хомяковъ въ рѣчи, произнесенной въ обществѣ любителей руской словесности, назвалъ эти нападки Кулиша—актерствомъ народности. Кому же какъ не *Дню* слѣдовало вступиться за Гоголя? Благодарности я заслуживаю за это, а не порицанія. Къ тому же статьи Максимовича написаны такимъ спокойнымъ, умѣреннымъ тономъ, что только чудовищное самолюбіе Кулиша можетъ ими раздражаться. Развѣ вы не чувствуете всю узкость воззрѣнія, критики и оцѣнки Кулишовой? Вотъ что значитъ упорствовать въ малороссійскомъ племенномъ партикуляризмѣ! Для меня малороссъ и великороссъ одно—Русскій. И поэтому никакого союза или федераціи и т. п. я тутъ не предполагаю. Семья съ семьей можетъ заключать союзы, русская семья съ польской,—но мы одна семья: у насъ одно общество, одинъ общій подвигъ самосознанія.. Я знаю лично всю колонію петербургскихъ малороссійскихъ «патріотовъ». Это именно «патріоты», а не народные люди... А между тѣмъ я очень люблю *Основу*, какъ чистый, честный и безкорыстный журналъ въ грязной петербургской литературѣ; я уважаю любовь къ народности всякую, какъ поглощающую личный индивидуальный эгоизмъ; *основцы* очень забавны и милы лично, какъ и вообще хохлы. Малороссію, ея ласковую природу, ея поэтическій колоритъ—я люблю не менѣе малороссовъ. И знаете ли кто больше получаетъ и выписываетъ *Основу*? Великоруссы. *Основа* падаетъ, т. е. почти лишена возможности продолжаться отъ равнодушія малороссовъ. Почему же это такъ? Отъ того, что тенденція, выражающаяся ва *Основѣ*, противорѣчитъ историческому инстинкту малороссовъ, отъ того—что какъ ни не любитъ хо-

холъ москаля, но чувство единства русской земли живетъ въ немъ сильно, но русскій царь—рѣшительно то же самое для малороса изюмскаго уѣзда, что и для мужика костромскаго уѣзда... Я намѣренъ написать цѣлую статью объ *Основѣ* и выразить ей откровенно свое мнѣніе; я посовѣтую ей воспользоваться малороссійскою племенною особенностью для того, чтобы въ западныхъ губерніяхъ подъемомъ мѣстнаго элемента противодѣйствовать польской цивилизаціонной стихіи точно такъ, какъ въ Бѣлоруссіи надо возбудить въ народѣ чувство бѣлорусской племенной особенности. Все это, разумѣется, касается простаго народа, а отнюдь не общества, которое вооружено всѣми орудіями народнаго всерусскаго самосознанія. Пусть возникаетъ *сельская* литература если нужно; можетъ быть, дѣло пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ попытки создать *литературно-общественный* языкъ...»

Всѣ эти пререканія Аксакова съ его оппонентами представляютъ во всякомъ случаѣ интересный матеріалъ для исторіи «Спора»...

А. Л.

„Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета“. *Выпускъ восьмой. Подъ редакціей Н. И. Яворскаго и свящ. Е. Сѣцинскаго. Каменецъ-Подольскій. 1897 стр. 497.*

На страницахъ «Кіевской Старины» уже упоминалось объ изданіяхъ Подольскаго историко-статистическаго Комитета и указывалось на научное значеніе этихъ изданій въ дѣлѣ разработки мѣстной церковно-исторической жизни. Изслѣдованіе и изданіе богатаго мѣстнаго архивнаго матеріала мѣстными же силами и средствами является крупною научною заслугой Комитета. Настоящій, VIII-й, выпускъ «Трудовъ» не имѣетъ, впрочемъ, того строго-научнаго характера, какимъ отличались предыдущіе выпуски изданій Комитета. Изданный въ память исполнившагося въ 1895 году столѣтія учрежденія подольской епархіи и возсоединенія подольскихъ уніатовъ съ православною церковью, выпускъ этотъ имѣетъ юбилейный характеръ и содержитъ въ себѣ нѣсколько популярно-историческихъ очерковъ, имѣющихъ въ виду ознакомить въ общихъ чертахъ мѣстное духовенство съ указанными событіями. Почти всѣ статьи сборника имѣютъ компилятивный характеръ, но, при опытномъ и умѣломъ редактированіи, читаются съ большимъ интересомъ и вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли.

Въ обширной статьѣ свящ. И. Викула «Подольскіе архипастыри» (стр. 1—160) содержится 15 очерковъ жизни и дѣятельности подольскихъ архипастырей за столѣтній періодъ существованія самостоятельной подольской епископской каѳедры (1795—1895). Авторъ настоящаго очерка имѣлъ, по его словамъ, въ виду «на рубежѣ двухъ—протекшаго и настоящаго—вѣковъ жизни Подольской епархіи прослѣдить историческій ходъ ея жизни, проявившійся въ развитіи и благоустроеніи административныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій епархіи, а также въ развитіи религіознаго самосознанія русскаго населенія и утвержденіи его въ православной вѣрѣ и нравственности. Но такъ какъ личная воля архипастырей, стоявшихъ во главѣ духовнаго управленія, имѣла важное значеніе въ ходѣ событій, давала имъ такое или другое направленіе и такимъ образомъ несомнѣнно вліяла на жизнь епархіи въ протекшее столѣтіе», то авторъ очерка задался цѣлью «указать главныя черты въ характерѣ архипастырей, и ихъ святительскіе труды и добрыя дѣянія на пользу отечества и во славу православія въ Подоліи, и вообще, какъ подъ ихъ архипастырскимъ руководительствомъ протекла религіозная жизнь Подольской епархіи въ минувшее столѣтіе, съ 1795 по 1895 годъ». Къ сожалѣнію, эта широкая задача едва-ли достигается авторомъ. Очеркъ жизни подольскихъ архипастырей имѣетъ житійно-хвалебный характеръ, при чемъ личности самихъ архипастырей выступаютъ болѣе со стереотипными чертами угодившихъ Богу подвижниковъ, чѣмъ духовно-административныхъ дѣятелей въ епархіи. Характерно, что въ біографіи высокопреосвящ. Арсенія авторъ не упомянулъ даже объ извѣстной борьбѣ этого архипастыря съ генералъ-губернаторомъ Безакомъ, который въ годичномъ своемъ отчетѣ Государю Императору представлялъ, что православное духовенство во ввѣренномъ ему краѣ никуда не годится и должно быть удалено во внутреннія губерніи имперіи, а на мѣсто его должны быть вызваны священники изъ великорусскихъ епархій; на этотъ важный фактъ въ біографіи высокопреосвящ. Арсенія указала уже редакція. Впрочемъ, нѣкоторые очерки написаны очень полно и живо (жизнеописанія архипастырей—Іоанникія, Кирилла и Димитрія)

Гораздо менѣе удачною должна быть признана вторая статья, принадлежащая перу свящ. В. Якубовича: «Учрежденіе викаріатства и викарные преосвященные подольской епархіи» (стр. 161—194). Всѣ очерки жизни подольскихъ викарныхъ архіереевъ очень кратки и имѣютъ сухой, протокольный характеръ; но справедливость требуетъ сказать, что вина въ этомъ случаѣ падаетъ отнюдь не на ав-

тора: роль викарныхъ преосвященныхъ въ епархіи была до послѣдняго времени такъ незначительна, что они вовсе не могли заявить себя здѣсь какою нибудь дѣятельностью; при томъ, нѣкоторые изъ нихъ числились викарными лишь номинально и даже не видали своихъ епархій. Во всякомъ случаѣ, авторъ могъ бы больше сказать о преосвящ. Іосифѣ (Баженовѣ), памятъ о которомъ чрезвычайно популярна въ Подоліи и до настоящаго времени, тѣмъ болѣе, что и матеріала для этого можно бы найти достаточно.

Съ удовольствіемъ читается небольшой очеркъ Н. И. Яворскаго: «Религіозная жизнь въ Подоліи въ концѣ прошлаго вѣка, предъ воссоединеніемъ ея съ Россіей (стр. 195—221). Къ статьѣ, написанной съ обычною для этого автора живостью, приложены нѣкоторые, неизвѣстные еще, архивные документы, рисующіе тяжелое положеніе православныхъ священниковъ въ прошломъ вѣкѣ.

Несомнѣнное научное значеніе и большой интересъ представляетъ статья С. С. Дложевскаго: «Попытка преобразовать управленіе православною церковью въ бывшей Польшѣ, предъ воссоединеніемъ юго-западныхъ областей ея съ Россіей въ 1793 г. и учрежденіемъ здѣсь православныхъ епархій». Пинская конгрегація 1791 г., имѣвшая цѣлью прервать всякую связь православныхъ въ Польшѣ съ заграничною православною церковью и устроить для нихъ свое церковное управленіе въ предѣлахъ Польши, привела къ учрежденію Богуславско-Житомірской консисторіи въ Богуславѣ. Послѣдняя существовала съ 14 сентября 1791 г. до половины 1793 г. Непродолжительная дѣятельность этого православнаго административнаго пункта, учрежденнаго польскимъ правительствомъ, совершенно не выяснена, между тѣмъ она представляетъ чрезвычайный интересъ какъ въ отношеніи своей организаціи, такъ и со стороны того двойственнаго положенія, какое занимала она между интересами православнаго населенія и руководящими требованіями польско-католическаго правительства. Извлеченные г. Дложевскимъ архивные данные въ значительной степени проливаютъ свѣтъ на неизвѣстную доселѣ дѣятельность Богуславско-Житомірской консисторіи. Къ очерку приложено 9 №№ архивныхъ документовъ.

Совершенно компилятивный характеръ имѣютъ статьи: «Краткій очеркъ исторіи возсоединенія подольскихъ уніатовъ» г. В. Пясецкаго и «Дѣятели возсоединенія подольскихъ уніатовъ» г. Е. Василевскаго. Обѣ статьи читаются легко и съ интересомъ, а послѣдняя, кромѣ того, можетъ служить полезнымъ справочнымъ пособіемъ.

Протоіерей Петръ Орловскій, извѣстный, между прочимъ, нѣсколькими статьями о дѣятельности Грановскаго протопопа Іоанна Строцкаго, напечаталъ въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ» рукописи, принадлежавшія этому дѣятелю православія въ Подоліи («Матеріалы для исторіи православія и уніи въ Подоліи во второй половинѣ прошлаго вѣка»). Рукописи эти извлечены изъ сборника, хранящагося въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, и заключаютъ въ себѣ много характерныхъ подробностей изъ исторіи религіозной борьбы въ Подоліи во второй половинѣ XVIII в. Жаль только, что о. Орловскій ограничился простою перепечаткою рукописей (въ переводѣ) въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ одна за другою слѣдуютъ въ рукописномъ сборникѣ; можно было бы ожидать болѣе систематическаго изданія этихъ матеріаловъ, съ установленіемъ необходимыхъ хронологическихъ датъ, но этого, къ сожалѣнію, о. Орловскій не сдѣлалъ.

Много интереснаго заключаетъ въ себѣ статья г. Н. Г. «Духовенство подольской епархіи конца прошлаго и первой половины текущаго столѣтій (по поводу ревизіи прот. Іоанна Скворцова)». Въ 1831 г., въ видахъ поднятія православія въ Подоліи, по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ для обозрѣнія подольской епархіи проф. кіевской духовной академіи, прот. І. М. Скворцовъ, обозрѣвавшій приходы и церкви Подоліи въ продолженіи почти цѣлаго года и изучавшій жизнь подольскаго духовенства во всѣхъ подробностяхъ. На основаніи данныхъ ревизорскихъ вѣдомостей, а также по личнымъ впечатлѣніямъ и разсказамъ лицъ, близкихъ къ ревизіи, главнымъ образомъ и написана настоящая статья. Она состоитъ изъ двухъ главъ. Первая глава, представляющая сводъ весьма интересныхъ данныхъ для характеристики подольскаго духовенства въ прошломъ вѣкѣ, страдаетъ излишнею растянутостью и отступленіями въ сторону; во второй главѣ, трактующей объ образованіи, жизни и характерѣ подольскаго духовенства въ первой половинѣ XIX в., автору слѣдовало бы дѣлать указанія, какія свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ ревизіонныхъ данныхъ прот. Скворцова и какія представляютъ результатъ личныхъ наблюденій. Очень пріятное впечатлѣніе оставляетъ спокойно-безпристрастный тонъ изложенія, чуждый религіозной и національной вражды по поводу давнопрошедшихъ и измѣнившихся событій. Авторъ вполнѣ объективенъ и не закрываетъ глазъ предъ хорошими и полезными сторонами уніи.

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволимъ себѣ высказать, что редакціи слѣдовало бы, для полноты изображенія религіозной и

культурной жизни Подоліи въ настоящемъ вѣкѣ, упомянуть и о болѣе извѣстныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ бѣлаго духовенства, хотя-бы, напр., объ извѣстномъ проповѣдникѣ прот. В. Грегулевичѣ, а также представить очеркъ развитія народнаго образованія въ епархіи.

А. Лотоцкій.

Першій русско-американскій календарь. *Коштомъ тов. «Союзъ». Впорядивъ Несторъ Дмитровъ. Mt. Carmel, Pa. 1897. Спол. Державы повн. Америки. 8 д. л. 32 ненум.+172+26 ненум. стр. Съ портретомъ Шевченка, Ивана Франка и др. и рисунками церквей.*

Въ *Историческ. Вѣстн.* за настоящій годъ (№№ 4—6) помѣщена обширная статья Е. Н. Матросова — *Заокеанская Русь*, гдѣ разсказана судьба *двухсотъ тысячъ* галичанъ-малороссовъ, выгнанныхъ нуждою изъ отечества за океанъ и основавшихъ тамъ уже нѣсколько городовъ. Здѣсь, между прочимъ, указано, что колонисты образовали «Русскій народный союзъ», который и даетъ направленіе ихъ общественной жизни. На средства этого «Союза» изданъ и настоящій первый календарь американскихъ малороссовъ. Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) *Исторія Руси* (*Мир. Кордуба*), заключающая въ себѣ коротенькую исторію Малороссіи; 2) *Найновѣйши вѣсти въ Угорской Руси* содержатъ свѣдѣнія о печальномъ положеніи общественной жизни въ послѣдней; 3) *Положене русиновъ въ сполученыхъ державахъ полночной Америки* (*гр. Леливы, т. е. Е. Н. Матросова*) представляетъ сокращеніе статей, напечатанныхъ въ *Историч. Вѣстн.* Есть въ календарѣ нѣсколько литературныхъ разсказовъ, Франка (*Панцизненый хлѣбъ*), Тимкевича (*По дрова*) и др. Есть и стихи; между послѣдними можно отмѣтить «Американскимъ братямъ поклонъ», Д. Млаки, гдѣ авторъ совѣтуетъ переселенцамъ—не забывать «родного слова». Кромѣ портретовъ Шевченка, Ал. Духновича [1]), Франка, въ книгѣ помѣщены рисунки нѣсколькихъ «русскихъ» церквей (уніатскихъ); большая часть ихъ построена по типу католическихъ костеловъ, но «греко-кат. русска церковь въ Олифантѣ» сохранила типъ сельской малорусской церкви, съ прибавкою изящества въ деталяхъ. Календарь заканчивается перечнемъ «русско-американскихъ братствъ въ спол. державахъ повночнои Америки». Цѣль братствъ—«боронити свою вѣру, народность

[1]) Извѣстный патріотъ Угорской Руси.

и спомогати членъ наслучай хоробы, скалѣченя, займатися похоронами...» Такихъ братствъ перечислено—107.

Какъ видно, американскіе малороссы энергически повели общественную свою жизнь на *новыхъ мѣстахъ*. Жаль только, что Америка, по замѣчанію Гарибальди, есть страна забвенія родины...

А. Л.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. *Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ. Спб. 1897. 8 д. л. XV+466 стр.*

Пятый томъ словаря г. Венгерова, какъ и предыдущіе, состоитъ или статей несоразмѣрныхъ между собою. О нѣкоторыхъ писателяхъ или ученыхъ помѣщены цѣлыя изслѣдованія (напр. о Дружининѣ), а о другихъ—совсѣмъ коротенькія, а о нѣкоторыхъ—и совсѣмъ ничего нѣтъ. Перечислимъ болѣе замѣтныя статьи, относящіяся къ южнорусскимъ уроженцамъ. *Бодянскій О. М.*, статья Н. Сумцова (стр. 51—75) съ подробною библіографіей; *Борисовъ Евг. И.*, авторъ статьи «Малорусское сельское общество», (Слово, 1879 г., №№ 1 и 3); *Борисякъ Н. Д.*, геологъ, харьковскій профессоръ, статья П. Отоцкаго; *Величко Самуилъ*, лѣтописецъ, В. Боцяновскаго; *Велланскій Д. М.*; *Бурачковъ Пл. Ос.*, археологъ, и друг. мелкія. Изъ перечисленныхъ статей главное мѣсто занимаетъ статья г. Сумцова о Бодянскомъ, дающая обстоятельный сводъ всего, что до сихъ было напечатано объ этомъ приснопамятномъ ученомъ, которому такъ много обязана малорусская исторіографія. Изъ печатающихся въ «К. Стар.» писемъ Кулиша къ Бодянскому видно, какую обширную переписку вели между собою эти два малороссіянина, главнымъ образомъ по вопросамъ, касавшимся южнорусскихъ историческихъ памятниковъ. Читая письма Кулиша, самъ собою напрашивается вопросъ—а гдѣ же письма Бодянскаго къ Кулишу?—Неужели погибли?... Вообще писемъ Бодянскаго, писанныхъ къ лицамъ, доставлявшимъ ему для напечатанія южнорусскіе памятники (къ братьямъ Ханенкамъ, къ Н. А. Маркевичу и друг.), до сихъ поръ почти не появлялось, а между тѣмъ въ этихъ письмахъ особенно явственно должна выступать та «красная нить», о которой говоритъ г. Сумцовъ. Будемъ надѣяться, что не всѣ же эти письма растеряны и уничтожены.—Мы замѣтили, что о нѣкоторыхъ писателяхъ словарь Венгерова совсѣмъ не упоминаетъ, при чемъ къ числу ихъ принадлежитъ, напр., поэтъ тридцатыхъ годовъ И. П. Бороздна.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповиданнія. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданнѣ С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Білорусія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Иванов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський. **Мыхайло.** Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Украінський Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ премія гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбецъ. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Отъ редакціи.

Вслѣдствіе пожара, бывшаго въ типографіи, гдѣ печатается журналъ „Кіевская Старина“, *ноябрьская* и *декабрьская* книги запоздали своимъ выходомъ; по этой-же причинѣ и *январьская* книга выйдетъ только въ половинѣ мѣсяца. Съ *февраля*-же мѣсяца редакція разсчитываетъ опять выпускать книги журнала *1-го числа*.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, окончаніе статьи „*Письма П. А. Кулиша къ О. М. Бодянскому*“ не могло быть включено въ составъ декабрьскаго номера, но тѣ подписчики 1897 года, которые не повторятъ подписки въ 1898 году, получатъ окончаніе этой переписки въ *отдѣльныхъ листахъ*.

Какъ редакторъ журнала и одновременно съ тѣмъ редакторъ „Малороссійскаго Словаря“, первые два тома котораго были обѣщаны подписчикамъ 1896 года (1-ый томъ) и 1897 года (2-ой томъ), я считаю себя обязаннымъ извиниться въ томъ, что не успѣлъ выполнить даннаго обѣщанія, но постараюсь въ теченіе 1898 года выслать прежнимъ подписчикамъ *оба тома*.

Редакторъ *В. Науменко*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.